

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Воронина Ольга Юрьевна

**МОДЕЛИ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА
С ИДЕОГРАФИЧЕСКИМ ТИПОМ ПИСЬМЕННОСТИ:
ОПЫТ ДИАХРОНИЧЕСКОЙ МЕТА-СИСТЕМАТИЗАЦИИ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
профессор Е. Ф. Серебrenникова

Иркутск – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОПЫТА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С УЧЁТОМ ИДИОЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА ПИСЬМЕННОСТИ	15
1.1. Проявление онтологических характеристик языка с идеографическим типом письменности.....	15
1.1.1. Отграничение позиции языка с идеографическим типом письменности в типологической классификации языков.....	15
1.1.2. Идиоэтнический фактор связи типа структуры языка и типа письменности	22
1.2. Изучение языка с идеографическим типом письменности в историографическом аспекте.....	27
1.3. Предпосылки изучения языка с идеографическим типом письменности в диахроническом аспекте.....	33
1.4. Проблема периодизации истории языка с идеографическим типом письменности.....	36
1.4.1. Понятие периодизации. Периодизация истории эволюции сложноорганизованных систем	36
1.4.2. Языковая вариативность как усложняющий фактор периодизации его истории	43
1.4.3. Проблема лингвистической датировки письменных памятников китайского языка	47
1.5. Периодизация истории языка как модель, репрезентирующая характеристики его эволюции.....	50
1.5.1. Сущностные характеристики понятия «модель» и метода моделирования	50
1.5.2. Принципы моделирования сложных континуальных объектов анализа	54

1.5.3. Моделирование как способ диахронического изучения языка	59
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	76
ГЛАВА 2. МЕТА-СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОПЫТА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С ИДЕОГРАФИЧЕСКИМ ТИПОМ ПИСЬМЕННОСТИ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ.....	78
2.1. Периодизация истории китайской письменности	78
2.2. Источники реализации диахронической мета-систематизации моделей периодизации истории китайского языка.....	88
2.3. Одноуровневые модели	92
2.3.1. Модели Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина.....	93
2.3.2. Модель Хуан Дяньчэна.....	94
2.4. Двухуровневые модели.....	100
2.4.1. Модели М. В. Крюкова и Хуан Шуин, Люй Шусяна.....	100
2.4.2. Модель Пань Юньчжуна	101
2.5. Трёхуровневая модель	119
2.5.1. Модель М. В. Софронова	119
2.6. Четырёхуровневые модели.....	123
2.6.1. Модели С. Е. Яхонтова, Чжоу Цзумо, Ван Ли	123
2.6.2. Модель Сян Си	125
2.7. Моделирование периодизации истории китайского языка на основе критерия феноменологической адекватности: совмещённая модель	158
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	175
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛОВ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	186
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	188

ВВЕДЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено изучению опыта создания периодизации истории языка с учётом типологических характеристик языка и идиоэтнического фактора письменности в историографическом плане исследования.

Неотъемлемое свойство языка, определяющее его своеобразие, заключается в соотношении устойчивости и изменчивости. Функционирование языка как «социальной семиологии» (Ф. де Соссюр) и важнейшей когнитивной системы человека неразрывно связано с креативностью, трансформациями, обновлением, что даёт основание утверждать значимость истории языка для углубления и расширения диапазона лингвистической теории. Сформулированная Ф. де Соссюром дихотомия «синхронии/диахронии» как одно из важнейших измерений языковой знаковой системы переосмысливается в сторону более диалектической трактовки истории как «диахронических синхроний», значимой для установления состояния и характеристик языка в семиологическом континууме во времени и пространстве [Скрелина, 2005].

В теоретическом плане одной из ключевых в диахронической лингвистике является проблема понимания развития и совершенствования языка. Без осмысления и обоснования этой проблемы всякие изменения в языке невольно сводятся к «теории коловращения форм», ничего общего не имеющей с учением о поступательном развитии всей человеческой культуры, в том числе и живых языков человечества [Будагов, 2004]. Разработка вопросов определения факторов, фактов, показателей и тенденций эволюционных сдвигов отвечает данной теоретической перспективе с учётом фундаментального положения о возможности исследования языка в рамках отношения сущности и явления. Поскольку в сущность можно проникнуть через явление, феноменологически ориентированные исследования приобретают особую значимость. Постановка вопроса об «изменчивости как вопроса о сущности языка» [Звегинцев, 1963, с. 131] требует включения в рассмотрение диахронического исследования аспектов и факторов,

выявляющих идиоэтническое своеобразие языка, в том числе фактора типологической характеристики и идеографического типа письменности.

Глубокое и значительное качественное изменение в языковой системе является результатом развития, охватывающего обычно не менее нескольких веков [Будагов, 1983, с. 71]. Установление хронологии истории языка и выделение последовательных периодов на временной оси его эволюции продолжает оставаться дискуссионной областью в глоттогонии и диахронических исследованиях в лингвистике исходя из сложной совокупности воздействующих факторов и трудности однозначного определения критериев периодизации, которые были бы непротиворечиво распространены на весь эволюционный процесс формирования и функционирования языка.

Вместе с тем, накопленный опыт в данной области позволяет выделить способы и модели периодизации истории языка, которые, обосновывая значимость тех или иных критериев в определённых хронологических срезах, принимаются в качестве опорных в изучении истории языка. Рассматриваются или важнейшие вехи в жизни страны (внешняя история), или совокупность языковых изменений (внутренняя история), при том, что оба подхода представляются достаточно условными [Скрелина, 2001, с. 32]. В случае явного проявления лингвистических показателей, в том числе уровневого характера, именно данные показатели принимаются во внимание для хронологизации и установления периодов. При этом при создании моделей периодизации в качестве ведущего показателя эволюционных изменений, произошедших в языке, особая значимость придаётся фонетическому критерию в его функции базового экспонента происходящих изменений [Аракин, 2003; Филичева, 2003; Шигаревская, 1973]. Дискуссионным становится выделение периода в случае неявных показателей изменений в системе, но явных фактах внешней истории [Скрелина, 2001; Шигаревская, 1973].

Критерий изменений в языке на различных его уровнях релевантен, прежде всего, для языков с фонетическим способом оформления грамматической и лексической структуры. Для языков изолирующего типа со скрытой грамматикой, формирование и функционирование которых связано с важностью

идиоэтнического фактора письменности, проблема периодизации истории языка приобретает еще более осложнённый характер. Особое значение имеет в этом плане использование опыта периодизации истории языков типологически отличных от индоевропейских языков, в частности, языка с идеографическим типом письменности. Изучение истории языка в своеобразии системы его письменных знаков возможно в неразрывной связи с фактором своеобразия культуры, мышления, картины мира. Данный фактор имеет сквозной характер во времени и пространстве и усиливает отмеченную условность разделения «внешней» и «внутренней» истории языка на фундаментальном уровне взаимосвязи языка, познания, коммуникации.

Как показывает анализ данной сферы исследования, с одной стороны, многие существующие модели периодизации китайского языка, как наиболее репрезентативные для ряда языков с идеографическим типом письменности, опираются на фонетический критерий периодизации (Б. Карлгрэн, А. Масперо, Хуан Дяньчэн, С. А. Старостин), с другой стороны, выделяются модели, которые носят более комплексный характер (С. Е. Яхонтов, Чжоу Цзумо, Ван Ли, Сян Си).

В историографическом плане выделяется начальный этап в установлении хронологии истории китайского языка, осуществляемый в русле сравнительно-исторического языкознания. Первым европейским учёным, предпринявшим попытку применения метода сравнительно-исторического языкознания при анализе истории китайского языка, был шведский учёный Бернхард Карлгрэн. Благодаря его усилиям была практически полностью реконструирована фонетическая система китайского языка с XI в. до н. э. по XIV в. н.э., выделены основные периоды в её развитии. Позднее появилась целая плеяда европейских и китайских языковедов, которые дополнили и внесли изменения в реконструкцию и периодизацию истории фонетической системы китайского языка, а также описали эволюцию других его подсистем.

Влияние подходов и принципов европейского языкознания при анализе китайского языка оказалось значительным. В изучении истории китайского языка традиционно выделяются две полные периодизации, выполненные китайскими

лингвистами Ван Ли и Сян Си. Однако, как показывает более углублённый анализ, перечень моделей периодизации истории китайского языка не ограничивается данными моделями и нуждается в уточнении и систематизации.

В этой связи возникает необходимость более углублённой историографической разработки опыта решения вопроса о периодизации языка с идеографическим типом письменности, изучения различных моделей периодизации, установления их достаточно полного перечня, используемых критериев моделирования, оценки их значимости, а также оценки фактора влияния опыта периодизации иного типа языков. Информация, полученная на основе имеющихся моделей, в рамках осуществления диахронической мета-систематизации даёт возможность построения совмещённой модели периодизации истории китайского языка, учитывающей критерий феноменологической адекватности. Понятие метатеории, метаописания определяется семантикой греческого $\mu\epsilon\tau\alpha$ - «после», «о себе», «следующее за», а также «через», «между» [СЭС, 1985, с.792], означая теоретические соображения об основах и методах теории и описания. В этой перспективе диахроническая мета-систематизация трактуется как такое следование и обобщение полученных данных об изучаемом объекте, которое предусматривает выявление и анализ существующих моделей, внутри которых получены данные и, на этой основе, переосмысление сущностных характеристик изучаемого объекта.

Актуальность исследования, таким образом, определяется важностью дальнейшего развития диахронической лингвистики в русле разработки историографических оснований в исследовании истории языка и необходимостью изучения опыта моделирования периодизации истории языка с учётом идиоэтнического фактора письменности, репрезентированного в феноменологии китайского языка.

В основе исследования лежит следующая **гипотеза**: идеографичность письменности, её статус имеют принципиальную значимость в формировании этноязыковой картины мира её носителей, определяя своеобразие языка, и должна быть учтена как важнейший фактор и показатель его эволюции в моделировании

истории языка на основе принципа феноменологической адекватности. Диахроническая мета-систематизация опыта периодизации китайского языка, выявляемого в историографическом анализе, позволяет установить искомую модель периодизации, отвечающую данному интегральному принципу моделирования периодов истории языка.

В качестве **объекта** исследования выступают периодизации истории языка с идеографическим типом письменности, представленные в работах западных, китайских и отечественных лингвистов.

Предмет исследования – подходы к периодизации истории языка с идеографическим типом письменности, выделяемые в реализованных моделях периодизации.

Цель данного исследования состоит в раскрытии опыта моделирования периодизации истории языка с учётом идиоэтнического фактора письменности с опорой на установленные и принятые в лингвистике принципы и способы периодизации и построения, на этой основе, обобщающей модели периодизации истории китайского языка с учётом критерия феноменологической адекватности.

Выдвижение данной цели обусловило постановку следующих задач:

- 1) описать онтологические характеристики языка с идеографическим типом письменности и его место в типологической классификации языков мира;
- 2) установить важность идиоэтнического фактора связи типа структуры языка и типа письменности;
- 3) рассмотреть проблему периодизации эволюционных процессов в языке и основные способы ее решения;
- 4) описать сущностные характеристики метода моделирования и его применение при анализе языка в диахронии;
- 5) рассмотреть трудности периодизации истории языка с идеографическим типом письменности;
- 6) определить критерии выделения периодов в истории развития китайского языка;

- 7) рассмотреть проблему периодизации китайской письменности в историографическом плане;
- 8) осуществить мета-систематизацию данных путём установления моделей периодизации истории китайского языка, представленных в работах европейских и китайских лингвистов, и их критического анализа;
- 9) построить на основе модели, отвечающей критерию уровневости, совмещённую модель периодизации истории китайского языка, учитывающую критерий феноменологической адекватности.

Материалом исследования послужили работы по истории китайского языка и китайской письменности А. Масперо (1934 г.), Б. Карлгрена (1940 г.), С. Е. Яхонтова (1965 г.), М. В. Крюкова и Хуан Шуин (1978 г.), Ван Ли (1980 г.), Пань Юньчжуна (1982 г.), И. С. Гуревич и И. Т. Зограф (1982 г.), Люй Шусяна (1985 г.), С. А. Старостина (1989 г.), Цзян Цзичэна (1991 г.), У. Бакстера (1992 г.), Хуан Дяньчэна (1993 г.), Дж. Нормана (1995 г.), Сян Си (1998 г.), Э. Пуллиблэнка (1999 г.), Чжоу Цзумо (2004 г.), М. В. Софронова (2007 г.), Цан Кэхэ (2013 г.), Ван Пина (2014 г.) и Лу Сисина (2017 г.).

Методы исследования. Исследование опирается на семиологический подход к языку как знаковой системе, феноменологический принцип проявления сущности в явлении, а также на принципы историзма, системности, дополнительности в диахроническом анализе, положения о языковом типе в историографическом описании. Для решения поставленных задач использовались *общенаучные методы*: описание, систематизация, классификация, моделирование, сравнение, интерпретация в их применении для целей диахронического историографического исследования. Ведущим понятием в методологии исследования в установочном и предметно-познавательном планах принимается моделирование.

Теоретическую базу составляют работы по теории и методологии истории (Л. Е. Гринин, И. С. Менщиков, Л. П. Репина, И. М. Савельева, А. С. Шофман); по моделированию в лингвистическом анализе (Ю. Д. Апресян, И. И. Резвин, А. Ф. Лосев, И. Т. Фролов, Р. Г. Пиотровский, Чжао Юаньжэнь), историографии как

разделу языкознания (Т. А. Амирова, Н. В. Боронникова, Ю. А. Левицкий, А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон, Хэ Цзюин 何九盈, Цэнь Чисян 岑麒祥), истории эволюции языка и диахронической лингвистики (И. Г. Гердер, В. фон Гумбольдт, Г. Пауль, А. А. Потебня, Ф. де Соссюр, В. А. Звегинцев, Р. А. Будагов, Л. М. Скрелина, Л. А. Становая, Е. Н. Михайлова), истории развития китайского языка (Б. Карлгрен, А. Масперо, Ван Ли, Сян Си, Пань Юньчжун, Хуан Дяньчэн, М. В. Крюков и Хуан Шуин, С. Е. Яхонтов, С. А. Старостин, М. В. Софронов, Чжоу Цзумо), по грамматологии и письменности (В. А. Истрин, О. М. Готлиб, Цю Сигуй 裘锡圭, Хуан Юэчжай 黄约斋, Сюй Чжици 徐志奇, Ван Пин 王平, Цан Кэхэ 藏克和, Лу Сисин 陆锡兴).

Научная новизна работы определяется разработкой проблемы установления периодизации языка в связи с феноменологическим фактором проявления сущностного своеобразия языка путём выявления значимости типа письменности в хронологизации истории языков, генетически и типологически отличных от языков индоевропейской языковой семьи. Впервые в целях системного обобщения опыта периодизации истории языка осуществляется диахроническая метасистематизация моделей истории языка с идеографическим типом письменности путём моделирования и определения основных моделиобразующих принципов такого моделирования. Впервые осуществляется построение обобщающей модели периодизации истории развития китайского языка исходя из критерия феноменологической адекватности.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Идеографическая письменность, являясь важнейшим способом репрезентации этнокультурного своеобразия создающего его этноса, выступает в качестве базового сущностного признака языка, что, как следствие, определяет необходимость, при установлении периодов в истории языка, наряду с учётом типологических характеристик, отграничения и применения критерия феноменологической адекватности, учитывающего фактор типа письменности;

2. Диахроническая мета-систематизация представляет собой систематизацию существующих моделей в историографическом аспекте в следующем алгоритме анализа: 1. установление и систематизация уже существующих моделей периодизации истории языка как объекта изучения; 2. критическое рассмотрение данных моделей; 3. построение выводной модели на основе интегрального принципа адекватности объекту изучения;
3. Периодизация истории китайского языка представлена многоуровневыми и многочленными моделями. Наиболее приближенной к языковой реальности и отвечающей критерию уровневости является четырёхуровневая десятичленная модель периодизации истории китайского языка, представленная в работе Сян Си;
4. Периодизация истории китайского языка, выявляемая посредством диахронической мета-систематизации моделей, выводится на основе модели Сян Си, дополненной моделью Лу Сисина, то есть путём совмещения данных моделей на основе модели Сян Си. Совмещённая модель учитывает интегральный критерий феноменологической адекватности, подкреплённый критерием проявления эволюционных сдвигов в строе языка, включая фонетические, грамматические, лексические изменения и тенденции, а также аспекты внешней истории языка.

Теоретическая значимость определяется вкладом данного исследования в диахроническую лингвистику и уточнением методологического аппарата периодизации истории языка на основе установления, обобщения и критического анализа существующих моделей периодов языка с учётом критерия феноменологической адекватности. Теоретически важным является придание значимости факту проявления своеобразия языка в виде идеографического типа письменности во взаимосвязи с этнокогнитивными основами мышления, культуры, картины мира как фундаментальному фактору, влияющему на проявление изменений в языке. Значимым является также вклад в комплексное изучение

истории китайского языка и его периодизацию; в историографию языкознания и китайское языкознание введён уточнённый и хронологически систематизированный корпус источников изучения истории китайского языка, позволяющий осуществить мета-систематизацию моделей периодизации истории языка с идеографическим типом письменности и построить совмещённую модель, учитывающую критерий феноменологической адекватности; осуществлён перевод фрагментов ряда работ китайских исследователей на русский язык. Исследование на материале языка с идеографическим типом письма позволяет показать наличие и корреляцию специфичности и универсальности подходов при изучении языка в диахроническом аспекте. Результаты исследования также способствуют углублению знаний в области общего языкознания, расширению представлений об особенностях эволюции языков, обладающих не фонетическим типом письма.

Практическая значимость диссертации заключена в том, что предложена и обоснована обобщённая модель периодизации языка с учётом его феноменологического своеобразия в виде идеографического типа письменности. Полученная система семиологического воплощения представлений о взаимосвязи языка, мышления, культуры, типа письменности в истории языка и установлении его периодов может быть использована при моделировании диахронических процессов других языков с учётом их типологического и культурологического своеобразия. Результаты исследования могут быть использованы при разработке курсов по общему языкознанию, восточному языкознанию, диахронической лингвистике, истории китайского языка, а также в научно-исследовательской работе студентов при написании курсовых и дипломных проектов.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета. По теме диссертации были сделаны доклады на конференциях, проводимых в рамках Недели Науки (2014г., март 2015г., март 2016 г., март 2019 г.) и Аспирантских чтениях (май 2015 г.), на международной научно-практической конференции «Языковое образование в аспекте взаимодействия культур»

(Уссурийск, 2013), на международной научно-практической конференции «Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение» (Иркутск, 2014), на II международной научно-практической конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: Диалог языков и культур» (Иркутск, 2016), XXIII заочной международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (Белгород, 2017), международной научно-практической конференции «Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития» (Иркутск, 2017). Основные положения отражены в 10 научных публикациях автора общим объёмом 5,26 п.л. из них 3 (1,5 п.л.) публикации представлены в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ: «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета», «Филологические науки. Вопросы теории и практики», «Известия Волгоградского государственного педагогического университета».

Структура диссертационного исследования определена целью, поставленными задачами, логикой раскрытия темы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего 143 наименования, в том числе 30 работ на иностранных языках, приложения. Общий объём работы составляет 190 с., из них 187 с. основного текста.

Во введении указывается цель и задачи исследования, его объект, предмет, методы, обосновывается актуальность, указывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Теоретические основания систематизации опыта периодизации истории языка с учётом идиоэтнического фактора письменности» описываются онтологические характеристики китайского языка, раскрывается значимость китайской письменности как идиоэтнического фактора, влияющего на язык; рассматриваются понятия периодизации как специально-исторического метода познания, моделирования и модели; освещаются требования, предъявляемые к модели; обосновывается необходимость выработки критерия

феноменологической адекватности, учитывающего фактор письменности при периодизации истории китайского языка; вводится и раскрывается понятие диахронической мета-систематизации; определяются критерии при моделировании периодизации истории китайского языка в работах западных, китайских и отечественных лингвистов.

Во второй главе «Мета-систематизация опыта периодизации истории языка с идеографическим типом письменности на основе моделирования» освещается современный взгляд на вопрос периодизации истории китайской письменности; описываются источники реализации диахронической мета-систематизации моделей периодизации истории китайского языка; систематизируются и критически оцениваются существующие модели периодизации; посредством диахронической мета-систематизации моделей выявляется наиболее репрезентативная модель; осуществляется построение совмещённой модели периодизации истории китайского языка с учётом критерия феноменологической адекватности.

В заключении обобщаются результаты проведённого исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

В приложении представлены особенности эволюции консонантной системы китайского языка в модели Хуан Дяньчэна, а также представлен процесс создания совмещённой модели мета-систематизации.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ОПЫТА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С УЧЁТОМ ИДИОЭТНИЧЕСКОГО ФАКТОРА ПИСЬМЕННОСТИ

1.1. Проявление онтологических характеристик языка с идеографическим типом письменности

1.1.1. Отграничение позиции языка с идеографическим типом письменности в типологической классификации языков

Язык – уникальное явление действительности, возникновение которого обусловлено природой человека. В настоящий момент на Земле насчитывается от 2,5 до 6 тысяч языков. В ходе истории, по мере накопления знаний о языках, их общих и отличительных характеристиках, изменениях во времени и пространстве, возникла необходимость в систематизации полученных знаний. В лингвистике выделяются три основных вида систематизации – генеалогическая, типологическая и ареальная классификации. Генеалогическая классификация предполагает объединение языков на основе их генеалогического родства, т.е. общности их происхождения. Типологические классификации, основанные на структурной характеристике языков, понимаются как группировки, логически независимые от родословных деревьев языков. Ареальная классификация – это группировка языков на основе общих признаков, возникших как результат длительного взаимодействия носителей данных языков на определённой территории [Мечковская, 2001, с. 15]. Следует отметить при этом, что данные классификации, прямо или опосредованно, учитывают фактор исторического становления языков.

Исторически первой стала генеалогическая классификация. Она принадлежит И. Ю. Скалигеру, который во второй половине XVI в. предпринял попытку установления групп родственных языков [Реформатский, 2004, с. 390]. Параллельно с формированием генеалогической классификации языков появляется и типологическая классификация. В данной классификации, в качестве основной, принимается идея типа, понимаемого как объединение объектов с учетом их общих

черт. Авторство первой типологической классификации принято приписывать Ф. фон Шлегелю. Автор, исходя из характера соединения морфем, выделяет два типа языков: 1) органические, или флективные; и 2) аффиксальные (агглютинирующие). Эта классификация была уточнена А. Шлегелем, выделившим еще один тип – «языки без грамматической структуры», т.е. изолирующие, или аморфные языки [Боронникова, 2013, с. 103-104]. Выделение третьего типа было продиктовано, прежде всего, описанием и изучением письменного литературного языка Китая – вэньяня, резко контрастирующего на фоне других языков [Драгунов, 1952, с. 9]. Типология А. Шлегеля была стадийной: типы языков были представлены как стадии глоттогонического процесса. Вэньянь характеризовался моносиллабизмом, аморфностью слова, и, как следствие, признавался низшей стадией развития человеческого языка. Подобный взгляд на природу китайского языка существовал вплоть до начала XX в.

Иное видение типологической классификации языков предложено в 1921 г. Э. Сепиром. В основе его типологической классификации лежит метод оценки и типологической характеристики, базирующийся на следующих трех признаках: 1) типы значений (понятий), выражаемых в языке - основные (конкретные); деривационные; конкретно-реляционные и чисто - реляционные значения; 2) способы выражения грамматических понятий (изоляция, аффиксация, символизация); 3) степень связи грамматических понятий со словом (аналитичность, синтетичность, полисинтетичность) [Там же, с. 101; 122-123]. Кроме того, для языков, «в которых синтаксические отношения выражены в чистом виде и которые не обладают способностью модифицировать смысл корневых элементов посредством аффиксов или внутренних изменений», Э. Сепир вводит понятие «чисто-реляционных языков без деривации» или «простых чисто-реляционных языков», а для языков, «в которых синтаксические отношения выражены в чистом виде и которые вместе с тем обладают способностью модифицировать смысл корневых элементов посредством аффиксов или внутренних изменений», применяет понятие «чисто-реляционных языков с деривацией» или «сложных чисто-реляционных языков» [Там же, с. 130]. С учётом

всех признаков, китайский язык в классификации Э. Сепира рассматривается как простой, чисто-реляционный, изолирующий, аналитический язык. При этом термины «изоляция» и «изолирующий язык» подразумевают аморфность слова, совпадение корня и слова, а также односложность последнего [Драгунов, 1952, с. 7].

Подвергнув критическому анализу классификацию Э. Сепира и применив ее к современному состоянию китайского языка, Н. Н. Коротков вносит изменения в характеристику китайского языка, определяя последний как язык «сложный, чисто-реляционный, изолирующий с элементами агглютинации и символизации» [Коротков, 1968, с. 18]. Охарактеризовав китайский язык в терминах Э. Сепира, Н. Н. Коротков отмечает, что данная характеристика в действительности не демонстрирует существенных связей, лежащих в основе его структуры, поскольку классификация пренебрегает детальным рассмотрением степени синтезирования, а именно, степень синтезирования является наиболее изменчивой характеристикой строя языка.

По мнению Н. Н. Короткова, после работ Э. Сепира в лингвистике дважды предпринимались попытки пересмотреть характеристику китайского языка как изолирующего. Первая попытка была предпринята итальянским лингвистом П. Мериджи в 1933 г. [Там же, с. 19]. Вместо термина «изолирующие» языки автор вводит понятие «группирующих» языков. Его классификация основана на объединении слов в группы, значимости рамочных конструкций, различных типов сочетаний (соединение относительно автономных элементов) и конструкций (соединений, состоящих из знаменательных слов и частиц). Затрагивая вопрос о частеречной принадлежности слов в данном типе языка, П. Мериджи отмечает, что за каждым словом закреплена определенная функция, использование же слова в той или иной функции и в том или ином значении, которое возникает на базе данной функции, определяется в речи, исходя из порядка слов в предложении. По степени сложности синтаксической структуры китайский язык автор относит к языкам с фрагментарной синтаксической структурой. Кроме того, особенность синтаксической структуры китайского языка рассматривается в связи с влиянием

иероглифического письма на письменно-литературный язык, который характеризуется «почти искусственной сжатостью», в то время как современный китайский язык отчетливо проявляет характеристики агглютинирующего языка.

Вторая попытка пересмотра концепции Э. Сепира принадлежит чешскому лингвисту В. Скаличке, который вместо термина «изолирующий» для характеристики китайского языка предлагает пользоваться термином «полисинтетический». В основе типологической классификации В. Скалички лежат сложения, представляющие собой сложные слова, единицы языка, воспроизводимые лишь в речи. Наличие сложных слов автор связывает с «использованием знаменательных слов в служебной функции и малочисленностью чисто формальных элементов, преобладанием в языке слов с ясной внутренней формой и малой распространенностью слов, лишенных ясной этимологии» [Там же, с. 26]. В качестве подкрепления своей точки зрения о полисинтетическом строе китайского языка В. Скаличка отмечает его тенденцию к моносиллабичности, которая, в свою очередь, порождает большое количество омонимов и вызывает необходимость в образовании сложных слов. По мнению автора, еще одним доводом в пользу признания китайского языка в качестве полисинтетического служит отсутствие точной классификации знаменательных и формальных элементов, отсутствие морфологических маркеров частей речи, частеречную принадлежность которых можно определить лишь по их конвенционально закрепленным значениям и функциям.

К вскрытию онтологических свойств китайского языка, проявляющихся в количественных и качественных характеристиках слова, подходит Н. И. Конрад. На разборе текста на современном китайском языке автор наглядно демонстрирует наличие в нем большого количества двух-, трех- и четырехсложных слов, что уже ставит под сомнение моносиллабичность и аморфность китайского языка [Конрад, 1952, с. 57].

Уточнение понятия «изоляция» и определение современного китайского языка как изолирующего можно найти в работе В. М. Солнцева [Солнцев, 1995]. Изоляция понимается автором как «характеристика особого способа связи слов в

предложении, при котором в самих словах, а точнее, в формах слов не выражается отношение слова к другим словам и тем самым не маркируется синтаксическая функция слова. Средством выражения отношения к другим словам в условиях изоляции служат взаимные расположения слов (порядок слов), а также различные служебные слова. Понимание изоляции как способа грамматического связывания слов в речи относит ее к синтаксическим понятиям и выводит из рядоположенности с понятиями агглютинации и флексии, которые являются морфологическими понятиями, так как характеризуют устройство слова в том или ином языке. Агглютинация и флексия могут не противоречить изоляции, а существовать в её рамках, поскольку слово, использующее как агглютинативную технику, так и флективную технику, может не выражать в себе отношений к другим словам и обнаруживать безразличие к выполняемой синтаксической функции» [Солнцев, 1995, с. 9]. Все языки, таким образом, можно разбить на два макротипа – неизолирующие и изолирующие, а внутри каждого макротипа выделить типы: флективные, агглютинативные и инкорпорирующие в рамках неизолирующего макротипа; и преимущественно агглютинативный тип (с наличием аналитических форм, флективности и агглютинации) в рамках изолирующего типа [Там же, с. 11]. Современный китайский язык с синтаксической точки зрения характеризуется как язык изолирующий (не аморфный, не корневой, не моносиллабичный), а с морфологической точки зрения как агглютинативный с единичными фузионными явлениями [Солнцев, 1998, с. 21]. По способу выражения грамматических значений китайский язык – аналитический.

Данная концепция непротиворечиво и с достаточной степенью полноты охвата языковых фактов и явлений характеризует китайский язык с точки зрения особенностей морфологической структуры языка. Однако для понимания онтологической сущности языка и определения его места в типологической классификации языков этого не вполне достаточно. В связи с этим, помимо особенностей морфологического строя языка, в качестве критерия классификации в типологии используются и другие параметры, такие как типы звуковых цепочек и строение слога. На основе данных характеристик выделяют слоговые и

неслоговые языки. В первом типе языков слоги образуются путем определенных комбинаций звуков, во втором типе модели более разнообразны.

Рассматривая китайский язык с позиций данной концепции, следует заметить, что для китайского языкового сознания тонированный слог или «силлабема» [Иванов, Поливанов 2003, с. 5] является центральной элементарной единицей языка. В китайском языке слова формируются из слогов или слогопредставлений. Наблюдается совпадение морфологической и слоговой границ; морфемой является целый и единый слог. Звуки в составе слога располагаются в одном, строго определенном порядке. При полном составе силлабемы ее модель представлена сочетанием инициали (согласного) и финали (вокалической части), которая может быть сложной или простой. В составе сложной финали можно выделить медиаль (неслоговой компонент) и субфиналь. Простая финаль представлена только субфиналью, состоящей из централи и терминали [Спешнев, 2006, с. 12]. Другие типы слогового состава невозможны.

Вышеперечисленные классификации фокусируют внимание на грамматической составляющей языка, в то время как в фонетико-фонологической и просодической классификациях акцент делается на фонетическую составляющую. Фонетико-фонологическая классификация основана на противопоставлении фонологических систем по числу гласных и согласных, превышающих их среднее количество в языке. К вокалическим языкам относят языки, в которых количество гласных составляет 50% от общего числа фонем и выше; в консонантных языках количество согласных превышает 50% и может составлять до 98% от общего числа фонем [Мечковская, 2001, с. 53]. В китайском языке путунхуа «гласные преобладают над согласными» [Алексахин, 2013, с. 189]. Общее количество согласных составляет 21, в то время как общее количество гласных – 39. Данный факт позволяет отнести китайский язык путунхуа к вокалическим языкам.

Просодическая классификация предполагает деление языков на тонические и атонические. К тоническим языкам относят языки, в которых выделение ударного звука осуществляется за счет повышения или понижения тона. В атонических

языках выделение ударного звука происходит посредством большего напора выдыхаемой воздушной струи и большей мускульной напряженности [Мечковская, с. 58, 62]. В современном литературном китайском языке путунхуа, опирающемся в фонетическом плане на северные диалекты, выделяется четыре тона, которые различаются тональными рисунками. Тон является суперсегментной единицей и присущ не слогу в целом, а финали. Он выполняет смысловоразличительную функцию – в зависимости от мелодической окраски тона меняется значение слова [Спешнев, 2006, с. 17-18].

Помимо вышеперечисленных классификаций, существует также классификация с опорой на структуру и семантику субъектно-объектных отношений в предложении, т.е. в классификации на первый план выходит синтаксический уровень языка, а особенности фонетического и морфологического уровней остаются не учтенными. Данная классификация предполагает деление языков на номинативные, эргативные, активные, классные и нейтральные. Номинативный строй является наиболее частотным в языках мира. В основе предложения номинативного типа лежит противопоставление подлежащего (субъекта действия) и дополнения (объекта действия). В языках эргативного строя предложение строится на противопоставлении не субъекта и объекта, а агентива (производителя действия) и фактитива (носителя действия). Противопоставление активного и неактивного действия еще больше выражено в языках активного типа. Все возможные субъекты действия обладают характеристиками активности или неактивности действия. Отличительной чертой языков классного строя является разделение главных частей речи на семантические классы. Языки нейтрального типа, по причине недостаточной изученности в настоящий момент, могут быть охарактеризованы отсутствием тех черт, которые составляют отличия номинативного, активного и классного строя [Мечковская, с. 84-86]. Для китайского языка в предложении характерен фиксированный словопорядок. В преобладающем большинстве случаев подлежащее (субъект действия) находится на первом месте, далее следует сказуемое (действие) и дополнение (объект действия).

Каждая из рассмотренных классификаций акцентирует внимание на одной из сторон языка, не учитывая остальные его стороны. Однако, в совокупности, данные классификации формируют достаточно целостное представление о типе языка и его месте в типологической классификации языков.

Принимая во внимание параметры представленных классификаций, дадим типологическую характеристику современному китайскому языку: 1) по способу связи слов в предложении – изолирующий; 2) по характеру соединения морфем в слове – агглютинативный с единичными фузионными явлениями; 3) по способу выражения грамматических значений – аналитический; 4) по параметру превалирования гласных над согласными – вокалический; 5) по типу слога – слоговой; 6) по наличию тонов и тонального ударения – тонический; 7) по типу структуры и семантики субъектно-объектных отношений в предложении – номинативный.

Классификационный анализ китайского языка, установление свойственных ему характеристик и их обобщение в типологической целостной характеристике языка выявляет глубинность и сложность онтологии языка и, как следствие, сложность его феноменологии, что определяет важность критерия феноменологической адекватности в попытках описания и систематизации единиц, фактов, явлений китайского языка как в синхронии, так и в диахронии.

1.1.2. Идиоэтнический фактор связи типа структуры языка и типа письменности

Идиоэтнический фактор является важнейшим объяснительным фактором при исследовании языка как национальной естественной семиотики, сложившейся в глоттогенезе в его неразрывной связи с антропогенезом и культурогенезом.

«Язык есть условие и продукт человеческой культуры» [Винокур, 1959, с. 210]. Впервые на взаимосвязь языка и этнокультурного сознания народа указал В. фон Гумбольдт в своей деятельностно-энергетической концепции языка. «Язык и духовные силы развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно один

за другой, а составляют нераздельную деятельность интеллектуальных способностей...Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое». Источником духовной силы выступает народ, который через язык транслирует свое мировидение, поэтому «язык есть как бы внешнее проявление, духа народов; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [Гумбольдт, 2000, с. 67-68]. Проблема взаимосвязи языка и мышления позднее поднималась в работах А. А. Потебни, рассматривающего язык как средство создания мысли – «язык есть необходимое условие мысли отдельного лица» [Потебня, 1993, с. 27], Л. Вайсгербера, для которого «мыслительная деятельность носит языковой характер» [Вайсгербер, 2004, с. 40], Э. Сепира и Б. Уорфа, признававших «влияние языка на различные виды деятельности людей» [Уорф, 1960, с. 135] и многих других.

С развитием когнитивной лингвистики язык, являясь отражением особенностей идиоэтнического мышления народа, стал рассматриваться в качестве одной из когнитивных систем, участвующих в категоризации и концептуализации действительности, способствуя формированию особой национальной когнитивной картины мира его носителей. «Национальная когнитивная картина мира представляет собой общее, устойчивое, повторяющееся в картинах мира отдельных представителей народа. В связи с этим национальная картина мира, с одной стороны - некоторая абстракция, а с другой - когнитивно-психологическая реальность, обнаруживающаяся в мыслительной, познавательной деятельности народа...» [Попова, 2007, с. 5].

В научной литературе традиционно выделяется два культурно обусловленных типа мышления: абстрактно-логический и ассоциативный (коррелятивный) типы мышления. В данном случае имеется ввиду различие западной и восточной культур в широком смысле слова, как способа познания мира, мировоззренческих установок и ценностных ориентаций [Столяренко, 2010, с. 174]. Первый тип мышления характерен для народов Европы и Америки, сформировавшийся под влиянием логики, которая стала общепознавательной

моделью действительности. Ассоциативный тип мышления сформировался у народов Востока, в частности, у китайцев.

Отличительной особенностью древнекитайской культуры была опора на классификационные схемы, среди которых наиболее распространенными были двоичная классификация, концептуализируемая с помощью понятий 阴阳 *Инь и Ян*, троичная классификация 三材 *Три материала*, осмысляемая как триединство Неба, Земли и Человека (Верха, Низа и Середины соответственно) и, наконец, пятеричная классификация, обозначаемая термином 五行 *Пять стихий* [Крушинский, 2006, с. 26]. Последовательно расположенные классификационные схемы могли быть заменены натуральными числами. «Именно числа лежат в основе коррелятивного мышления: всё существующее разбивается на два (три, четыре и т.д.) класса однородных вещей...казалось бы разные и совершенно не связанные между собой вещи, попав при таком разбиении в один и тот же класс, оказываются родственными друг другу. В этом состоит главное внешнее отличие коррелятивного мышления...» [Агеев, электронный ресурс].

Символизм, знаковость окружающего мира проявлялись в целостном мировосприятии во всем. «Китайцы видели мир как всеобъемлющую знаковую систему: каждое явление - особый знак; знаки природные симпатически связаны со знаками искусственными, резонируют друг с другом. Считалось, что с помощью знаков можно не только выражать универсальные законы мироздания, но и управлять Поднебесной» [Еремеев, 1993, с. 4]. Подобное мировосприятие находит отражение в формировании «учения о символах и числах» - нумерологии, которое уже в эпоху Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.) приобретает общепризнанный методологический статус. Нумерология «строится на всеобъемлющем классификационизме и особом типе обобщения-генерализации, т.е. представлении класса объектов путем выделения из него самого характерного (ценного, главного и т.п.) объекта в качестве репрезентанта без абстрагирования свойств класса» [Кобзев, 2006, с. 419-420]. Основополагающая роль нумерологии просматривается

во всех главных философско-религиозных учениях, научных дисциплинах, пронизывает все аспекты культуры древнего Китая.

Особое отношение к символической схеме, символу, чертежу, цифре привело к возникновению культуры «вэнь» (文) – культуры письменного знака. Этимологическое значение «вэнь» – «татуировка», «узор», «орнамент». Прототипом культуры в Китае стала ткань, о чем свидетельствует графика «вэнь», восходящая к изображению переплетающихся нитей, и имеющая дописьменное значение «тканый орнамент». Производство тканей и одежды из них рассматривалось в качестве одного из главных признаков, отличающих культуру от дикости. Постепенно посредством нумерологического и каноноведческого терминологического аппарата этот образ был концептуализирован. Это проявлялось в этимологической связи «вэнь» с ткацко-прядельным производством, плетением шнуров, нитей, сетей, обозначающих троично-пятеричную и двоично-четверичную системы продольно-вертикальных и поперечно-горизонтальных осей и символизирующих сетчатую матрицу мироздания [Кобзев, 2006, с. 192-193]. Понятие «вэнь» в качестве одной из базовых категорий китайской культуры закрепляется, преимущественно, в конфуцианских трактатах, где оно предельно «космологизируется и онтологизируется, как бы подтверждая средствами философской рефлексии свою исходную сакральность...Вэнь теперь – универсальное космическое начало, выражающее базовую «узорность», «украшенность» Вселенной. Следовательно, в человеческой культуре и прежде всего в письменном слове, иероглифическом знаке как первоисточнике культуры, а также в текстах совершенных мудрецов древности проявился и воплотился тот же самый принцип, который придает эстетическое измерение всему космосу. Культура и ее источник – письменное слово является человеческим вэнь...любой письменный знак, иероглиф есть как бы частное проявление узора-орнамента космоса» [Торчинов, 2007, с. 32].

Прототипом иероглифической письменности было пиктографическое, рисуночное письмо, поэтому базисную часть иероглифической письменности составляют пиктограммы и идеограммы, т.е. комбинации пиктограмм, которые в

сравнении со знаками «буквенно-звукового» письма [Истрин, 1961] обладают принципиально иным отношением к звуковому языку. Иероглифами фиксируются морфемы, а не звуки. Морфемы, являясь минимальными значимыми единицами языка, «непосредственно соотнесены со значением и лишь через посредство значения со звучанием (знак – значение морфемы – звучание морфемы). Этим они отличаются от фонетического письма, где буквы записывают только звучания, а через звучания обозначают слова и морфемы (знаки – звучание – значение морфемы)» [Амирова, 1975, с. 65]. Иными словами, при помощи знаков иероглифической письменности передается план содержания лингвистических единиц [Стефановская, 2015, с. 139-140], а не план выражения как в случае со знаками буквенно-звуковой письменности.

Применяя к описанию сущности базовых китайских иероглифических знаков классификацию Ч. Пирса, О. М. Готлиб относит пиктограммы к иконическим знакам, в которых связь между означающим и означаемым «очевидна и последовательна», а идеограммы к индексальным знакам, где эта связь «носит опосредованный, но, вместе с тем, так же вполне последовательный характер» [Готлиб, 2007, с. 50].

Таким образом, пиктограммы вместо знаковой (конвенциональной) функции обладают «интегрированной в язык доязыковой изобразительной функцией», т.е. на раннем этапе развития, на этапе мифологического, коррелятивного по сути, мышления «имеет место не репрезентация вещей, событий, процессов и тому подобного, так называемого “внешнего” мира посредством графических изображений, а их прямое не опосредованное ничем презентирование» [Крушинский, 2013, с. 66-67]. В основе данного типа мышления лежит представление об атомарном, целостном факте, репрезентируемом посредством пиктограммы или идеограммы. Пиктограмма/идеограмма предстает в качестве модели – образа, изображающего определенную связь вещей. Изобразительность, присущая изначальной природе иероглифического письма, «терминологизировалась пиктограммой “образ”». Главным преимуществом образа является его способность передавать смысл в сжатом, конденсированном виде.

Образ, зафиксированный при помощи определенного графического конструкта, направлен на воспроизведение отображаемого им факта и представляет «графическое моделирование соответствующего способа связи вещей, как себе его мыслили китайцы». Правила моделирования одних фактов при помощи других варьируются – от физического, внешнего сходства, до едва уловимой взаимосоотнесенности образа и объекта образности [Там же, с. 111].

Идеографичность китайской письменности хорошо соотносилась с типом структуры древнекитайского языка. Древнекитайский язык был аморфным, корнеизолирующим языком, слова которого в речевом потоке были легко вычленимы. Они воспринимались как самостоятельные и основные элементы языка, каждый из которых мог быть передан отдельным знаком письма. Отличительной особенностью слов древнекитайского языка была грамматическая неизменяемость слов, не требующая дополнительных знаков для передачи их грамматических форм и значений [Истрин, 1961, с. 78-79]. Данные онтологические особенности языка способствовали закреплению позиций идеографической письменности, которая, в свою очередь, на долгое время стала сдерживающим фактором, препятствующим переходу китайского языка от корнеизолирующего типа к другому языковому типу.

Китайский язык – это код культуры жителей Поднебесной. Письменной формой данного культурного кода выступает китайская иероглифическая письменность. Фактор иероглифической письменности является базовым идиоэтническим фактором, обусловленным взаимосвязью языка, культуры, мышления, и оказывающим значительное влияние на феноменологические характеристики языка в его синхронии и диахронии.

1.2. Изучение языка с идеографическим типом письменности в историографическом аспекте

Доминирующим положением иероглифического знака в сознании китайцев было продиктовано и развитие направлений лингвистического знания в Китае. В

Китае традиционно выделяли три отрасли филологии, которые занимались изучением языка, в частности, иероглифического знака.

Самой древней была 训诂学 *сюньгусюэ*, в ведение которой входило толкование древних слов, выяснение их значений, посредством перевода или описания предметов и явлений, которые существовали в древности, но потом были забыты или изменены. Историографы лингвистических учений в Китае считают, что первый словарь, в котором были не только списки слов, но и объяснения их значений, появился до династии 秦 *Цинь* (до 221 г. до н.э.) и был связан с комментированием конфуцианской классической литературы. Подобные систематизированные собрания объяснений слов из древних источников легли в основу первого толкового словаря 尔雅 «*Эрья*» (Приближение к классике), время создания которого предположительно III в. – II в. до н.э. Слова в «*Эрья*» были сгруппированы по тематическим классам: небо, земля, горы, воды, деревья, рыбы, птицы и т.п. При династии Хань был составлен словарь «*方言*» «*Фаньянь*» (Местные слова), где были собраны слова, употреблявшиеся в разных областях Ханьской империи. Еще одним словарем этой эпохи, который был этимологическим, является словарь «*释名*» «*Шимин*» (Объяснение имен) [Десницкая, 1980, с. 95-99]. В VI в. был составлен «*玉篇*» «*Юйпянь*» (Нефритовая книга), который также был посвящен объяснению значений, иллюстрировавшихся многочисленными примерами употребления слов в классической китайской литературе. Впоследствии каждая династия вносила свой вклад в составление словарей слов.

Вторым направлением китайского языкознания была наука 文字学 *вэньцзысюэ*, объектом изучения которой были особенности структуры и этимологии иероглифических знаков. Первый словарь, в котором была представлена классификация знаков по структуре был «*说文解字*» «*Шо вэнь цзе цзы*» (Объяснение простых и толкование сложных знаков), составленный в 100 г. н.э. 许慎 *Сюй Шэнем*. Он описал 六书 *шесть категорий иероглифов*: 象形字 *иероглифы изобразительной категории*, 指事字 *иероглифы указательной*

категории, 会意字 иероглифы идеографической категории, 形声字 иероглифы фонетической категории, 转注字 иероглифы видоизменённой категории, 假借字 иероглифы заимствованной категории.

Еще одним направлением, возникшим несколько позднее других направлений языкознания, но ставшим в средние века ведущим, была 音韵学 *иньюньсюэ* – фонетика, а точнее, фонология, т.к. она занималась исследованием фонетических оппозиций. Начало изучения фонетики обычно связывают с проникновением в Китай буддизма и развитием теории стихосложения [Кобзев, 2009, с. 497]. Не последнюю роль в развитии этого направления сыграла и необходимость правильного прочтения знаков в классических текстах, которое «должно быть единственным, поскольку оно имело то же сакральное значение, что и его смысл» [Софронов, 2007, с. 361].

Самым ранним способом записи чтения знака был так называемый 譬况 *принцип уподобления*, однако наиболее употребительным считалось 读若/读如 *чтение по подобию*. Чтение знака указывалось через чтение другого, часто употребляемого знака, имеющего схожее чтение [Воронина, 2018, с. 182]. По мере осознания морфологической структуры китайского слога и его фонемного состава появляется новый способ записи звучания слогов. Данный способ предполагал частичную редупликацию начальной или вокалической части слога. Первый тип полуповтора назывался 双声 *равнозвучие* или *аллитерация*, который заключался в изменении финали при неизменной инициали. Примером аллитерации могут служить слова 蜘蛛 «*zhīzhū*» (паук), 辨别 «*biànbíé*» (различать), 忐忑 «*tǎntè*» (робкий, боязливый). Второй тип полуповтора назывался 叠韵 *дэюнь* или *рифмовка, консонанс*. Примером консонанса являются слова 葫芦 «*húlu*» (тыква-горлянка), 泛滥 «*fàn làn*» (растекаться), 从容 «*cóng róng*» (спокойно, непринуждённо).

В конце династии Хань появляется более совершенный способ записи звучания - метод 反切 *разрезания*, дававший возможность обозначить чтение

иероглифических знаков средствами иероглифической письменности. Данный метод предполагал разделение слога на начальную (согласную) и конечную (вокалическую) части. Начальная часть слога называется 声母 *инициаль*, конечная – 韵母 *рифма*. «Разрезание» позволяло фиксировать звучание знака через звучание двух других знаков. При этом начальная часть первого знака должна совпадать с начальной частью «разрезаемого» знака, а конечная часть второго знака, включая тон – с конечной частью «разрезаемого» знака. При подборе инициали учитывались такие характеристики, как твёрдость и мягкость, а при подборе рифмы – структура рифмы, т.е. наличие в ее составе срединного элемента или *медиали*, а также характеристика рифмы по степени подъёма языка при произнесении слогаобразующего гласного. На выбор знаков, используемых при разрезании накладывалось еще одно ограничение. Знак, используемый для передачи начального компонента, не мог иметь одинаковую с «разрезаемым» знаком конечную часть, а знак, используемый для передачи конечного компонента не мог иметь одинаковую с «разрезаемым» знаком начальную часть, т.е. три знака не могли быть полными омонимами. Например, при «разрезании» знака 高 «gāo» (высокий) не могли использоваться знаки 皋 «gāo» (низина) и 羔 «gāo» (ягнёнок) [Там же, с. 182].

При описании консонантной системы пользовались терминами 三十六字母 *тридцать шесть звуков*, 五/七音 *пять/семь звуков*, 清音 *чистые* и 浊音 *мутные* согласные. 五音 предполагало группировку согласных по месту произнесения. Выделялись: 唇音 *зубные*, 舌音 *язычные*, 齿音 *переднезубные*, 牙音 *зубные*, 喉音 *гортанные*. При династиях Сун и Юань ввели понятие 七音 *семь звуков*. К пяти вышеперечисленным классам добавили еще два класса – 半舌音 *полуязычные* и 半齿音 *полузубной* согласные. Все согласные также делились на 清音 *чистые* (глухие) и 浊音 *мутные* (звонкие). *Чистые*, в свою очередь, подразделялись на 全清 *абсолютно чистые* (непридыхательные) и 次清 *получистые* (придыхательные), а *мутные* - на 全浊 *абсолютно мутные* (звонкие смычные, фрикативные и

аффрикаты) и 次浊 полумутные (звонкие носовые, боковые и полугласный). Все слоги, содержащие одинаковый согласный, группировались в 纽 фонетический узел или гнездо слогов.

В вокалической части или рифме выделялись: 韵头 *серединный элемент* или *медиаль*, 韵腹 (主要元音) *центральный элемент рифмы* или *слоγοобразующий гласный* и 韵尾 *конечный элемент рифмы*. Принимая во внимание конечный компонент рифмы, все финалы делились на три класса: 阴声韵 *рифмы с гласным конечным компонентом*, 阳声韵 *рифмы с носовым конечным компонентом* [-m], [-n], [-ŋ] и 入声韵 *рифмы с взрывным конечным компонентом* [-p], [-t], [-k]. Первым сводом рифм был появившийся в VII в. словарь 切韵 «Цеюнь» (Разрезания и рифмы), авторство которого приписывают 陆法言 Лу Фаяню. В словаре были систематизированы данные по фонетике и наглядно представлена вокалическая система китайского языка того времени. Первоначальный вариант словаря не сохранился. В XI в. на его основе был составлен 广韵 «Гуаньюнь» (Расширенный Цеюнь), дошедший до наших дней.

Занимались изучением и тональной системы китайского языка. В древнекитайском языке выделяли 平声 *ровный тон* и 仄声 *ломаные тоны*, к последним относились 上声 *восходящий*, 去声 *падающий* и 入声 *входящий тоны*. В зависимости от типа конечного компонента рифмы, тоны делились на 舒声 *открытый (долгий) тон* (тон слогов, произносившихся ровным, восходящим и падающим тоном и заканчивавшихся на гласные [-i], [-u] и носовые [-m], [-n], [-ŋ]) и 促声 *закрытый (краткий) тон* (тон слогов, произносившихся входящим тоном и заканчивающихся на взрывные [-p], [-t], [-k]) [Там же, с. 184].

Предположительно в XII в., с появлением специального метода в китайской фонетике - 韵图 *фонетических таблиц*, происходит формирование 等韵学 *дэнюньсюэ* науки, занимавшейся изучением фонетических таблиц. К вышеизложенным классификационным характеристикам составных элементов слогов добавляется дифференциация рифм по 呼 *выдохам* и 等 *рядам* или *дэнам*.

Выдох подразумевал анализ рифмы по наличию или отсутствию медиали. Слоги без медиалей называли 开口呼 *слогами открытого рта*. Слоги с медиалью [-i-] называли 齐齿呼 *слогами растянутого рта*. Слоги с медиалью [-u-] – 合口呼 *слогами закрытого рта*, а слог с медиалью [-y-] – 撮口呼 *слогами стянутого рта*. Ряд предполагал классификацию рифм по трём признакам: участию губ в артикуляции, по ряду и по подъёму. К *一等 первому ряду* относились рифмы без медиали [-i-], центральный элемент которых являлся гласным заднего ряда, нижнего подъема. Ко *二等 второму ряду* также относились рифмы без медиали, но с центральным элементом среднего ряда, среднего подъема. К *三等 третьему ряду* – рифмы с медиалью [-i-], с центральным элементом переднего ряда среднего подъема. К *四等 четвертому ряду* – рифмы с медиалью [-i-], со слогаобразующей гласной переднего ряда верхнего подъема.

Исследований, посвященных изучению грамматического строя китайского языка, практически не было. Составлялись лишь словари служебных слов, в которых описывались правила употребления служебных слов, объяснялись их значения и синтаксические особенности употребления. Одной из первых таких работ был словарь XIV в. «语助» «Юйчжун» (Помогающие речи) 卢以伟 *Лу Ивэя*. В XVII в. – XIX в. появилось большое количество подобных словарей. Основной их функцией было облегчение прочтения канонических текстов.

В 1898 г. под влиянием лингвистических идей запада, в частности, «Грамматики Пор-Рояля», была опубликована работа Ма Цзяньчжуна по грамматике китайского языка «马氏文通» *Ма ши вэнь тун*. «马氏文通» *Ма ши вэнь тун* представляет собой частную синхроническую грамматику письменного китайского языка. Появление данной работы явилось отправным пунктом в становлении грамматической традиции в Китае [Кирюхина, 2018, с. 77].

Развитие определённых направлений филологической науки в Китае было обусловлено главенствующим положением иероглифического знака в языковом сознании китайцев. Работы, выполненные в рамках данных направлений, способствуют формированию понимания лексико-семантических и фонетических

характеристик языка с идеографическим типом письменности, а также выступают в качестве источника методологической базы в понимании проблемы диахронического анализа китайского языка и инструментального аппарата, дающего возможность изучения языка в диахронии.

1.3. Предпосылки изучения языка с идеографическим типом письменности в диахроническом аспекте

Понимание предпосылок изучения языка с идеографическим типом письменности в диахроническом аспекте устанавливается при обращении к внешней истории языка и появлению трудов по китайскому языку, прежде всего, представителей европейских стран.

Китайский язык один из немногих языков демонстрирует непрерывность в своем развитии, который на протяжении достаточно длительного времени изучался исключительно его носителями. Однако, начиная с XVII в., с развитием торговых отношений и распространением христианства, язык становится предметом интереса представителей европейского мира. В это время составляются словари, появляются описательные грамматики, дающие представление об особенностях китайского языка.

В конце XIX в. - начале XX в. языковеды, работавшие в области сравнительно-исторического языкознания, которое сформировалось и развилось на материале изучения индоевропейских языков, начинают обращать всё больше внимания на языки сино-тибетской языковой группы, в частности, на китайский язык как яркий представитель языка с идеографическим типом письменности. На начальном этапе фокус их внимания был направлен на изучение эволюции фонетической системы китайского языка и восстановление её древнейших форм.

Одной из самых ранних работ по истории китайского языка и эволюции его фонетической системы можно считать работу протестантского миссионера из Великобритании Джозефа Эдкинса, который прожил в Китае более полувека. В 1888 г. выходит в свет его книга «The Evolution of the Chinese Language: As

Exemplifying the Origin and Growth of Human Speech» *«Эволюция китайского языка: пример происхождения и развития речи человека»*, где путём сравнения фонетических систем диалектов автор показал эволюцию вокалической системы древнекитайского языка. Менее чем через десять лет, в 1896 г. была опубликована работа Зенона Волписелли «Chinese phonology» *«Фонология китайского языка»*, в которой была предпринята попытка восстановить рифмы произведений древнекитайской поэзии и реконструировать фонологическую систему языка. Спустя два года появилась работа С. Шэнка «Ancient Chinese phonetics» *«Фонетика древнекитайского языка»*, в которой автор провёл анализ рифм словаря «Цеюнь». Исследованиями в области фонетики в разной степени также занимались Р.С. Маклэй, С. С. Болвин, И. Дж. Айтель, Ч. Грэй, Д. Г. Дэвис [高本汉, 2003, с. 8].

Предшественников исторического подхода в изучении фонетической системы китайского языка можно найти и в самом Китае. Некоторые соображения об изменении фонетической системы отмечаются китайскими учёными уже в эпоху Хань. Именно в этот период отчётливо начинает проявляться и осознаваться нарушение рифм при чтении текстов «诗经» *«Книги песен»*. Спустя некоторое время подтверждением этому становятся работы сунского учёного 吴棫 У Юя, в которых он рассматривает расхождения между чтениями рифм «Книги Песен», «Чу цы» и чтениями рифм эпохи Сун [何九盈, 2007, с. 161]. Исследования изменений чтения рифм продолжились в эпоху Юань, когда главным предметом изучения стал словарь «中原音韵» *«Рифмы произношения Центральной равнины»*.

Первым китайским учёным, осознавшим факт непрерывной языковой эволюции, а также попытавшимся восстановить фонетическую систему древнекитайского языка, стал учёный поздней династии Мин 陈第 Чэн Ди. В предисловии к работе, опубликованной в 1606 г., «毛诗古音考» *«Рифмы книги Песен в комментариях Мао Хэна»* Чэн Ди пишет: «时有古今，地有南北，字有更革，音有转移» *«Во времени выделяется древность и современность, земли бывают южные и северные, иероглифы обновляются, звуки изменяются»*. Тем самым учёный показывает, что язык поэзии не является чем-то постоянным, с

течением времени он претерпевает изменения [罗杰瑞, 1995, с. 38]. Исследования, инициированные Чэн Ди, были продолжены 顾炎武 *Гу Яньу*. Гу Яньу внёс огромный вклад в развитие китайского языкознания. Именно им были разработаны основные методы исследования, которыми в дальнейшем пользовалась китайская историческая фонетика. В XVIII в. 江永 *Цзян Юн* в работе «音学辨微» «*Различение тонкостей фонетики*» описал основные понятия, терминологию китайской классической фонологии, а также вокалическую систему китайского языка. В дальнейшем система рифм древнекитайского языка была уточнена в труде 段玉裁 *Дуань Юйцая* «六书音韵表» «*Фонетические таблицы иероглифов шести категорий*». В конце XIX в. - начале XX в. появились работы 章炳麟 *Чжан Бинлиня* и 黄侃 *Хуан Каня*, в которых были устранены неточности и доработаны некоторые вопросы в исследовании исторической фонетики (фонологии) китайского языка, до этого являющиеся дискуссионными [岑麒祥, 2008, с. 74 - 84].

Исторические исследования в области грамматики появляются во второй половине XX в., до этого грамматики носили описательный характер. Изменения грамматической системы китайского языка описаны в работах отечественных учёных Яхонтова С. Е. (Древнекитайский язык, 1965 г.), И. С. Гуревич (Очерк грамматики китайского языка III-V вв., 1974 г.), И. С. Гуревич и И. Т. Зограф (Хрестоматия по истории китайского языка III-XV вв.) и других.

В Китае описание эволюции грамматического строя впервые было представлено в работе 王力 *Ван Ли* «汉语史稿» «*Очерки по истории китайского языка*», опубликованной в 1954 г. В 1982 г. выходит работа 潘允中 *Пань Юньчжуна* «汉语语法史概要» «*Основы истории развития грамматики китайского языка*».

Вышеуказанные учёные внесли свой вклад и в изучение развития лексического состава китайского языка. У Ван Ли исследование лексики китайского языка в диахронии получает наиболее полное освещение в отмеченной выше работе. Пань Юньчжун в 1989 г. опубликовал книгу «汉语词汇史概要»

«*Основы истории развития лексики китайского языка*», в которой дополнил сведения, представленные в работе Ван Ли.

Труды по истории эволюции подсистем китайского языка как европейских, так и китайских языковедов заложили базу для последующих работ, посвящённых диахроническим исследованиям китайского языка, а также периодизации его истории. Формирование предпосылок диахронического описания языка проявилось, прежде всего, в первых диахронических описаниях фонетического строя, который стал объектом тщательного изучения и анализа в последующие периоды.

1.4. Проблема периодизации истории языка с идеографическим типом письменности

1.4.1. Понятие периодизации. Периодизация истории эволюции сложноорганизованных систем

Изучение истории языка является одним из ключевых аспектов, влияющих на формирование целостного представления о языке как сложном феномене. Ретроспективный взгляд позволяет лучше понять онтологическую сущность языка, дать более объективную оценку современному состоянию и спрогнозировать направление его развития в будущем.

Ввиду сложности и многогранности языка, его представленности в пространственном и временном континууме, научное сообщество применяет различные виды систематизации данных о языке. Один из способов систематизации знаний об эволюционном развитии языка выступает периодизация его истории. Подобного рода систематизация стала возможной благодаря появлению в начале XIX в. и последующему закреплению в науке принципа историзма, который подразумевает «рассмотрение всякого явления в его развитии: зарождении, становлении и отмирании. Историзм как способ осмысления прошлого, современности и вероятного будущего требует искать корни всех явлений в прошлом; понимать, что между эпохами существует преемственность, а

каждую эпоху надо оценивать с точки зрения ее исторических особенностей и возможностей» [Пауль, 1960, с. 49, 53; Гринин, 2014, с. 388]. Принцип историзма открыл исследователям возможность рассмотрения явлений действительности как цельных и взаимосвязанных, а именно это свойство позволяет наиболее детально разобраться в функционировании отдельных элементов этих явлений.

В языкознании становление принципа историзма начинается с работ Д. Вико и И. Г. Гердера, где они поднимают проблему происхождения и развития языка. Последний сравнивал жизнь языка с жизнью человека. «Не один лишь человек меняется в различных возрастах, - нет, время меняет всё. Весь род человеческий и даже мёртвая природа, любой народ и любая семья подчиняются одним и тем же законам изменения: от плохого к хорошему, от хорошего к превосходному, от превосходного к худшему и к плохому – такой круговорот совершает всё на свете...такова же участь и языка» [Гердер, 1959, с.119].

Идеи эволюции языка находят свое продолжение в работах В. фон Гумбольдта. «По своей природе он (язык) представляет собой устремлённое вперед развитие, движимое духовной силой каждого говорящего. В этом процессе естественным образом выделяются два периода, которые надо чётко разграничивать...» [Гумбольдт, 2000, с. 158]. После Гумбольдта идея эволюционных процессов в языке, выделение стадий в его развитии как онтологическом явлении прочно закрепилась в лингвистике и получила различные интерпретации в трудах компаративистов А. Шлейхера, А. А. Потебни, Г. Пауля, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др. В XX в. с распространением идей Ф. де Соссюра о системности языка, т.е. «множества языковых элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённое единство и целостность», а также выделение им трех дихотомий «языка - речи», «синтагматики - парадигматики» и «синхронии - диахронии» в дальнейшем дало возможность лингвистам при помощи метода внутренней реконструкции восстановить разновременные формы и, расположив их на временной оси, показать последовательность развития отдельно взятого языка, представить его эволюцию в виде периодизации.

«Периодизация – это ключ к раскрытию содержания исторического процесса, это концентрированное выражение его сущности» [Лаптева, 2006, с. 178]. Периодизация может рассматриваться как специально-исторический метод познания (диахронный метод), так и как результат применения этого метода. Периодизация в первом значении - это систематизация, которая заключается в условном делении исторического процесса на определённые хронологические периоды. Она даёт возможность выявить особенности качественных изменений исторического процесса во времени, установить с достаточно высокой степенью точности моменты этих изменений, раскрыть форму и содержание исторических явлений в каждый исторический период, проследить действие определённых исторических закономерностей.

В лингвистике пионером в разработке периодизации истории языка принято считать Я. Гримма, разделившего на основе изменений, которые претерпели фонетическая и морфологическая системы, всю историю развития немецкого языка на три периода.

При периодизации исторических процессов одним из вопросов, с которым сталкивается исследователь, является понятие исторического времени. Время представляет собой одну из форм существования материи. Все процессы и явления окружающего мира протекают во времени. Исследуя социальные явления в ретроспективе, учёный, с одной стороны, выступает в качестве внешнего наблюдателя, для которого исторические события размещены во времени и заполняют его, а с другой стороны, сам процесс наблюдения также протекает во времени. Его описание и анализ напрямую зависят от положения наблюдателя во времени, и от того, что он определяет в качестве «прошлого», «настоящего» и «будущего» [Савельева, 2007, с. 70].

Историческое время событийно, оно наполняется событиями. Содержательное наполнение времени определяется многими факторами. В первую очередь, это связано с наличием источников о нём. Существенным является понимание того, какие аспекты и элементы прошлого отражены в источниках, какие данные удалось собрать и что общество выбрало в качестве приоритетного

для передачи следующим поколениям. Немаловажную роль играет и степень сохранности этих сведений, а также возможность их обработки. Для исторического времени характерны нелинейность, дискретность, некоторые перерывы и скачки. В различные исторические периоды оно может иметь разную степень наполненности «обладая способностью делаться более насыщенным, более ёмким, более интенсивным» [Лаптева, 2006, с. 177]. Благодаря такому свойству исторического времени, как дискретность, возможна хронология и периодизация исторических процессов, которые вместе с тем видятся в своем единстве и целостности. Периодизация дает возможность демонстрации качественных различий между периодами исторического процесса, его звеньями, между прошлым и настоящим.

В настоящее время в научной литературе выделяется два вида структуры периодизации – темпоральная и стадияльная структуры.

При описании темпоральной структуры периодизации основными понятиями выступают понятия «исторического момента», «исторического периода» и «эры». «Исторический момент» подразумевает наименьшие по продолжительности элементы исторического времени. Понятие «момент» применительно к истории может употребляться в двух значениях: «момент истории» и «исторический момент». Первое понятие используется безотносительно к основным характеристикам исторического фрагмента, избирающегося для изучения в силу тех или иных причин произвольно. Моментов в истории может существовать неограниченное количество, содержание которых может характеризоваться всевозможными чертами. В ряде случаев это понятие может употребляться в значении веха, рубеж, узловой пункт поступательного развертывания истории. Здесь «момент истории» синонимичен понятию «исторического момента», понимаемого в значении «знаменательный момент», «рубеж» и подразумевающего не любую, а в силу своего значения выделяющуюся веху истории. Исторический момент – это событие, означающее переход системы на новый уровень [Шофман, 1984, с. 135-136]. Каждый момент истории характеризуется материальной и временной структурой. Благодаря наличию выраженной временной динамики, можно определить начальную его точку, кульминацию, заканчивающуюся тем или

иным поворотом в развитии системы. Основной структурной единицей исторического процесса является период. Он определяется как промежуток времени, на протяжении которого исторический процесс претерпевает качественные изменения и ограничивает его относительно точными временными рамками, имеет начальную и конечную точку своего существования. Период показывает единство прерывности и непрерывности исторического процесса, раскрывая формирование и развитие исторических явлений и процессов. При описании промежутка времени, в течение которого происходит переход от одного состояния к другому, используют понятие «переходный период» [Там же, с. 155-156]. Еще одним понятием, которым оперируют учёные при описании темпоральной структуры периодизации, является понятие «эры». Эра представляет собой наиболее крупный исторический период времени, отмеченный коренными изменениями в развитии системы, общества относительно предшествующего большого периода. Понятие «эра» соотносится с понятием «период» как целое с частью.

При описании стадияльной структуры периодизации используют понятия «этап», «стадия» и «эпоха». Этап как категория периодизации представляет собой качественно обособленную часть исторической системы, отрезок и степень развития [Там же, с. 169]. Понятие «стадия» также понимается как определённая ступень или фаза эволюции, имеющая свои качественные характеристики [Там же, с. 178]. Стадия также может выступать как качественный показатель (отношение) между двумя периодами, указывать на прогрессивный сдвиг в эволюции, имеющий особенности и хронологические рамки. Особое место в периодизации отводится понятию «эпоха», которая связана с определённым качественным состоянием во времени. Каждую эпоху характеризует ведущая тенденция, последовательная смена данных тенденций совпадает со сменой эпох, тогда как крупные явления или события рассматриваются в качестве хронологических рубежей [Там же, с. 199]. Понятие «эпоха» подразумевает асинхронность, неравномерность, вариантность развития исторических процессов. Оно содержит динамический аспект пространства и времени, которые непосредственно связаны с деятельностью

человека. Эпоха представляет собой уровень целостности и степень исторического развития [Лаптева, 2006, с. 178].

При изучении языка в диахронии более целесообразным считаем пользоваться терминологией темпоральной структуры периодизации, поскольку термины данной структуры акцентируют внимание на существовании языка во временном континууме, его изменении с течением времени, в то время как термины стадильной структуры периодизации дают оценочную характеристику существования языка, проявляющуюся как в его прогрессивном, так и регрессивном состояниях.

Выделение стадий, периодов при построении периодизации предполагает определение критерия, на основе которого осуществляется данное выделение. Выбор критерия периодизации сложных систем, развивающихся во времени, до сих пор является дискуссионной областью исторических исследований ввиду специфики организации и функционирования подобных систем.

Язык представляет собой сложную, высокоорганизованную систему, для которой характерны динамизм и взаимообусловленность всех её элементов. Язык - это системно-структурное образование, где система мыслится как целостное единство языковых единиц, находящихся между собой в определённых взаимосвязях и отношениях. Совокупность этих связей и отношений между языковыми единицами, зависящих от свойств единиц и, тем самым, определяющих уникальность языковой системы в целом, образуют её структуру. Структура предполагает возможность расчленения языка как целостного образования на составляющие компоненты, их взаимосвязь, взаимообусловленность и внутреннюю организацию [Алиференко, 2004, с. 5]. Единицы языка, формирующие языковую систему, связаны между собой тремя типами связей – синтагматическими, парадигматическими и иерархическими. Языковые единицы, связанные синтагматическими и парадигматическими отношениями, формируют ярусы, уровни языковой структуры. Единицы низшего уровня выступают в качестве строительного материала для единиц более высшего уровня, устанавливая, таким образом, иерархические отношения внутри системы. Уровни языка,

связанные сеткой иерархических отношений, дают возможность рассматривать язык как систему подсистем.

Кроме того, язык - это открытая, «саморазвивающаяся не узальная "мягкая"» [Пиотровский, 2008, с. 9], динамическая система. Открытость системы проявляется в ее связи «со средой определёнными коммуникациями, то есть сетью внешних связей системы» [Беляева, 2012, с. 28]. В процессе своего существования язык постоянно находится во взаимодействии с внешней средой, которая вызывает изменения в организации структуры языка, меняя связи и компоновку его единиц, что, в конечном счете, приводит к изменениям самой системы языка.

Язык, будучи социальным явлением, испытывает влияние социальных факторов, таких как жизнь общества, его социальная дифференциация, миграция населения, языковые контакты, вносящие значительные изменения в облик языка или же формируя на его основе абсолютно отличное языковое образование и т.д. Однако наиболее существенные изменения вызваны внутренними факторами, возникающими в результате функционирования самой языковой системы, - давлением системы, выравниванием форм по аналогии, изменением фонетической оболочки слова в результате грамматикализации и т.д. Внешние факторы действуют в течение определённого промежутка времени, в то время как внутренние факторы панхроничны [Серебренников, 1970, с. 234-250]. Совокупность внешних и внутренних факторов, а также динамизм языка, его непрерывное развитие сильно усложняют его периодизацию, которая в связи с этим зачастую является условной.

Проблема построения периодизации затруднена также относительной автономностью отдельных звеньев языковой системы в процессе общего преобразования, «изменения не происходят по всему фронту языка равномерно, а протекают на различных участках его с различной интенсивностью и с несовпадением временных фаз» [Зиндер, 1968, с. 4]. Несмотря на наличие связи между переходами состояний, изменения распределены неравномерно. Данные особенности языка как сложноорганизованной, открытой, развивающейся системы

вызывают значительные трудности при выборе основания при выделении границ между периодами и дальнейшего моделирования периодизации.

В настоящий момент учёные сходятся во мнении, что периодизация истории сложноорганизованных систем должна отвечать следующим требованиям:

1. Иметь единый критерий, отражающий магистральное направление эволюции явления;
2. Подкрепление эмпирическими данными критериев периодизации и принципа вычленения целостных фрагментов прошлого;
3. Чёткость границ между периодами; учёт определённых событий или процессов, которые стали переломными в эволюции;
4. Соблюдение иерархии при построении составной периодизации; крупные периоды могут быть разбиты на меньшие, при этом подпериоды каждого последующего уровня деления таксономически должны быть менее важными, чем периоды предыдущего уровня;
5. Равноправие периодов одной ступени деления;
6. Выделение дополнительных оснований для большей детализации хронологии [Менщиков, 2015, с. 91; Гринин, 2006, с. 118-119].

Периодизация истории языка, таким образом, представляет собой систематизацию языковых фактов разных уровней, составляющих систему языка, с точки зрения отслеживания последовательного изменения самого языка во времени, влияющего на проявление его своеобразия.

1.4.2. Языковая вариативность как усложняющий фактор периодизации его истории

Процесс периодизации истории языка усложняется не только сложностью, высокой организованностью и динамичностью языка как системы, но также его социальной и территориальной дифференциацией. Язык, являясь системно-структурным образованием, социален, он формируется, существует и трансформируется в обществе как «социальная семиология» (в терминах Ф. де Соссюра). Вариативность тесно связана с одним из фундаментальных свойств

языка – его изменчивостью. Изучение вариативности в диахронии даёт возможность объяснения причин преобразования в языковой системе [Ильина, 2017, с. 121].

Члены общества, в процессе использования языка, путём кодификации и нормирования формируют литературный язык, представляющий собой «обработанную форму» языка как набор языковых средств, отобранных на основе качественных критериев из общего инвентаря языкового массива и служащих в качестве нормы или образца. Литературный язык представляет собой одну из форм существования языка, противопоставляющуюся по степени обработанности, строгости отбора и регламентации другим формам – социальным и территориальным диалектам [Серебренников, 1970, с. 502]. Литературный язык имеет наддиалектный характер.

В Китае литературный язык 文言 *вэньянь* формировался на грамматической и лексической базе древнекитайского общего языка эпох 周 *Чжоу* и 秦 *Цинь* (V-II вв. до н.э.) и ещё в конце династии Хань имел устную форму. В дальнейшем он стал употребляться лишь в письменной форме [Софронов, 2007, с. 357]. Благодаря своим структурным особенностям, *вэньянь* отличался лаконичностью и точностью выражения мысли и занимал прочные позиции в качестве литературного языка вплоть до начала XX в. Несмотря на стремление авторов произведений, писавших на *вэньяне*, придерживаться норм древнекитайского языка, они, тем не менее, в каждую последующую эпоху вносили в письменный литературный язык элементы современного им разговорного языка. 杨伯峻 *Янь Боцзюнь* в связи с этим отмечал, что как бы точно автор не старался передать особенности древнего языка, «из-под его кисти неожиданно прорывался язык его эпохи» [Цит. по: Карапетьянц, 2010, с. 274].

Вэньянь не имел чёткой хронологической отнесенности, однако, он представлял собой систему в развитии, проявляющемся в постепенном упрощении системы древнекитайского языка, а именно, сужении функций грамматических средств, а также в переосмыслении конструкций древнекитайского языка, «при

котором исконное их значение либо стирается и полностью заменяется новым, либо оба значения – старое и новое – выступают в параллельном употреблении» [Зограф, 2011, с. 112, 120].

Вэньянь, на котором писались канонические произведения китайской культуры, противопоставлялся языку народной литературы. Последний отражал разговорный язык своего времени. В XII в. – XIII в. на основе разговорного языка происходит формирование нового литературного языка 白话 *байхуа*, основанного на северных диалектах китайского языка. В это время отмечается сосуществование двух литературных языков и их «жанровое размежевание» [Крюков, 1984, с. 207]. На языке байхуа создавались рассказы, драмы и романы, язык вэньяня применялся для написания философской прозы и новелл. Такая «межъязыковая интерференция неизбежно приводила к взаимному влиянию двух языков друг на друга» [Зограф, 1990, с. 4]. Одновременное существование двух литературных языков привело к созданию письменных памятников, неоднородных в языковом отношении, т.к. и для вэньяня и для байхуа характерен определённый набор грамматических средств. В связи с этим, по мнению И. Т. Зограф, в китайской литературе может быть выделено по крайней мере три вида памятников: написанных на вэньяне, написанных на байхуа и на смешанном языке [Там же, с. 5].

Устная форма литературного (общего) языка формировалась на базе диалектов. Уже в эпоху Борющихся Царств существовали диалектные формы древнекитайского языка, многообразие которых нашло отражение в первом словаре диалектов «Фаньянь». Представленные в словаре диалекты были объединены исследователями в шесть диалектных групп: западные, центральные, северные и северо-восточные, восточные, юго-восточные, южные диалекты [Крюков, 1978б, с. 241]. Частые войны и стихийные бедствия вызывали миграцию населения, что приводило к смешению старых диалектов и формированию новых. Учёные отмечают две волны массового переселения населения Китая. Первая волна приходится на III в. – VI в. и связана с перемещением к северным притокам рек Хуайхэ на востоке и по реке Ханьшуй на западе в долину нижнего и среднего течения реки Янцзы. Результатом данной миграции стало формирование диалектов

на востоке и в центре Китая. Вторая миграционная волна на востоке в XI в. – XII в. привела к продвижению населения на юг и формированию южных диалектов [Софронов, 2007, с. 357].

Диалектная составляющая китайского языка хорошо прослеживается на материале словарей рифм, отражающих диалектное произношение их авторов. Так, первым, из дошедших до наших дней словарей рифм, является «Цеюнь», составленный в начале VII в. Его автором считают Лу Фаяня, однако, существует мнение, что в его составлении принимало участие ещё восемь человек, происходивших из разных местностей, и, вероятнее всего, говоривших на разных диалектах. Свидетельством тому служат фонетические особенности некоторых диалектов, отмеченных в предисловии к словарю. До сих пор остается спорным вопрос также об особенностях фонетической системы китайского языка, зафиксированной в словаре. По одной версии «Цеюнь» отражает действительное произношение литературного языка или господствующего диалекта VI в. – VII в. Согласно второй версии словарь составлен на материалах более ранних словарей и учитывает диалектное произношение разных местностей. Словарь XI в. «集韻» «Цзюнь» (Собрание рифм) также составлялся последовательно несколькими людьми и, скорее всего, отражает диалектное произношение. В XIV в. появляются словари, отражающие произношение северных диалектов. Первой подобной работой был словарь «中原音韻» «Рифмы произношения Центральной равнины» 周德清 Чжоу Дэцин [Кобзев, 2009, с. 499, 501, 507].

Данные словари являются источниковой базой при восстановлении фонетического облика предыдущих периодов развития китайского языка. Различная диалектная отнесённость словарей затрудняет формирование объективных представлений о развитии его фонетической системы. Данное обстоятельство, наряду с мозаичностью литературной формы письменного языка представляет значительное препятствие в процессе выделения периодов и построении периодизации истории китайского языка.

1.4.3. Проблема лингвистической датировки письменных памятников китайского языка

Любое историческое исследование предполагает наличие источниковой базы, на основе которой оно будет осуществляться. Исторические источники – это носители информации, с помощью которых исследователь реконструирует историческую реальность, находящуюся в области его интересов [Ковальченко, 1987, с. 106]. В настоящее время в исторической науке выделяются разные типы источников – письменные; вещественные; этнографические; устные; лингвистические; фото-, кинодокументы; фонокументы. Для лингвистов, занимающихся изучением истории языка и его состояний, отстоящих на сотни или тысячи лет от настоящего момента, единственными источниками служат письменные лингвистические источники – памятники истории языка.

На начальном этапе работы с источником осуществляется внешняя критика источника, предполагающая расшифровку и освоение текста, установление его происхождения (авторство, время, место и цель создания) и подлинности [Репина, 2004, с. 35].

Существует несколько видов датировки источников: филологическая, по времени жизни автора и лингвистическая датировки. Филологическая датировка предполагает определение времени создания произведения по датам событий, описанных в нём. Датировка по времени жизни автора подразумевает отнесение источника ко времени жизни автора, чьи взгляды представлены в источнике. В этом проявляется принцип антропоцентризма, раскрывающегося в формуле «человек в языке». Наполненность источников экстралингвистическим содержанием позволяет судить о степени эрудиции того или иного автора, а также о системе ценностных установок в определённый период истории [Михайлова, 2017, с. 182, 185]. Письменные памятники в данном случае выступают в качестве носителей «элементов личностной и национальной аксиосферы» [Серебренникова, 2011, с. 6]. Информация, преломлённая через призму восприятия автора с точки зрения её значимости и отражённая в источнике, носит в достаточной степени субъективный

характер. Третий вид датировки связан с поиском языковых явлений в источнике, свойственных той или иной эпохе [Карапетьянц, 2010, с. 273-274].

Установление по возможности максимально точного времени создания исторических источников или текстов является одним из важнейших вопросов истории китайского языка как отрасли знаний. Китайский язык – это язык с более чем двухтысячелетней историей, что влечёт за собой высокую степень сложности датирования его письменных памятников. Исследователи чаще всего предпринимают попытки определить узловые моменты в развитии языка путём отнесения исторического источника к определённому периоду истории, т.к. он даёт исследователю материал для описания всех подсистем языка, особенностей их функционирования и использования в различных стилях и жанрах в данный период. Таким образом, в диахронических исследованиях исторический источник или текст рассматривается как представитель языка определённого периода. Особенности разных текстов, рассмотренные системно, формируют общую картину тенденций, происходящих в языке.

Наибольшую сложность вызывает датировка источников, использующихся при описании и изучении периода в истории китайского языка, который называется древнекитайским языком. Нижней границей древнекитайского языка принято считать XVIII в. до н.э., а верхней границей - III в. н.э. При исследовании грамматической, лексической и фонетической подсистем древнекитайского языка, в частности, его доклассического и классического подпериодов лингвисты обращаются к письменным памятникам, традиционно относящимся к царствам Западной и Восточной Чжоу (XI в. – III в. до н.э.). Считается, что язык Западной Чжоу представлен в древнейших письменных памятниках «诗经» «Шицзин», «书经» «Шуцзин», «易经» «Ицзин», «周易» «Чжоу и». При описании языка Восточной Чжоу исследователи опираются на «论语» «Луньюй», «老子» «Лао-цзы», «墨子» «Мо-цзы», «庄子» «Чжуан-цзы», «荀子» «Сюнь-цзы» и другие. Однако, после объединения царств и образования в 221 г. до н.э. Цинь Шихуаном династии Цинь большая часть этих книг, отражающих идеи конфуцианства, была сожжена, и

восстановлена лишь в эпоху Хань по записям со слов тех, кто знал их наизусть [Крюков, 1978б, с. 306-307]. Подобное положение вещей приводит к образованию лакун в описании особенностей языковой системы древнекитайского языка. Язык царства Чжоу остается плохо представленным, поскольку восстановленные памятники написаны, вероятнее всего, уже языком династии Хань.

При датировке исторических источников особым вопросом является периодизация развития самих исторических источников [Шофман, 1984, с. 28]. Письменные памятники рассматриваются как индивидуальный феномен, который с течением времени претерпевает изменения, «являясь исследователю уже в несколько ином, а иной раз и в крайне искаженном, по сравнению с первоначальным, виде» [Там же, с. 31]. Письменный памятник может быть неоднократно переписан или его фрагменты могут относиться к разным временным периодам. При описании лексической системы древнекитайского языка лингвисты часто обращаются к «尔雅» «Эрья». Данный памятник представляет собой толковый словарь-энциклопедию китайских иероглифов, отражающий языковую картину мира древних китайцев. По мнению Шишмаревой Т. Е., на сегодняшний день существует пять версий о времени создания словаря. Принимая во внимание способ толкования лексических единиц в разных главах, исследователи склонны предполагать, что первая глава словаря была написана несколько ранее, и к ней уже в эпоху Хань были добавлены остальные [Шишмарева, 2018, с. 42, 46]. Данная особенность относится и к другим древним памятникам. Исследователи одного из главных памятников конфуцианства «Лунъюя», в частности, китайский лингвист Янь Боцзюнь, указывает на наличие нескольких авторов, принадлежащих к разным поколениям учеников Конфуция, и, следовательно, на разновременную отнесенность глав этого произведения [Головачёва, 2016, с. 285].

Следует также отметить, что на протяжении длительного времени человеческой истории, тексты существовали лишь в рукописном варианте, что приводило к значительным временным и языковым различиям между текстом произведения и рукописью. Время создания текста произведения и время его письменной фиксации может значительно отличаться. Как было указано выше, при

восстановлении облика фонетической системы китайского языка предыдущих периодов лингвисты пользуются данными словарей рифм и фонетическими таблицами. Однако и они не могут быть достаточно достоверными источниками данных. Самые ранние фонетические таблицы, сохранившиеся до наших дней, представлены в работе «韵镜» «Юньцзин» (Зеркало рифм). Книга была издана в начале XII в., в то время как по содержанию, отраженного в ней материала, учёные относят дату ее создания к VIII в.

Таким образом, исторический источник и его датировка, являясь неотъемлемым и ключевым инструментом в работе по выделению периодов в истории языка, одновременно выступает в качестве главного «камня преткновения» в работе по формированию целостного представления о языке в исторической ретроспективе.

1.5. Периодизация истории языка как модель, репрезентирующая характеристики его эволюции

1.5.1. Сущностные характеристики понятия «модель» и метода моделирования

Результаты работы исследователя по выделению хронологически последовательных периодов в истории языка, как сложной самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, представляют собой периодизацию, которая рассматривается в качестве особого видения исследователя или модели эволюции языка. Модель является конечной целью применения одного из методов познания – моделирования.

Наличие сознания является отличительной чертой человека как *homo sapiens*. В основе сознательной деятельности лежат такие когнитивные процессы, необходимые для рационального изучения окружающей действительности, как восприятие, ощущение, воображение, мышление и память. В своей совокупности они обеспечивают познавательную деятельность человека, в процессе которой происходит получение и развитие знания, его углубление и расширение, а как

результат – формирование нового знания о мире. Познание представляет собой высшую форму отражения объективной действительности. В философии науки различают обыденное и научное познание [ФЭС, 1983, с. 473].

Научное познание ориентировано на «изучение объектов, которые могут быть включены в деятельность, либо актуально, либо потенциально, как возможные объекты её будущего освоения, и их исследование как подчиняющихся объективным законам функционирования и развития составляет одну из важнейших особенностей научного познания» [Стёпин, 2006, с. 440]. Научное познание, направленное на формирование и развитие знания, осуществляется в соответствии с определёнными правилами и нормативными требованиями, руководствуется выработанной научным сообществом методологической базой.

Моделирование, представляя собой общелогический метод познания, активно применяется в научном познании. Система языка человека представляет собой сложное явление реальной действительности, ввиду своей нерачленности или отсутствия прямой выраженности, недоступное для непосредственного восприятия, моделирование языковых процессов выступает одним из основополагающих методов в познании абстрактных семиологических систем и особенностей их эволюции. Как инструмент получения знания, по мнению И. Т. Фролова, моделирование предполагает «материальное или мысленное имитирование реально существующей системы путём специального конструирования аналогов (моделей), в которых воспроизводятся принципы организации и функционирования этой системы» [Фролов, 1961. с. 20] и дающее, при её исследовании, в конечном счете, объяснительную и прогнозирующую информацию о самом моделируемом объекте. В. С. Стёпин рассматривает моделирование как «изучение объекта (оригинала) путём создания и исследования его копии (модели), заменяющей оригинал с определённых сторон, интересующих познание» [Стёпин, 2006, с. 467]. Для Р. Г. Пиотровского моделирование – это метод, суть которого «состоит в том, что наблюдению и исследованию подвергается не сам натурный объект (или иначе оригинал), но его аналог-заместитель – модель [Пиотровский, 2008, с. 9]. Результатом моделирования

является создание адекватной модели изучаемого объекта, имеющей объяснительную и прогнозирующую силу.

Слово «модель» произошло от латинского «modus, modulus», имеющего значение «мера, образ, способ». В языкознании понятие «модели» было впервые употреблено в рамках структурной лингвистики в 1944 г. З. С. Хэррисом, который использовал его для описания разницы методологических приемов С. Хьюмена и Э. Сепира. В применении к грамматике этот термин употребляется в 50-е годы Ч. Ф. Хоккетом [Хокетт, 1954] и Н. Хомским [Хомский, 1956]. Для них «модель» - это обобщённая и формализованная структура или процесс тех или иных фактов языка. Э. Г. Эттингер считал, что модели не только отражают действительность, но и способны на нее воздействовать. В 60-е годы В. Ингве стал применять понятие «модели» как к конкретным языкам, так и к языку вообще [Лосев, 2004, с. 14]. В это же время проблемы моделирования получают наиболее полное освещение и термин «модель» прочно входит в научный обиход. На современном этапе основные вопросы теории моделирования разработаны в работах Ю. Д. Апресяна [Апресян, 1966], И. И. Резвина [Резвин, 1967, 1978], А. Ф. Лосева [Лосев, 2004] и других учёных.

А. Ф. Лосев, опираясь на материал статьи Чжао Юаньжэня, в которой автор приводит анализ значения термина «модель» в лингвистике [Чжао Юаньжэнь. 1965, с. 281-293] и, добавив некоторые другие значения, встречающиеся в литературе, установил 27 значений термина «модель», отметив, что термин «модель» может применяться в области общего изучения языка, при установлении законов языка, при описании структуры и системы языка, а также применительно к психологии языка [Лосев, 2004, с. 16].

Большой энциклопедический словарь “Языкознание” фиксирует два определения термина «модель». Согласно первому, «модель» - это «искусственно созданное лингвистом реальное или мысленное устройство, воспроизводящее, имитирующее своим поведением (обычно в упрощённом виде) поведение какого-либо другого («настоящего») устройства (оригинала) в лингвистических целях». Исходя из второго определения, «модель» понимается как «образец, служащий

стандартом (эталоном) для массового воспроизведения» [ЛЭС, с. 304-305]. Различная интерпретация понятия «модели» вызвана онтологической сущностью исследуемого объекта, его сложностью и многогранностью, непосредственное изучение которого требует значительного количества времени и ресурсов или невозможно.

В лингвистике моделирование применяется при конструировании различных по характеру объектов с целью понимания их сущности, функционирования с возможностью распространения полученного знания на аналоговые явления. Если в качестве объекта выступают конкретные явления или объекты, то результатом моделирования выступают модели, имитирующие речевую деятельность. Моделироваться могут также процедуры, позволяющие исследователю выявить то или иное языковое явление. Это так называемые модели исследования. Если же в качестве объекта выступают уже готовые лингвистические описания, то подобные модели называются метатеорией. Степень обоснованности моделей первого типа достигается путём их сравнения с аналогичными моделями. На основе данного сравнения происходит выработка оснований или критериев, дающих исследователю возможность определить какая из представленных моделей наиболее адекватно отражает моделируемое явление [Апресян, 1966, с. 99-100].

С целью наибольшего, многоаспектного освещения языка модели могут быть *структурными*, служащими средством изучения и описания внутреннего строения оригинала, *функциональными*, воспроизводящими его поведение, а также *динамическими*, демонстрирующими особенности развития языка.

Метод моделирования – это универсальный метод познания, широко применяющийся в лингвистике при изучении структурно и функционально сложных систем, поскольку позволяет работать со скрытыми, недоступными для прямого наблюдения свойствами лингвистического объекта. Модель же представляется как мысленный конструкт, обладающий необходимым набором свойств и, тем самым, в существенных чертах демонстрирующий и воспроизводящий своим поведением поведение своего прототипа.

В развитие положений Ю. Б. Апресяна, представляется целесообразным введение понятия диахронической мета-систематизации, которая реализуется в виде систематизации уже существующих моделей в следующем алгоритме анализа: 1. установление и систематизация уже существующих моделей периодизации истории языка как объекта изучения; 2. критическое рассмотрение данных моделей с точки зрения их адекватности объекту изучения и, на этом основании, попытка построения выводной модели на основе интегрального принципа адекватности объекту изучения. Наличие приставки «мета-» в данном термине подчеркивает направленность моделирования от систематизации, как основы моделирования, к построению новой модели.

В данной работе, таким образом, предпринимается попытка построения динамической модели языка, т.е. языка, находящегося в развитии. Основной составляющей моделирования в данном случае является установление уже существующих концепций – моделей, которые позволят сформировать систему критериев и теоретических доказательств, с помощью которых будет выбрана наилучшая аппроксимация объекта и на её основе построена совмещённая модель периодизации истории языка с учётом идиоэтнического фактора письменности.

1.5.2. Принципы моделирования сложных континуальных объектов анализа

Приступая к моделированию языкового процесса или явления, исследователь должен руководствоваться определёнными принципами или требованиями, предъявляемыми к любой модели. Одним из первоочередных принципов является принцип нахождения любой модели в некотором объективном соответствии с познаваемым объектом-оригиналом относительно выбранного множества его свойств и характеристик, т.е. модель должна быть адекватной. Соответствие модели оригиналу даёт возможность экстраполировать выводы, полученные при работе с моделью, на оригинал [Шилихина, 2005, с. 5]. Модель в данном случае выступает в качестве особого средства отображения объективной действительности, которое осуществляется на основе аналогии. Модель – это

упрощённый аналог, но не копия изучаемого или представляемого объекта [Пиотровский, 2008, с. 10].

Общность модели и оригинала проявляется в их изоморфизме. «...Две системы считаются изоморфными, если элементы, связи и отношения между элементами одной системы находятся во взаимно однозначном соответствии с элементами, связями и отношениями между элементами другой системы» [Мамедов, 1979, с. 50]. Изоморфизм структурных отношений даёт возможность познать различные уровни организации объекта-оригинала. Модель и оригинал могут также находиться в отношениях гомоморфизма, т.е. «отношения между двумя системами, которое не является взаимно однозначным». Отношения гомоморфизма предполагают некоторое упрощение, отвлечение от частных деталей, исключение деталей. При гомоморфизме модель представляет собой упрощённую копию или образ оригинала, т.е. является идеальной [Штофф, 1966, с. 128-129]. Между моделью и моделируемым объектом лежит не структурное сходство, сходство не внутренних причин отношений, а внешних функциональных связей. Модель выступает в качестве функционального аналога оригинала, что даёт возможность переносить знания, полученные в результате исследования, с модели на оригинал.

Основополагающими свойствами модели также являются её формальность, точность, непротиворечивость, экспланаторность. Формальность модели подразумевает однозначность заданных исходных объектов, связывающих их утверждений, а также правил их использования. Точность модели позволяет осуществление однозначных экспериментов, которые способны подтвердить или опровергнуть определённую гипотезу. Полученные в результате экспериментов данные связываются с моделью путём интерпретации [Апресян, 1966, с. 91].

Такие свойства модели как изоморфизм, точность, непротиворечивость предполагают её феноменологическую адекватность оригиналу сложной онтологической природы. В словаре философских терминов «адекватность» (от лат. *adaequatus* - приравненный) определяется как соответствие, равенство, тождество. В теории познания «адекватность» означает соответствие отображения (образа, знания) оригиналу-объекту, благодаря чему они имеют характер объективных

истин [ФС, Эл. ресурс]. Для понимания особенностей феноменологической адекватности, прежде всего, необходимо обратиться к феноменологии как философскому направлению и к объекту её интересов. Термин «феноменология» был введён в середине XVIII в. И. Г. Ламбертом, который употреблялся для обозначения «учения о видимости». Сам термин в переводе с греческого означает учение о феноменах (φαινόμενον – феномен, λόγος – учение).

В отличие от традиции, восходящей к древнегреческой философии, в частности, к учению Платона о феноменальном и истинном бытии, в рамках которого «феномен» рассматривается как «предмет возможного опыта и эмпирического познания, явление вещи в доступных нам формах чувственного созерцания (пространство и время)» [СФТ, 2005, с. 614], в феноменологическом направлении наблюдается противоположное понимание «феномена». Э. Гуссерль переносит понимание «феномена» в область сознания. Слово «феномен» Э. Гуссерль переводит как «являющееся». Предметом его феноменологии является жизнь сознания со своими переживаниями или актами, а также тем, что в этих актах сознания предметно осознано. Феномен представляет собой чистую сущность актов и их сообразное сущности отношение к предметам. Акты сознания проявляют себя в своей универсальной и специальной сущности, которая заключена в их интенциональности. Предметы переживаний не просто существуют, но они суть то, в качестве чего осознаны, т. е. пребывают «лишь в интенциональной имманентности сознания: они имманентны в качестве того, в качестве чего они в актах — в зависимости от сообразной типу акта сущности — подразумеваются. Чувственные предметы опыта интенционально осознаются, т. е. воспринимаются или вспоминаются только таким образом, каким они многообразно представляются в подразумевающих их актах, соответственно в них являются» [Херрманн, 2000, с. 22]. М. Хайдеггер переводит «феномен» как «само-по-себе-себя-кажущее». Он не просто даёт перевод «кажущее себя», но конкретизирует его «само-по-себе-себя-кажущее», тем самым акцентируя внимание на том, «что то, что себя кажет, — кажущая себя вещь так себя показывает, как она сама, вернее, как она есть в себе

самой. В этом заключено: в качестве чего вещь себя показывает есть именно то, что она есть поистине» [Там же, с. 15].

Иными словами, феноменологическая адекватность – это соответствие, тождество чего-то «являющемуся» или «само-по-себе-себя-кажущему». Э. Гуссерль тождество понимает как «всеобъемлющий пассивный синтез в форме непрерывного сознания внутреннего времени». У каждого переживания существует своя собственная временность. При осознанном переживании некоторого объекта действительности отмечается объективная, выступающая в явлении временность, которую следует отличать от «внутренней временности явления», т.е. временности восприятия объекта. Временность восприятия имеет свои временные периоды, которые в совокупности представляют собой явления одного и того же объекта, постоянно претерпевающие изменения. Единство данных явлений есть «единство синтеза», это «связанность в одно сознание, в котором конституируется единство интенциональной предметности как предметности многообразных способов явления». Предмет, на который направлено сознание, «оставаясь тождественным самому себе в текущем переживании, не проникает в это сознание извне, но заключён в нем самом как смысл, т. е. как интенциональный результат синтетической работы сознания» [Гуссерль, 2006, с. 25]. Объект, осознаваемый как тот же самый, может быть осознан в восприятиях, оценках, воспоминаниях. Благодаря синтезу данных переживаний, достигается сознание тождества, мыслимое как единое, как целостность всех переживаний.

М. Хайдеггер в определении «тождества» отталкивается от внутренней формы слова. «Тождество» - это «то же» или «одно и то же». «Одно и то же», по мнению М. Хайдеггера, предполагает четыре аспекта, а именно: 1) способ, каким человек является им самим; 2) проект бытия сущего; 3) существо истины сущего; 4) способ, каким человек воспринимает и задает меру для истины сущего [Хайдеггер, 1993, с. 149]. В данных аспектах «одним и тем же» выступает «привязанность человека к бытию, как опыт и как требование». В них отражено «отношение человека к сущему, существенный строй этого отношения», существование человека в связи с бытием. Объяснение «одного и того же» автор

осуществляет через «отличение бытия от сущего». «Различение сущего и бытия дает о себе знать как одно и то же, из чего возникает вся метафизика и что, однако, сразу же ускользает от нее в этом её возникновении, - одно и то же, что она оставляет за собой и вне её области как таковое...» [Там же, с. 151].

Определение сущего возможно через понимание его наименования, внутренней формы слова, т.е. наименование само по себе уже даёт возможность истолкования. Именуя объект, человек его познает, активируя сознание. Таким образом, тождество рассматривается как объединение мысли и слова в единое целое. Тождество – это неременная составляющая активного, познающего сознания. Человек пытается достичь тождества через уяснение различий, что, в свою очередь, является практически невыполнимой задачей, поскольку между объектом и познанием данного объекта человеком всегда существует «зазор».

Принимая во внимание вышесказанное, принцип феноменологической адекватности, который выводится из феноменологической теории и опирается на прецедентное употребление в теории языка [Воскобойник, 2004], предполагает моделирование оригинала сложной онтологической природы, посредством рассмотрения его сознанием учёного как единого целого, в котором отдельные части соотносятся с целым. Онтологическая состоятельность лингвистической модели как эффективного средства познания проявляется в её адекватности моделируемому объекту, которая достигается посредством упрощения, точности, непротиворечивости, восприятия оригинала в его целостности.

Основываясь на важности идиоэтнического фактора письменности, для понимания феномена китайского языка, принцип феноменологической адекватности, использующийся в качестве критерия, по отношению к моделированию периодизации истории китайского языка должен учитывать и данный фактор как особо значимый - периодизацию письменности. В этом случае модель периодизации можно считать приближенной к точности и полноте оригинала. Именно критерий феноменологической адекватности целесообразно рассматривать как *интегральный критерий* предпринимаемой диахронической мета-систематизации моделей, сущность которой была рассмотрена выше.

1.5.3. Моделирование как способ диахронического изучения языка

Метод моделирования применим как к изучению языка в синхронии, так и в диахронии [Баранов, 2001, с. 9]. Модели, построенные в области синхронии языка, носят прогностический характер, диахронические же модели имеют ретроспективный характер, в связи с чем применимы при исследовании особенностей эволюции языковых систем. Под моделью в последнем случае мы будем понимать *«воспроизводство динамического аспекта структуры естественного языка» и особенностей его функционирования* [Степанов, 1975, с. 107].

Начало изучения языка в диахронии принято относить к концу XVIII в. – началу XIX в., времени возникновения и формирования сравнительно-исторического метода, становления и оформления языкознания как науки. Первоначально исследования лингвистов были ориентированы на компаративистику и восстановление форм праязыка, однако постепенно сферой их интересов становятся живые языки и реальные процессы языковых изменений. Формируется младограмматическое направление, представителями которого были А. Лескин и его ученики Г. Остгоф, Г. Пауль и Б. Дельбрюк [Боронникова, 2013, с. 138]. Основные положения учения младограмматиков по истории развития языка сформулированы в работе Г. Пауля «Принципы истории языка». Главным источником изменений в языке младограмматики видели не народное сознание, общество, а человека, в частности, его «индивидуальную психологию» [Пауль, 1960, с. 36, 58]. Общество, социум рассматривалось младограмматиками лишь как совокупность индивидов. Тем самым, языковой узус противопоставляется индивидуальному языку. Формирование узуса, рассматривающегося как «нечто среднее, на основе чего определяются существующие в языке нормы употребления» [Там же, с. 50], а также изменения в языковом узусе происходят в результате перекрёстного влияния или смешения индивидуальных языков.

Язык, используемый индивидами как средство общения, тем самым, постоянно претерпевает изменения. Материальная сторона индивидуального языка

или речи – звуки, являются наиболее простым и доступным средством обнаружения данных изменений. Исследование процессов и изменений, которые происходят в речи, позволило младограмматикам обнаружить и установить основные закономерности звуковых изменений - фонетические законы. Все языковые изменения совершаются механически и происходят под влиянием соседних звуков, позиции в слове и ударения. Они носят абсолютный характер, т.е. осуществляются у всех носителей данного языка, в одном направлении, во всех словах, где звук находится в одинаковом окружении [Там же, с. 88]. Согласно Г. Паулю, каждое языковое изменение находится в тесной связи с другими языковыми изменениями и с общей звуковой системой языка, «во всех языках обнаруживается известная гармония системы звуков, <...> направление, в котором происходит отклонение какого-либо звука, определяется направлением развития остальных звуков» [Там же, с. 76].

Однако данная система не является совершенной. Несовершенства языковой системы одновременно выступают в качестве катализаторов ее развития. Одним из механизмов устранения несовершенств младограмматики считали аналогию. Аналогия представляет собой «процесс формального и/или семантического уподобления одной единицы языка другой или перенос отношений, существующих в одной паре (серии) единиц, на другую пару» [ЛЭС, с. 31]. В системе присутствует множество обособленных элементов, вынуждающих систему прибегать к выравниванию форм по аналогии. Образование по аналогии основано на ассоциативной комбинаторной деятельности и «напоминает решение пропорционального уравнения, когда, зная ряд привычных пропорций, мы свободно создаем по образцу этих отношений искомый второй член пропорции, первый член которой нам также известен» [Пауль, 1960, с. 132]. Выравнивание по аналогии распространяется на грамматические формы, словообразовательные типы и чередование звуков. Аналогия является мощным фактором перестройки грамматической системы языка.

Формулирование фонетических законов как «регулярных звуковых соответствий между двумя следующими друг за другом синхронными состояниями

развития языка» [ЛЭС, с. 556], а также принципа аналогии заложило базу для изучения периодов эволюции фонетической и морфологической систем языка, последовательное расположение которых на оси времени, дало возможность лингвистам представить модель развития данных систем в диахронии в виде аспектной периодизации, т.е. периодизации, учитывающей эволюцию каждой из подсистем языка в отдельности.

Поскольку главным объектом изучения младограмматиков была все же звуковая сторона языка и ее изменение, несмотря на некоторые теоретические обобщения Г. Пауля, младограмматикам не удалось от рассмотрения отдельных фактов перейти к пониманию языка как целостного явления, как системы. Данное обстоятельство постепенно привело к формированию структурного направления в лингвистике, главное отличие которого состояло в изучении языка как системы.

Как известно, ярким представителем структурализма был швейцарский лингвист Ф. де Соссюр. По мнению учёного, предметом лингвистических изысканий являются устройство и условия существования языка, а точнее речевой деятельности. Поскольку язык никогда не существует вне общества, Ф. де Соссюр выделяет внутреннюю лингвистику, предметом которой выступает устройство языка и внешнюю лингвистику, занимающуюся изучением условий его существования.

Речевая деятельность существует как единство физического, физиологического и психического составляющих, она относится как к сфере социального, так и к сфере индивидуального. Язык представляет собой важнейшую часть речевой деятельности, он – «социальный продукт, совокупность необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить реализацию, функционирование способности к речевой деятельности, существующей у каждого носителя» [Соссюр, 1977, с. 47]. Язык – это некая «совокупность отпечатков» в голове у каждого члена языкового коллектива, нечто, чем обладает каждый, но на что не в силах повлиять. Язык рассматривается как внешний по отношению к индивиду аспект речевой деятельности, который индивид не может ни создавать, ни изменять. Вносить новшества, влиять носитель языка может лишь на

индивидуальную сторону речевой деятельности, – на речь. Речь является суммой индивидуальных комбинаций, актов фонации, необходимых для реализации этих комбинаций. Речь – это деятельность, которая всегда индивидуальна и мгновенна, язык же – «готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности» [Там же, с. 52].

Понимая язык как готовый продукт, Ф. де Соссюр, тем не менее, отмечает, что внутреннее устройство языка постоянно подвергается изменениям, в силу того, что «язык непрестанно интерпретирует и разлагает на составные части, существующие в нем единицы» [Там же, с. 204]. Немалая роль в этом процессе принадлежит аналогии. Аналогия рассматривается через призму языковых новообразований, появляющихся в результате деятельности индивида. «Новообразование, которое является завершением аналогии, первоначально принадлежит исключительно сфере речи; оно – случайное творчество отдельного лица. Именно в этой сфере и вне языка следует искать зарождение данного явления». Аналогия проявляется в возникновении, наряду с существующими, новых форм, она не представляет собой изменения, поскольку новая форма никак не связана с формой, существовавшей до неё. Аналогия – это полностью грамматическое и синхроническое явление. Она «сама по себе есть лишь один из аспектов явления интерпретации, лишь частное проявление той общей деятельности, содержание которой состоит в обеспечении различения языковых единиц, чтобы затем их потом можно было использовать в речи» [Там же, с. 200].

Язык, обладая внутренним устройством, рассматривается Ф. де Соссюром как система, состоящая из элементов, находящихся в отношениях противопоставления. Выделение данных элементов возможно лишь исходя из совокупного целого. Каждый элемент, находясь в противопоставлении с другими элементами, «сам образован целым рядом взаимодействующих противопоставлений внутри системы» и, тем самым, представляет собой результат ряда отношений в совокупности. Система отношений в языке для учёного первична. «Язык есть форма, а не субстанция» [Там же, с. 154].

Поскольку язык существует во времени и связан с прошлым, учёный настаивает на разграничении синхронической (статической) и диахронической (эволюционной) лингвистики. Синхрония предполагает статичный аспект языка, его состояние, в то время как диахрония - его эволюцию. Системность языка Ф. де Соссюр видел только в синхронии, в диахронической перспективе лингвист имеет «дело с явлениями, которые не имеют никакого отношения к системам, хотя и обуславливают их», «...система сама по себе она неизменна, изменению подвержены только отдельные элементы независимо от их связи, которая соединяет их со всей совокупностью» [Там же, с. 117,118]. Однако состояние языка динамично, поскольку язык хоть в наименьшей степени, но все же преобразуется. Состояние языка не может рассматриваться как точка во времени, напротив, это относительно продолжительный отрезок времени, в течение которого сумма изменений ничтожна мала. В разные периоды интенсивность изменений не одинакова, тем не менее, язык эволюционирует постоянно. Однако литературный язык зачастую препятствует обнаружению непрерывности языковой эволюции. Литературный язык наслаивается на народный или, иными словами, естественный язык и заслоняет последний от взоров учёных.

Объектом диахронической лингвистики является в первую очередь фонетика. «...Эволюция звуков не совместима с понятием «состояния»; сравнение фонем или сочетания фонем с тем, чем они были раньше, сводится к установлению диахронического факта» [Там же, с. 173]. При этом учёный отмечает, что в процессе эволюции изменения претерпевают не только звуки, но и значения слов, грамматические категории. Однако многие грамматические изменения могут быть сведены к фонетическим. Важная роль отводится фонетическому фактору и при словообразовании. Тем не менее, Ф. де Соссюр признает, что «эволюция любого грамматического факта...несравнима с эволюцией звука. Она не представляет собой простого явления, а разлагается на множество частных фактов...» [Там же, с. 175]. К причинам фонетических изменений лингвист, с одной стороны, относит внутренние факторы, проявляющиеся преимущественно в экономии речевых усилий, а с другой стороны, внешние факторы, а именно: произносительные

привычки говорящих, «предшествующий языковой субстрат», а также социально-политическую жизнь общества.

Основными факторами, оказывающими влияние на лексический строй языка, выступают аналогия, которая, как отмечалось выше, понимается как принцип новообразования, а также агглютинация. Характерным свойством агглютинации является отсутствие преднамеренности. Агглютинация состоит в слиянии в результате синтеза двух или нескольких единиц в одну. Действие агглютинации распространяется только на синтагматическую область языка [Там же, с. 213].

Образование новых лексико-грамматических разрядов, в частности предлогов, Ф. де Соссюр объясняет, во-первых, определённым положением слов в предложении, которое приводит к образованию новых сочетаний. «Особое расположение слов, первоначально безразличное к чему бы то ни было, вызванное случайной причиной, создало новое сочетание». Во-вторых, ведущая роль отводится агглютинации, которая выступает в качестве фактора, способствующего закреплению появившихся сочетаний [Там же, с. 216]. Таким образом, языковую эволюцию учёный видит в перераспределении уже существующих языковых единиц. Данные перераспределения носят случайный, спонтанный и несистемный характер, они никак не связаны между собой, поэтому понятие системы к диахронии применить нельзя.

Взгляды Пражского лингвистического кружка стали новым витком в развитии представлений об эволюции языка в диахронии. Они разделяли точку зрения Ф. де Соссюра об разграничении синхронии и диахронии. Отдавая приоритет изучению языка в синхронии, поскольку синхронный анализ является лучшим способом познания сущности и характера языка, тем не менее, не отрицали его системность и в диахронии. «Если в синхронической лингвистике элементы системы языка рассматриваются с точки зрения их функций, то о претерпеваемых языком изменениях нельзя судить без учета системы, затронутой этими изменениями. Было бы нелогично полагать, что лингвистические изменения не что иное, как разрушительные удары, случайные и разнородные с точки зрения системы. Лингвистические изменения часто имеют своим объектом систему, ее

упрочение, перестройку и т.д. Таким образом, диахроническое изучение не только не исключает понятия системы и функций, но, напротив, без учёта этих понятий является неполным» [Звегинцев, 1964, с. 124]. По мнению пражцев, в языке не возникают явления, имеющие произвольный и случайный характер, а, напротив, имеет место понятие связи «согласно законам развивающихся явлений».

Описание эволюции языка, его составных частей и взаимоотношений становится возможным посредством применения структурного принципа. Пражцы считали, что даже при восстановлении отдельных элементов следует учитывать всю систему языка в целом, т.е. «синхронизировать рассматриваемые элементы языка с другими его элементами в той мере, в какой они доступны для диахронического исследования в отношении данного периода времени». Отличие диахронических законов от синхронных представители Пражского лингвистического кружка видели лишь в том, что первые «ограничены во времени относительной хронологией и приводятся в исторической последовательности» [Там же, с. 163].

Более того, при описании языка в синхронии невозможно полностью абстрагироваться от эволюционных изменений, поскольку каждое состояние языка представляет собой и уже сложившуюся систему, и только зарождающуюся.

Идея системности языка в диахронии была развита Г. Гийомом. Язык в диахронии представляет собой не одну систему, а «систематическую последовательность следующих друг за другом и сменяющих друг друга во времени систем» [Гийом, 1992, с. 60]. Язык состоит из различных систем, между которыми существует «родственная связь». Описание эволюции языка, по мнению учёного, должно начинаться с изучения систем, из которых состоит язык, т.к. «внутреннее состояние передается по наследству из прошлого». «В каждый момент язык объединяет в себе одновременно наследие и преобразование – наследие, полученное от прошлого, и преобразование, организацию полученного наследия» [Там же, с. 61].

Г. Гийом переосмысливает дихотомию «синхрония/диахрония», сформулированную Ф. де Соссюром. Последний к ведению диахронической

лингвистики относит рассмотрение языковых явлений в горизонтальном, продольном срезе, отражающем ход времени, которое дезорганизует и может их разрушить. Синхронная лингвистика, напротив, занимается изучением языковых явлений в вертикальном срезе, где движение направлено в сторону организации и систематизации элементов языка. В интерпретации Ф. де Соссюра наблюдаются два образа – образ текущего времени и образ остановившегося мгновения. В действительности, считает Г. Гийом, систематизация и дезорганизация не происходит мгновенно, а требует значительного времени. В результате в языке присутствуют две силы, действующие в противоположных направлениях: «нисходящая дезорганизующая» (диахрония) и «восходящая организующая» (синхрония). «Организованная система появляется в результате того, что нисходящая дезорганизующая сила нейтрализуется восходящей организующей» [Там же, с. 62].

Переосмысление соссюрской дихотомии позволило Г. Гийому доказать тезис, отмеченный представителями Пражского кружка, о том, что «каждая синхронная система является следствием предшествующей системы, вполне законченной, хотя и непохожей». В языке не может быть одной диахронии, отдельных языковых изменений, рассматриваемых в отрыве от системы, а существует «история систем» или «диахрония синхроний». Лингвист никогда не имеет дело со статичной системой, а всегда с системой, которая начала перестраиваться. Поскольку на перестройку требуется достаточно большое количество времени, «система может быть зафиксирована и описана в мгновенном состоянии, как если бы она была устойчивой». Рассмотрение истории системы учёный видит не только в изучении истории отдельных элементов, связанных между собой, но и в освещении истории когерентности, связи, существующих элементов.

Осознание системности языка не только в синхронии, но и в диахронии, и рассмотрение его истории как диахронии синхроний дало возможность лингвистам проследить эволюцию языка как системы, выделив в этом процессе периоды, отражающие постепенное изменение языковой системы.

В настоящее время моделирование языковых процессов в диахронии предполагает рассмотрение синхронных срезов языка на определенном этапе своего развития, расположенных последовательно на временной оси [Скрелина, 2005, с. 21; Гийом, 1992, с. 36, 63]. Каждый срез отражает отличительные особенности функционирования языка как системы систем или уровневой системы, находящейся в одной временной плоскости. Язык каждого последующего среза является следствием развития предшествующего. Поскольку, он (язык) находится в постоянном развитии, в языке присутствуют старые и новые элементы, только начавшиеся и уже завершившиеся процессы. Синхронное состояние языка можно сравнить с моментальным снимком системы, в котором вместе с резкими контурами окажутся и размытые очертания, которые будут отражать колебания форм, свидетельствующие о борьбе старого и нового в языке [Зиндер, 1968, с. 3].

Ввиду того, что перестройка, как уже было отмечено выше, требует длительного времени, при исследовании системы происходит «описание известного куска объективной действительности, среза, выбранного из общего потока развития языка исходя из ряда определённых признаков, в частности, по отсутствию изменений» или ничтожно малого их количества [Кубрякова, 1968, с. 117]. Отделение одного среза от другого осуществляется на основе перехода количественных изменений в качественные, следствием чего является выход системы на новый уровень своего развития.

В европейском языкознании на материале языков с фонетическим способом оформления грамматической и лексической структуры был выработан принцип построения модели истории языка, отправной точкой которого является описание современного состояния системы. На первом этапе описательного изучения языка применяется прием наблюдения, представляющий собой правила и технику выделения того или иного явления, определение характеризующих и дифференцирующих свойств исследуемого объекта. На основе полученных данных происходит обобщение и обнаружение закономерностей в повторяющихся явлениях [Кодухов, 1963, с. 9, 18].

Далее осуществляется лингвистическая интерпретация и классификация фактов, подразумевающие их включение в таксономическую рубрику или категорию, а также проверку правильности такого включения с целью подтверждения и уточнения объяснения или его опровержения [Там же, с. 12]. Наряду с описанием структуры языка применяется принцип исторической реконструкции, утверждающий единство современного и исторического. «Синхронное описание современного состояния языка есть не что иное, как проникновение через непосредственно наблюдаемые и подвижные факты в систему языка, скрытую от непосредственного наблюдения. Тем самым, синхронное описание, выявляющее систему языка, оказывается первым этапом исторической реконструкции» или «последним этапом развития предыдущей системы» [Степанов, 1975, с. 119, 122]. По мере описания синхронных срезов языка, находящихся на расстоянии от современного состояния, метод реконструкции приобретает всё большее значение.

Язык есть «множество языковых элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность» [ЛЭС, с. 452]. Данное единство обладает определённой структурой и характеризуется таким свойством как дискретность [Солнцев, 1971, с. 11]. Все элементы системы находятся в отношениях связанности и, одновременно, противопоставления друг другу. Однородные языковые элементы и отношения между ними образуют уровни языка. Данные единицы в системе языка связаны синтагматическими и парадигматическими отношениями. Неоднородные языковые единицы находятся в иерархических отношениях: единицы низшего уровня служат строительным материалом для единиц высшего уровня [Там же, с. 84]. Каждый уровень обладает определённым набором единиц и сеткой связей, образующих относительно автономную систему. В лингвистической литературе общепринято выделяются фонологический, морфологический, синтаксический и лексический уровни.

Каждый синхронный срез рассматриваются через призму выявления особенностей уровней языковой системы. Языковая система недоступна

непосредственному наблюдению, познавать ее сущность лингвист может через её реализацию в речи. Дихотомия «язык/речь» предполагает различение единиц языка и единиц речи на всех уровнях языковой системы. Единицы языка образуют единицы речи, которые, в свою очередь, являются трансляторами основных свойств единиц языка, таким образом, первые и вторые существуют по принципу взаимообусловленности. В современном языкознании на фонетическом уровне выделяют фонему и фон (аллофон), на морфологическом – морфему и морф (алломорф), на синтаксическом – синтаксему и синтакс (синтаксу), лексический уровень представлен лексемой и лексом (словоформой) [Алиференко, 2004, с. 16-17].

При исследовании синхронных срезов, начиная со среза, характеризующего современное состояние языка, и продвигаясь далее вглубь истории, лингвисты прибегают к историко-сравнительному методу, направленному на изучение разновременных форм языка, находящихся в отношении генетической общности [Алиференко, 2005, с. 348]. В начале производится установление генетического тождества форм разных периодов развития языка. Далее осуществляется относительная хронология двух явлений в языковой системе, которая достигается путём изучения распространения и значимости одного явления относительно другого. Относительная хронология подкрепляется данными фонологической и грамматической интерпретации, лингвистической географии и внутренней реконструкции [Кодухов, 1963, с. 40-44]. Прием внутренней реконструкции позволяет «вскрыть специфику движения форм и звуков в языке, раскрыть противоречия между новыми тенденциями и старыми элементами языковой структуры», что даёт возможность выявить законы развития языка и описать более древнее его состояние [Там же, с. 45].

Сопоставление синхронных срезов дает возможность выявить переломные моменты в изменении языковой системы и представить ее эволюцию в виде периодизации. При выделении отдельных периодов в качестве критериев периодизации во внимание принимаются факты внутренней и внешней истории, оказывающие влияние на языковую систему.

Главной функцией языка является его коммуникативная функция, для реализации которой необходим непрерывно функционирующий механизм. В качестве данного механизма в языке выступают правила построения высказываний, без которых невозможна никакая коммуникация.

Изменения в функционировании языка как средства общения могут быть вызваны физиологическими особенностями его носителей. Данные изменения являются результатом приспособления языкового механизма, и выражаются, по мнению Б. А. Серебренникова, в тенденции к облегчению произношения. Облегчение произношения может проявляться в вытеснении из системы сложных в артикуляции звуков, переходе звуков из одной категории в другую, замене смычных глухих в интервокальном положении звонкими смычными или спирантами, дифтонгизации ударных монофтонгов, находящихся под сильным экспираторным ударением, упрощении групп согласных, ассимиляции, палатализации и т.д. [Серебренников, 1970, с. 129-130]. Тенденция к облегчению произношения представляет собой один из вариантов тенденции к экономии речевых средств, которая является одним из сильнейших факторов, приводящих к изменениям в языке. Экономия речевых средств проявляется в наиболее экономном и рациональном отборе языковых средств, релевантных целям коммуникации. Данный принцип может быть реализован на всех уровнях языковой системы. На фонетическом уровне он находит отражение в существовании ограниченного количества фонем, обладающих смыслоразличительными функциями. На уровне грамматики экономия речевых средств может проявляться в наделении грамматической категории несколькими значениями.

К внутренним факторам языковых изменений также относят, установленное младограмматиками, выравнивание форм по аналогии. З. Д. Попова и И. А. Стернин отмечают тяготение в языке изолированных форм к массовым формам. Аналогия позволяет свести бесконечное множество типов формо- и словообразования к достаточно ограниченному их количеству. Это даёт возможность фиксирования в памяти необходимого для коммуникации запаса словоформ [Попова, 2007, с. 109].

Еще одним из ключевых факторов, приводящих к внутрисистемным изменениям, лингвисты называют давление системы. Э. А. Макаев определяет давление системы как «одну из форм актуализации языковой системы». Давление системы напрямую зависит от набора и особенностей структуры языковых единиц, от степени их вариативности, а также от «архитектоники каждого уровня языка». Чем проще с точки зрения архитектуры единица определённого уровня, чем ниже степень ее вариативности, тем сильнее давление системы, и, наоборот, чем сложнее единица языка и выше степень ее вариативности, тем давление системы слабее [Макаев, 1962, с. 49]. А. Х. Абдульманова отмечает, что процесс языкового изменения можно представить в виде «S-образной кривой». На начальном этапе происходит появление новой структуры или формы, которая не типична для языковой системы, далее наблюдается ее сосуществование с типичными формами. На последнем этапе под действием аналогии происходит окончательное закрепление формы в языковой системе. Именно на последнем этапе наблюдается реализация принципа давления системы [Абдульманова, 2008, с. 40].

Внутренние факторы также проявляются в выражении одинаковых или близких значений одной формой, в изменении фонетической оболочки при грамматикализации слова, в упрощении морфологической структуры слова, в устранении избыточности средств выражения и т.д. [Серебренников, 1970, с. 132, 136, 137].

Внешние факторы языковых изменений связывают с языковыми контактами, проявляющимися в явлениях субстрата, т.е. наличия «черт системы языка, не выводимых из внутренних законов развития данного языка и восходящих к языку, распространенному ранее на данной территории», а также суперстрата – черт, «объясняемых как результат растворения в данном языке языка пришлых этнических групп, ассимилированных исконным населением» [ЛЭС, с. 497, 499]. К фактам внешней истории относят также заимствования.

Сознательная деятельность языкового сообщества по нормализации и кодификации языка тоже является одним из примеров экстралингвистических факторов, приводящих к изменениям в языке [Скрелина, 2005, с. 19].

Нормализация и кодификация проявляется в выработке литературной нормы языка. Б. А. Серебрянников считает, что процессы по выработке норм есть «единство стихийного отбора и кодификации явлений, включаемых в норму». Сочетание регулируемых и спонтанных процессов на определённом этапе языкового развития приводит к формированию совокупности «образцовых реализаций» системы языка, т.е. к установлению нормы. Кодификация представляет собой отбор и закрепление совокупности формальных языковых средств - орфографических, фонетических, грамматических, лексических, а также уточнение условий их употребления в грамматиках и словарях.

Распространение языка, форм его существования, соотношение нормы и узуса, деятельность представителей литературного сообщества, социально-экономическая и политическая жизнь носителей данного языка также приводят к изменению облика языка [Скрелина, 2005, с. 19].

При выделении периодов в истории языка лингвисты опираются либо на интралингвистические, либо экстралингвистические факторы. Л. М. Скрелина и Л. А. Становая, ссылаясь на диалектическое единство устойчивости и изменчивости языка, отмечают достаточную условность данных подходов, не позволяющих выделить чёткие границы между периодами и определить их хронологические рамки [Там же, с. 32]. В связи с этим, при построении периодизации истории языка авторы предлагают критерий понимания текстов, предполагающий степень трудности в восприятии текстов в различные периоды существования языка.

В ходе реализации первого этапа мета-систематизации, в результате историографического анализа, было установлено семнадцать моделей периодизации авторов Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина, Хуан Дяньчэна, М. В. Крюкова и Хуан Шуин, Люй Шусяна, Пань Юньчжуна, М. В. Софронова, С. Е. Яхонтова, Чжоу Цзумо, Ван Ли, Сян Си, У. Бакстера, Дж. Нормана, Э. Пуллиблэнка, И. С. Гуревич и И. Т. Зограф, Цзян Цзичэна. Из данного установленного списка моделей, на основании критерия активности использования в теоретическом и практическом планах, а также аспекта типичности, было

отобрано двенадцать первых моделей. Периодизации, предложенные У. Бакстером, Дж. Норманом, Э. Пуллиблэнком, не были учтены в последующей систематизации, поскольку их подход к выбору критериев периодизации совпадает с подходом Б. Карлгрена и А. Масперо. Подход И. С. Гуревич и И. Т. Зограф совпадает с подходом М. В. Крюкова и Хуан Шуин. Периодизация, предложенная Цзян Цзичэном, не подкрепляется описанием отличительных особенностей всех выделенных периодов.

В основу периодизаций, представленных в работах Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина, Хуан Дяньчэна, положены факты внутренней истории языка – парадигматические системные противоречия, приводящие к изменениям синтагматических отношений между единицами и в конечном счете к изменению всей фонетической системы. Периодизация в работе М. В. Крюкова и Хуан Шуин также строится на основе интралингвистического фактора. На морфологическом уровне критерием служат изменения в способах образования грамматических форм; переход от преимущественно префиксального способа к суффиксальному за счёт грамматикализации знаменательных единиц. На уровне синтаксиса критерием выбраны изменение синтаксиса порядка слов, а также преобразование системы служебных морфем. Периодизация, представленная Люй Шусяном, выполнена исходя из критерия внешней истории – нормирования и кодификации норм литературного языка, перехода от норм старой литературно-письменной традиции вэньяня к нормам народно-разговорного языка байхуа. В работе Пань Юньчжуна при построении периодизации учитываются как факторы внутренней истории, т.е. изменения в способах образования грамматических форм; переход от преимущественно префиксального способа к суффиксальному за счёт грамматикализации знаменательных единиц, изменение синтаксиса порядка слов, а также преобразование системы служебных морфем, так и факторы внешней истории – контакты народов; формирование 雅言 нормативного языка, служащего средством общения между представителями разных царств; объединение Китая в эпоху Цинь (III в. до н.э.); создание единого политического и экономического центра; унификация иероглифики; Опиумные войны (1840-1860 гг.); складывание

普通话 общенационального китайского языка. В основу периодизации, представленной в работе М. В. Софронова, положены факторы внутренней истории. На фонетическом уровне: парадигматические системные противоречия, приводящие к изменениям синтагматических отношений между единицами. На морфологическом уровне: изменения в способах образования грамматических форм; переход от преимущественно префиксального способа к суффиксальному за счёт грамматикализации знаменательных единиц. На синтаксическом уровне: изменение синтаксиса порядка слов, а также преобразование системы служебных слов. Периодизация С. Е. Яхонтова построена с опорой на факты внутренней истории. На фонетическом уровне критерием также являются парадигматические системные противоречия, приводящие к изменениям синтагматических отношений между единицами. На морфологическом уровне – изменения в способах образования грамматических форм, переход от преимущественно префиксального способа к суффиксальному за счёт грамматикализации знаменательных единиц. На синтаксическом уровне основным критерием выступают преобразование системы предлогов и союзов; изменение синтаксиса порядка слов. На лексическом уровне в качестве критерия автор рассматривает переход от односложных слов к двусложным словам. Основным критерием в периодизации, предложенным Чжоу Цзумо, выступают факты внешней истории – падение царства Шан и воцарение царства Чжоу; формирование нормативного языка, служащего средством общения между представителями разных царств; войны между царствами; перемещение населения в результате природных катастроф; распад и объединение государства; Синьхайская революция. Периодизации в работах Ван Ли и Сян Си построены с опорой как на факты внутренней, так и на факты внешней истории языка. К факторам внутренней истории на фонетическом уровне относятся парадигматические системные противоречия, приводящие к изменениям синтагматических отношений между единицами. На морфологическом уровне – изменения в способах образования грамматических форм; переход от преимущественно префиксального способа к суффиксальному за счёт грамматикализации знаменательных единиц. На синтаксическом уровне –

изменение синтаксиса порядка слов, а также преобразование системы служебных морфем. На лексическом уровне – переход от односложных слов к многосложным. К факторам внешней истории авторы относят контакты народов; формирование нормативного языка; объединение Китая; создание единого политического и экономического центра; Опиумные войны (1840-1860 гг.); «Движение 4 мая»; складывание общенационального китайского языка. Фактор письменности не принимается во внимание ни в одной модели.

При установлении периодизации истории языка с идеографическим типом письменности в качестве критерия целесообразно принять указанный выше критерий феноменологической адекватности. Критерий феноменологической адекватности рассматривается как базовый, интегральный критерий, который учитывает именно идеографическое своеобразие китайского языка. Данный критерий должен поддерживаться критерием системного уровневого проявления эволюционных сдвигов, включая фонетические, грамматические, лексические изменения и тенденции, а также аспекты внешней истории языка.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В решении задачи установления теоретических оснований систематизации опыта периодизации истории языка с учётом идиоэтнического фактора письменности рассматриваются онтологические характеристики китайского языка как языка с идеографическим типом письменности и его место в типологической классификации языков.

Идеографический тип письма признается не вторичным фактом истории китайского языка, но фактором, определяющим его феноменологическое своеобразие. Фактор иероглифической письменности, являясь базовым идиоэтническим фактором, обусловленным взаимосвязью языка, культуры, мышления, рассматривается в качестве ключевого, оказывающего значительное влияние на феноменологические характеристики языка в его синхронии и диахронии.

Доминирующее положение иероглифического знака прослеживается в особенностях развития направлений лингвистического знания в Китае. Работы, выполненные в рамках данных направлений, способствуют формированию понимания лексико-семантических и фонетических характеристик языка с идеографическим типом письменности, а также выступают в качестве источника методологической базы в понимании проблемы диахронического анализа китайского языка и инструментального аппарата, дающего возможность его изучения в диахронии.

Изучение языка в диахронии предполагает его рассмотрение как диахронию синхроний, т.е. синхронных срезов языка на определённом этапе своего развития, расположенных последовательно на временной оси. Каждый срез отражает отличительные особенности функционирования языка как системы систем, находящейся в одной временной плоскости. Сопоставление синхронных срезов даёт возможность выявить переломные моменты в изменении языковой системы и представить ее эволюцию в виде периодизации. При выделении отдельных периодов в качестве критериев периодизации во внимание принимаются факты внутренней и внешней истории, оказывающие влияние на языковую систему.

Процесс периодизации истории языка осложняется структурой языка как системы, его уровневостью, относительной автономностью отдельных уровней языковой системы, влиянием внутренних и внешних факторов на язык, его социальной и территориальной вариативностью, а также проблемой датировки письменных памятников, на основе которых осуществляется периодизация истории китайского языка.

Периодизация истории языка представляет определённое видение объекта исследования, воплощающееся в модели автора. Модель есть мысленный конструкт, обладающий необходимым набором свойств и в существенных чертах демонстрирующий и воспроизводящий своим поведением поведение своего прототипа. Модель должна обладать такими свойствами как изоморфизм, непротиворечивость, формальность, точность, экспланаторность, которые предполагают ее феноменологическую адекватность оригиналу сложной онтологической природы. Принимая во внимание важность идиоэтнического фактора письменности, устанавливается, что по отношению к моделированию периодизации истории китайского языка критерий феноменологической адекватности должен учитывать и периодизацию китайской письменности.

Авторская модель периодизации истории языка, выступая в качестве объекта исследования, представляет собой метатеорию. В связи с этим вводится и раскрывается понятие диахронической мета-систематизации, предполагающей установление и систематизацию уже существующих моделей периодизации истории языка; критическое рассмотрение данных моделей с точки зрения их адекватности объекту изучения; построение более адекватной модели объекта изучения.

Устанавливаются семнадцать моделей периодизации истории китайского языка. Из данного списка моделей, на основании критерия активности использования в теоретических и практических работах, а также аспекта типичности, отбираются двенадцать моделей. Определяются критерии, положенные в основу данных моделей периодизации истории китайского языка.

ГЛАВА 2. МЕТА-СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОПЫТА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ ЯЗЫКА С ИДЕОГРАФИЧЕСКИМ ТИПОМ ПИСЬМЕННОСТИ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ

2.1. Периодизация истории китайской письменности

Иероглифический знак, как было установлено выше, является основополагающим этнокультурным элементом языкового сознания китайцев. Иероглифика представляет собой фундамент, лежащий в основе формирования, функционирования и эволюции китайского языка. Учитывая принцип адекватности модели оригиналу, при моделировании периодизации истории китайского языка необходимо учитывать его феноменологические свойства, проявляющиеся в способе фиксации языка при помощи идеографических знаков. Базовым критерием периодизации истории языка с иероглифической письменностью, таким образом, является критерий феноменологической адекватности, учитывающий идеографический тип письменности как фактор, выявляющий отличительные, сущностные черты его онтологии.

В связи с этим, считаем целесообразным рассмотреть периодизацию эволюции китайской письменности. Вплоть до второй половины XX в. на основе изменений стиля начертания знаков в эволюции китайской письменности выделяли шесть периодов [黄约斋, 1956; 邹晓丽, 1988 и др.]: период 甲骨文 *цзягувэнь* или надписей на гадательных костях и черепаших панцирях, иньских надписей; период 金文 *цзиньвэнь* или надписей на бронзе; период 大篆 *дачжуань* или «большой печати»; период 小篆 *сяочжуань* или «малой печати»; период 隶书 *лишу* или «делового письма»; период 楷书 *кайшу* или «уставного письма».

Представим отличительные особенности каждого периода. Нижней границей периода *цзягувэнь* принято считать XVII в. до н.э., верхней границей – XI в. до н.э. (царства Шан-Инь). Знаки фиксировались путём вырезания на черепаших панцирях и лопаточных костях крупных животных. Линии знаков прямые с заострёнными окончаниями. Характерной особенностью поворота линий в знаках

была прямоугольность их очертаний. Практически отсутствовали различия в толщине линий. Отсутствовала стандартизация в написании, как в отношении количества линий, так и их расположения в знаке, что приводило к появлению у большинства иньских знаков графических вариантов. Знаки в большинстве случаев записывались сверху вниз, однако отмечались случаи и горизонтального расположения знаков справа налево [裘锡圭, 1988, с. 44-45; Крюков, 19786, с. 216].

Период *цзиньвэнь* датируется XI в. – III в. до н.э. (царство Чжоу). Знаки данного периода изображались на изделиях из бронзы: сосудах, колоколах, треножниках, музыкальных инструментах. На начальном этапе графика знаков сохраняет характеристики письменности предыдущего периода, однако тонкие линии письма *цзягувэнь* сменяются достаточно толстыми линиями на предметах из бронзы. К концу эпохи Чжоу основной отличительной особенностью графического стиля письменности *цзиньвэнь* были закруглённые изгибы и прямые линии без приступа. Линии преимущественно широкие и короткие. Знаки постепенно начинают утрачивать рисуночный характер. В данный период начинает формироваться принцип компоновки знака в квадрат. Усложняется структура знаков. Произошла унификация направления письма. Знаки теперь располагаются строго сверху вниз, слева направо.

Период *дачжуань* или «большой печати» относится к V в. – III в. до н.э. (период Воюющих царств). Формирование данного стиля происходило параллельно с использованием знаков стиля *цзиньвэнь*. Знаки данного периода представлены в текстах на разных носителях: камне, шёлке, керамике, изделиях из бронзы, монетах. Знаки имеют много как функциональных, так и региональных вариантов. По сравнению с предыдущим периодом толщина линий становится более равномерной. Не наблюдалось строгой унификации в написании знаков. Размер иероглифа зависел от количества линий, входящих в его состав [裘锡圭, 1988, с. 56; Белозёрова, 2010, с. 869].

Временем появления и использования почерка *сяочжуань* или «малой печати» принято считать III в. до н.э. (династия Цинь). Знаки «малой печати» представлены преимущественно в книгах на деревянных планках. Почерк «малая

печать» является вариантом «большой печати», который появляется в результате реформы письменности при династии Цинь. Начертание иероглифов уже строго стандартизировано, композиционное построение упорядочено. Линии относительно ровные и одинаковые по толщине. При написании линий преобладают правильные и симметричные овальные формы. Компоновка минимальных элементов внутри знака тяготеет к унифицированному вертикальному формату. «Большая печать» и «малая печать» представляли собой варианты почерка *чжуаньшу*, который был наиболее используемым архаичным стилём письма.

Период *лишу* датируется III в. до н.э. – III в. н.э. (династия Хань). Носителями данного стиля письма были деревянные грамоты, состоящие из большого количества планок *цзяньду*, эпитафические надписи, книги на шёлке. Характерной чертой знаков почерка *лишу* была утрата мягких, волнистых линий. В данный период происходит формирование системы черт. Черты в основном ровные и одинаковые по толщине. У всех прямых линий отсутствуют приступы и завершения. Косые линии завершаются специфическими утолщениями на конце черты. Изгибы линий прописываются под углом. Формы, которые ранее писались слитно, теперь пишутся как отдельные черты. Компоновка черт внутри знака переходит от вертикальной к горизонтально-прямоугольной [Софронов, 2007, с. 519].

На базе *лишу* были созданы функциональные стили начертания знаков – *行书 синшу* «бегущее письмо» и *草书 цаошу* или «травяное письмо». К основным характеристикам стиля *синшу* относятся: написание комбинации точки и другой черты без отрыва руки; знаки пишутся под сильным наклоном; контуры знака отличаются плавностью, гладкостью и изяществом. Стиль *цаошу* представляет собой скорописный стиль. При использовании данного стиля видоизменяется либо форма иероглифа, либо черты иероглифа соединяются в единую вязь. Допускается опущение некоторых черт и элементов знака.

Нижней границей периода *кайшу* являлся III в. н.э. (династии Вэй, Цзинь), верхней границей считалось настоящее время. Данный стиль представлен

надписями на стелах и скалах. Для почерка *кайшу* характерно наличие ровных, без утолщения линий, но с приступом и завершением, а также сформированная система черт. Компоновка элементов внутри знака стала квадратной. Последовательность письма и форма черт подчиняются строго определённым правилам.

Положенный в основу данной периодизации критерий не позволял проследить особенности эволюции китайской письменности после III в. н.э. Данное обстоятельство побудило исследователей к пересмотру данного критерия и поиску новых критериев. Была предпринята попытка анализа эволюции знаков с точки зрения изменений не только стиля написания, но и структуры знаков. Данному вопросу были посвящены работы как отечественных исследователей В. П. Васильева, С. М. Георгиевского, Ю. В. Бунакова, И. М. Ошанина [Готлиб, 2014], О. М. Готлиба [Готлиб, 2007], так и китайских лингвистов Цао Боханя [曹伯韩, 1958], Ван Ли [王力, 1980], Чэнь Шихуэя и Тан Юйхуэя [陈世辉, 汤余惠, 1988], Цю Сигуя [裘锡圭, 1988], Сюй Чжици [徐志奇, 2004] и других. Однако и данная попытка не привела к новому видению периодизации китайской письменности.

Во второй половине XX в. в результате все большего проникновения в Китай идей западного языкознания, в частности, понимания языка как системы, китайские лингвисты стали рассматривать китайскую иероглифическую письменность как знаковую систему, т.е. целое, состоящее из определённым образом упорядоченных элементов и связей между ними. Данная система характеризуется иерархичностью, предполагающей наличие единиц разной степени сложности. Простые единицы через набор определённых правил сочетаемости являются строительным материалом для более сложных единиц.

В китайской письменности выделяются следующие основные единицы и соответствующие уровни:

笔画 *графема (черта)* – наименьшая единица письменности, лишённая самостоятельной знаковой функции, но способная выполнять смысловоразличительную функцию. К основным чертам китайского языка относят — *горизонталь*, | *вертикаль*,) *откидную влево*, \ *откидную вправо*, 、 *точку*

(вправо/влево), \swarrow *восходящую*. Для образования сложных и сложнопроизводных знаков также используются \lrcorner *излом* и \jmath *крюк*.

构件 *морфограмма (ключ, детерминатив)* – наименьшая значимая единица, не образующая синтагматические связи с единицами более высокого уровня. Морфограмма не соотносится с морфемой или словом в языке. К морфограммам относятся $\dot{\text{一}}$ *малый шаг*, \square *ограда*, 犬 *собака* и др.

Морфограммы обладают четырьмя функциями: 1) функцией указания на значение знака (смысловой детерминатив); 2) функцией указания на чтение знака (фонетик); 3) указательной функцией и 4) символической функцией, возникающей в результате появления разнописей знака, упрощения и не указывающей ни на его чтение, ни на его значение (символ).

整字 *логограмма (иероглиф, синограмма)* – значимая единица письменности, которая образует линейные синтагматические связи с единицами одного уровня и коррелирует с морфемами или словами китайского языка [王平, 2014, с. 11-12; Готлиб, 2007, с. 24]. Примерами логограмм являются 问 *спрашивать*, 慢 *медленный*, 菜 *овощ* и др.

Существуют различные модели семиотической классификации логограмм. О. М. Готлиб, применив к анализу знаков китайской письменности классификацию Ч. Пирса, выделил три типа знаков: пиктограммы, идеограммы и символограммы. В пиктограммах связь между означающим и означаемым последовательна и вполне очевидна. В идеограммах она носит опосредованный, но также вполне последовательный характер. В символограммах связь между означающим и означаемым немотивирована. Типы знаков шестичленной классификации Сюй Шэня распределяются в модели О. М. Готлиба следующим образом: к пиктограммам относятся иероглифы изобразительной категории; к идеограммам – иероглифы указательной категории, иероглифы идеографической категории, иероглифы фоноидеографической категории (поскольку фонетический компонент также участвует в формировании значения знака); к символограммам относятся первоначальные пиктограммы, чья графическая оболочка в ходе эволюции

претерпела значительные изменения, пиктограммы, изменение графической оболочки которых является развитием их этимологического значения, знакомиографы [Готлиб, 2007, с. 59]. Знак 考 экзамен, экзаменовать, относящийся в классификации Сюй Шэня к видоизменённой категории, автор относит к знакам фоноидеографической категории, т.к. он содержит фонетик 考 затрудненное дыхание; древко топора. Иероглифы заимствованной категории, по мнению О. М. Готлиба, являются омографами, появившимися в процессе эволюции значения логограмм.

Эволюция китайской письменности проявляется в увеличении знаков фоноидеографической категории, а также символюграмм. Современные компьютерные технологии, позволяющие обрабатывать большие массивы информации, достижения количественной лингвистики, базы данных китайских знаков позволили проанализировать письменные источники, созданные после эпохи Хань, что дало возможность исследователям выделить еще два периода в эволюции китайской письменности: 魏晋南北朝 период *Шести династий* (III в. – VI в.) и 隋唐五代 период, охватывающий династии *Суй, Тан и эпоху Пяти династий* (VI в. – X в.).

Источниками для анализа письменности периода Шести династий послужили 魏晋南北朝石刻材料 *эпиграфические надписи данного периода*, 魏晋南北朝简牍材料 *деревянные планки цзяньду*, 楼兰残纸材料 *фрагменты официальных документов, написанных на бумаге, найденные в руинах королевства Лоулань*, 原本《玉篇》残卷 *фрагменты словаря китайских иероглифов «Юйпянь»* [王平, 2014, с. 1].

По результатам современных исследований, проведённых в начале XXI в. [罗宗真 2001; 付继伟 2005; 郑婕, 2007; 毛远明, 2011, 2012; 李梅燕, 2012 и др.], с точки зрения стиля начертания знаков письменность эпохи Шести династий относится к переходному периоду от стиля *лишу* к стилю *кайшу*.

Для системы черт данного периода было характерно: написание горизонтальных черт под наклоном вправо / влево; путём соединения двух точек; путём соединения откидной влево и откидной вправо. Длина горизонталей еще не выполняла смысловозначительную функцию. Например, не была стандартизирована длина нижней горизонтали в знаке \pm *воин*. Знак имел два варианта написания \pm и \pm . Вертикали могли содержать излом, либо записываться как откидная влево. Откидные влево также могли писаться с изломом, как вертикаль или вертикаль под наклоном. Техника написания откидной вправо могла совпадать с техникой написания восходящей. Некоторые откидные вправо записывались как точки. Точки, в свою очередь, могли записываться как усечённые горизонталы или вертикали. Не было регламентировано направление написания точек, а также положение точки в знаке. Восходящая зачастую записывалась как горизонталь под наклоном. Изломы часто записывались как фигуры Т-образной формы. Нередки были случаи записи черт с крючком как вертикалей без крюка [Там же, с. 37-45].

В результате анализа морфограмм, встречающихся в эпиграфических надписях и в текстах на деревянных планках цзяньду, было установлено, что из 649 морфограмм, 192 имеют функцию указания на значение, 400 имеют функцию указания на чтение и появляется 57 морфограмм, обладающих символической функцией. Появление последних вызвано модификацией морфограмм, происходящей в результате разнописи или различного начертания знаков. У данных морфограмм между формой знака и его значением не прослеживается никак связи.

В эпоху Шести династий существовало восемь видов разнописи, явившихся результатом: 1) изменения структуры знака; 2) изменения положения морфограмм в знаке; 3) изменения в начертании морфограмм; 4) замены морфограмм; 5) изменения количества морфограмм; 6) изменения принципа сочетаемости морфограмм в знаке; 7) изменения количества черт; 8) изменения начертания черт [Там же, с. 156].

Отсутствие стандарта в написании морфограмм является одной из отличительных особенностей данного периода. В эпиграфических надписях с изменениями в начертании морфограмм связано 88.95% всех разнописей. В текстах на деревянных планках цзяньду разнописи составляют больше половины от всех знаков, а в памятниках на бумажном носителе на долю разнописей приходится 54.4%.

Другой особенностью было отсутствие стандарта в написании черт, в частности, варьирование количества черт как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. В эпиграфических надписях количество подобных знаков составляет 1.9%, в текстах на деревянных планках цзяньду – 34.9%, а в памятниках на бумаге – 43.8%.

Возникновение вариантных начертаний иероглифов было также вызвано изменениями, происходившими в фонетической системе китайского языка, и проявлявшимися в ослаблении или полной утрате некоторыми морфограммами свойства передавать звучание знака. Данное обстоятельство приводило к поиску другой морфограммы, передающей звучание знака. Однако новая морфограмма не вытесняла первоначальную, а использовалась как вариант.

Помимо почерков *кайшу* и *лишу*, в период Шести династий использовались начертания знаков в стиле *синшу* и *цаошу*. Активное применение почерка *цаошу* стало одним из ключевых факторов появления тенденции к упрощению знаков [Там же, с. 225].

Расцвет почерка *кайшу* приходится на время правления династий Суй, Тан и эпоху Пяти династий. Материалами для анализа письменности данного периода являются эпиграфические надписи, а также словари «宋本玉篇» «Юйпянь эпохи Сун», «篆隶万象名义» «Имена 10 тысяч вещей в начертаниях чжуаньшу и лишу», «干禄字书» «Ганьлу цзышу», «五经文字» «Знаки Пятикнижия», «九经字样» «Знаки Девятикнижия».

В эпоху Тан происходит стандартизация почерка *кайшу*. Этому способствовали изобретение книгопечатания и введение системы государственных экзаменов в эпоху Суй.

Система черт почерка *кайшу* утрачивает особенности стиля лишь. Происходит постепенная унификация и стандартизация системы черт. Горизонталы пишутся ровно, без наклона, слева направо. Длина горизонталей приобретает смысловозначительную функцию. Вертикали пишутся без излома. Откидные влево записываются сверху вниз, справа налево. Откидные вправо записываются сверху вниз, слева направо. Происходит чёткая дифференциация в написании откидной вправо и восходящей. Завершается формирование правил при написании точек. Точка приобретает статус одной из наименьших единиц письменности. Унифицируется написание знаков, содержащих крюк.

В данный период увеличивается количество морфограмм, указывающих на чтение и морфограмм, обладающих символической функцией. Выделяется 1635 фонетиков и 138 символов. Символизация, с одной стороны, происходит за счёт утраты морфограммами первоначальной семантики. Так, например, морфограммы 束 *шип* и 束 *связка* в знаке 刺 *колоть*, морфограммы 己 *сам, себя*, 己 *уже*, 巳 *шестой циклический знак цикла земных ветвей* в знаке 改 *изменять* становятся взаимозаменяемы и т.д. С другой стороны, символы появляются в результате сращения отдельных морфограмм [藏克和, 2013, с. 57, 61, 104]. Символизация морфограмм приводит к появлению полумотивированных и немотивированных логограмм. В эпоху Тан количество символограмм приближалось к 3200, что составляло 22% от общего числа логограмм.

Усиливается тенденция к упрощению знаков, проявляющаяся в замене триплицированных знаков на неплицированные. Например, в знаке 星 *звезда* триплицированная морфограмма 日 *солнце* была заменена на неплицированный знак, в знаке 泉 *источник* трипликация знака также была заменена на одиночный знак 泉 и т.д.

Происходят изменения в компоновке морфограмм внутри знака. Если ранее преобладала структура верх-низ, то в эпоху Тан наблюдается трансформация знаков данной структуры в структуру лево-право. Например, в иероглифе 覓 душа, дух морфограмма 云 облако, располагавшаяся сверху, теперь занимает позицию слева 魂; в знаке 晝 светлый, блестящий морфограмма 日 солнце, записывавшаяся внизу, стала писаться слева 晰; в знаке 壁 стена морфограмма 土 земля из центральной нижней позиции смещается в нижнюю левую позицию 辟 и т.д.

陆锡兴 Лу Сисин, профессор института гуманитарных наук Наньчанского университета, на основе работ своих предшественников в статье «论汉字史研究» «Исследование истории китайской письменности», опубликованной в 2017 г., предложил периодизацию истории китайской письменности, приближенную к периодизации истории языка в целом. Понимая китайскую письменность как систему, находящуюся в постоянном развитии, в её эволюции автор выделил четыре периода, отметив условность временных границ данных периодов. Каждый из первых трёх периодов, в свою очередь, разделён на подпериоды:

1. 上古期 **древнекитайский** период (XVII в. до н.э. – III в. до н.э.):
 - 1.1. 殷商、西周 эпохи Шан-Инь, Западная Чжоу – XVII в. – VIII в. до н.э.;
 - 1.2. 东周 эпоха Восточная Чжоу – VIII в. – III в. до н.э.;
 - 1.3. 秦 эпоха Цинь – 221 г. – 206 г. до н.э.;
2. 中古期 **среднекитайский** период (III в. до н.э. – XIV в.):
 - 2.1. 两汉 эпоха Хань – III в. до н.э. – III н.э.;
 - 2.2. 魏晋至唐 период Шести династий до династии Тан – III в. – X в.;
 - 2.3. 宋、元 эпохи Сун, Юань – X в. – XIV в.;
3. 近代期 **новокитайский** период (XIV в. – начало XX в.):
 - 3.1. 明、清 эпохи Мин, Цинь – XIV в. – начало XX в.;
4. 现代期 **современный** период (1919 г. – настоящий момент) [陆锡兴, с. 105].

Лу Сисин отмечает, что древнекитайский период, охватывающий временной промежуток с XVII в. до н.э. по III в. до н.э., представлен 古文字 *древней письменностью* и включает письменность *цзягувэнь, цзиньвэнь, дачжуань, сяочжуань*. Среднекитайский и новокитайский периоды, охватывающие временной интервал с III в. до н.э. по начало XX в., представлены 今文字 *современной письменностью*, к которой относится письменность в стилях *лишу* и *кайшу*. Автор отдельно не выделяет период Шести династий как переходный период от стиля *лишу* к стилю *кайшу*. Не указываются особенности письменности эпох Сун и Юань, а также особенности письменности новокитайского периода. Современный период рассматривается Лу Сисином как период кризиса и реформирования китайской письменности.

Анализ показал, что периодизация эволюции китайской письменности, охватывающая временной диапазон с XVII в. до н.э. по III в. и считавшаяся базовой до недавнего времени, была пересмотрена. Нижняя граница периода расцвета почерка *кайшу* датируется не III в., а VI в. Верхней границей данного периода является X в. В настоящее время учёные считают, что периодизация эволюции китайской письменности охватывает временной диапазон с XVII в. до н.э. по начало XX в., однако период с X в. по XX в. пока остается лакунарным с точки зрения его описания.

2.2. Источники реализации диахронической мета-систематизации моделей периодизации истории китайского языка

Установление и дальнейшая систематизация отобранных нами моделей, способствует определению оснований для построения модели на основе базового критерия моделирования – критерия феноменологической адекватности в русле диахронической мета-систематизации.

Построение авторских моделей осуществляется на основе анализа письменных памятников, написанных преимущественно на вэньяне. По мнению лингвистов, именно письменные памятники служат основным источником при

изучении отдельных периодов в эволюции языка, поскольку они дают отчётливую картину грамматической системы и лексического состава исследуемого периода [Ильиш, 1968, с. 51; Иванов, 2003, с. 13].

Для китайского языка как языка с идеографическим типом письменности, письменные памятники отражают не только особенности подсистем языка в определённый период, но служат источником информации об эволюции письменности.

Основным источником информации об особенностях фонетического уровня древнекитайского языка является «Книга песен». В ней содержится 305 поэтических произведений различных жанров, созданных в XI в. – VI в. до н. э. В песнях и стихах фразы состоят из четырёх знаков, последние из которых раньше рифмовались. Проиллюстрируем это на примере. В главе «我行其野» «Там, по дикой пустыне» «小雅» «Малых Од», говорится: «我行其野，蔽芾其樛，昏姻之故，言就尔居。尔不我畜，复我邦家» «Там, по дикой пустыне, к вам ехала я, и айланты тенистые были кругом. Я к вам ехала – и в жены вы брали меня; я мечтала – мы с вами теперь заживём. Вы же, муж мой, лелеять не стали меня – я в родную страну возвращаюсь, в мой дом...» [Штуков, 1987, с. 154]. Конечные лексемы 野, 樛, 故, 居, 家 в данной фразе рифмовались. Согласно правилам рифмовки, рифмоваться могли слова, имевшие одинаковые или схожие инициали и вокалические части. Анализ рифм позволяет выделить классы рифм, т.е. классы слов, рифмующихся между собой.

Подавляющее большинство китайских иероглифических знаков составляют знаки фоноидеографической категории, формирование которых относится к периоду начала и середины I – го тысячелетия до н.э. Принцип фоноидеографии состоял в том, что два или более сходно звучащих слова могли иметь схожую графическую оболочку. От немногим более тысячи непроемных знаков было образовано большое количество производных знаков, в составе которых непроемные знаки выполняли функцию фонетиков, указывающих на чтение.

Фонетики вместе с производными от них иероглифами образуют фонетические серии, число которых ограничено.

Главным источником информации о фоноидеограммах выступает словарь Сюй Шэня «Объяснение простых и толкование сложных знаков» (I в. н.э.), где для каждого знака указывается его фонетик [Старостин, 1989, с. 6,7]. Позиция фонетика в производном знаке вариативна. Наиболее стандартной позицией является расположение фонетика в правой части знака. Однако, фонетический компонент может располагаться в левой, верхней, внутренней и внешней позициях знака [Готлиб, 2007, с. 61]. Так, в «Книге песен» знак «予» выступает в качестве фонетика в производных знаках «茅», «序», «豫», «抒», «紓», «野» [黄典诚, 1993, с. 7]. Соответственно, фонетиками, в приведённых выше лексемах, являются «予», «亏», «古», «古», «豕» (豨). Звучание знаков в словаре передавалось при помощи «разрезания», представлявшего собой закрытую систему знаков. Анализ чтения знаков в рифмах и их сопоставление с более поздними чтениями позволяет установить определённые закономерности и реконструировать чтение древнекитайских знаков.

Для выявления особенностей фонетической системы среднекитайского языка используются словари рифм и фонетические таблицы. Первым словарём рифм считается «Цеюнь», составленный в 601 г. Он содержал 193 рифмы, образующие без учёта тональных различий 58 классов. Данный словарь до наших дней не дошёл. В настоящий момент исследователи обращаются к его переработанной и дополненной версии – к словарю «Гуаньюнь», появившемуся в 1008 г. В словаре содержится 206 рифм, образующих 61 класс. Все слоги группируются таким образом, чтобы слоги (слова) каждой группы рифмовались между собой и не рифмовались со слогами других групп. Слоги, имеющие одинаковую собственно финаль, конечный согласный и тон, объединены в отдельные группы или рифмы. Каждая рифма разбивается на группу омонимов или малых рифм, внутри которых наблюдается также совпадение инициали [Кобзев, 2009, с. 499]. В каждой группе омонимов выбирается слог, входящий в состав данной группы и служащий её

представителем. Слог дополняется «разрезанием», позволяющим прочтение данного знака. Так, к рифме «dong», представителем которой является знак «东», относились слоги «董», «送», «屋» [唐作藩, 1979, с. 39]. В фонетических таблицах 206 рифм «Гуаньюня» объединены в 16 сводных рифм. К наиболее ранним фонетическим таблицам относится «韵镜» «Юньцзин» (Зеркало рифм), изданный в 1161 г. В таблицах по горизонтали располагаются инициали, а по вертикали – рифмы. На пересечении строк помещается иероглиф, чтение которого имеет данную инициаль и рифму. В фонетических таблицах приводится детальная классификация элементов слога среднекитайского языка – инициали, медиали, финали и тонов. Анализ словарей рифм и фонетических таблиц дает возможность определить систему фонологических единиц среднекитайского языка и установить их дистрибутивные отношения [Старостин, 1989, с. 5].

Главным средством изучения фонетической системы новокитайского языка служит словарь «Словарь рифм произношения Центральной равнины», написанный в 1324 г. Помимо данного словаря используются рифмы монгольского языка, представленные в «古今韵会举要» «Сборнике рифм современного и древнего языка», в также 八思巴音 звучание знаков квадратного монгольского письма, созданного на основе тибетской письменности просветителем Пагбаламой [黄典诚, 1993, с. 7].

Кроме вышеуказанных источников, при изучении фонетической системы китайского языка в диахронии исследователи пользуются переводами буддийских текстов, Дуньхуанскими рукописями, данными китайских диалектов, заимствованиями из китайского языка в корейский, японский, вьетнамский языки, а также сведениями о заимствованиях из данных языков в китайский язык.

Материалами для анализа грамматической системы и лексического состава древнего периода китайского языка служат иньские гадательные тексты, датируемые XVII в. – XI в. до н.э., надписи на бронзовых ритуальных сосудах, тексты «诗经» «Книги песен», «尚书» «Книги истории», «尔雅» «Эрья», тексты классических произведений философской и исторической литературы «韩非子»

«Хань Фэй-цзы», «左传» «Комментарии Цзо», «墨子» «Мо-цзы», «论语» «Беседы и суждения», «孟子» «Мэн-цзы», «史记» «Исторические записки» и др.

Источниками для анализа среднекитайского языка являются «南齐书» «История династии Ци в эпоху Южных династий», «乐府诗集» сборник лирических поэм юэфу Го Маоцяня «Собрание юэфу», «敦煌变文集» собрание сочинений «Дуньхуанские рукописи (бяньвэни)», «百喻经» свод буддийских сочинений «Сутра ста притч», «祖堂集» сборник буддийских сочинений «Цзутан», «敦煌曲词» «Дуньхуанские строфы», «本寂禅师语录» «Записки наставника Бэнь-цзи», «朱子语类» «Цитаты Чжу Си», «大正大藏经» «Большой Тибетский канон», «三国志» «Записи о Трёх царствах», «六祖坛经» «Сутра помоста шестого патриарха», «世说新语» «Новое изложение рассказов в свете ходящих», стихи Ли Бо, Ду Фу, Люй Яня и др.

Источниками для анализа новокитайского языка служат «水浒传» «Речные заводи» (XIV в.), «西游记» «Путешествие на Запад» (XVI в.), «金瓶梅» «Цветы сливы в золотой вазе» (XVII в.), «红楼梦» «Сон в красном тереме» (XVIII в.), «儿女英雄传» «Сказание о доблестных людях», «儒林外史» «Неофициальная история конфуцианцев» и др.

При описании моделей периодизации истории китайского языка, предложенных учёными, нами используются понятия «уровневости» и «членности», послужившие критериями их систематизации. Под «уровневостью» понимается количество уровней языка, на материале которых исследователи демонстрируют языковую эволюцию. «Членность» предполагает количество периодов, выделенных в процессе эволюции языка [Воронина, 2017, с. 63].

2.3. Одноуровневые модели

К данному типу моделей относятся модели периодизации истории китайского языка, базирующиеся на изменениях в фонетической системе языка.

2.3.1. Модели Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина

Изменения, произошедшие на фонетическом уровне языка, положены в основу периодизаций, выполненных Бернхардом Карлгреном [高本汉, 2003, с. 21], Анри Масперо [马伯乐, 2005, с. 2], Сергеем Анатольевичем Старостиным [Старостин, 1989, с. 432] и китайским лингвистом Хуан Дяньчэном [黄典诚, 1993, с. 7]. В работах первых трёх исследователей периодизация истории китайского языка представлена фрагментарно и отражает тот период эволюции языка, который явился предметом научных интересов лингвистов. В работе Хуан Дяньчэна периодизация истории языка демонстрирует непрерывное развитие фонетической системы приблизительно с XI до н.э. до настоящего момента. В связи с этим модель, представленная Хуан Дяньчэном, является наиболее репрезентативной. Описание особенностей данной модели приводится в следующем параграфе. Представим модели Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина в виде таблицы.

Таблица № 1

Одноуровневые модели

Бернхард Карлгрен	Анри Масперо	С. А. Старостин
протокитайский: нижняя граница не определена - до XI в. до н. э.;	древнекитайский <i>ранний:</i> нижняя граница не определена - до III в. до н.э.	древнекитайский язык (XIV в. до н.э. – V в. н.э.): <i>протокитайский:</i> XIV – XI вв. до н.э.;
архаический: XI в. до н. э. – II в. н.э.;	<i>поздний:</i> III в. до н.э.- III в. н.э.;	<i>раннедревнекитайский:</i> XIV - XI вв. до н.э.;
древнекитайский: III - X вв.;	среднекитайский <i>ранний:</i> III – VII вв.;	<i>доклассический:</i> X – VI вв. до н.э.;
среднекитайский: XI - XIV вв.;	<i>поздний:</i> VII – XII вв.;	<i>ранний классический:</i> V – III вв. до н.э.;
современный: XIV в. – начало XX в.	современный <i>ранний:</i> XII – XIV вв.;	<i>поздний классический:</i> III в. до н.э. – III в.:
	<i>поздний:</i> XIV – XIX вв.	период Западная Хань (конец III в. до н.э. – рубеж н.э.);

		период Восточная Хань (начало н.э. – III в.); <i>постклассический</i> (III – V вв.): ранний постклассический – III в., средний постклассический – IV в., поздний постклассический – V в.; среднекитайский язык (VII – X вв.)
--	--	--

В работах Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина представлены одноуровневые пяти-, шести-, десятичленная модели соответственно.

2.3.2. Модель Хуан Дяньчэна

黄典诚 Хуан Дяньчэн в работе «汉语语音史» «История развития фонетики китайского языка», опубликованной в 1993 г., на основе традиционного деления истории китайского языка на четыре периода, в истории развития фонетического строя, также выделил четыре периода. Отмечая условность данного выделения, автор склонен полагать, что данная периодизация, тем не менее, отражает ключевые моменты в эволюции фонетики китайского языка. Периодизация Хуан Дяньчэна имеет следующий вид:

上古期 **древнекитайский**: до XI до н.э. – VI в. н. э.;

中古期 **среднекитайский**: VII – XII вв.;

近代期 **новокитайский**: XII – XIX вв.;

现代期 **современный**: начало XX в. – по настоящий момент.

Основополагающим фактором в развитии языка, по мнению автора, являются противоречия внутри системы, которые, постепенно накапливаясь, приводят к изменениям и, в конечном счете, к выходу системы на новый уровень развития. Данные противоречия проявлялись в конкуренции инициалей и финалей по признаку напряженности. При повышении степени напряженности инициалей

происходило уменьшение степени напряженности при произнесении финалей и, наоборот [Воронина, 2014, с. 68; Хуан, 1993, с. 24].

Консонантная система древнекитайского языка, по мнению Хуан Дяньчэна, была представлена 19 инициалами. По способу образования согласные подразделялись на 塞音 *смычные/塞擦音* *смычно-фрикативные*, 擦音 *фрикативные*, 鼻音 *носовые* и 边音 *латеральный*. По месту образования на 唇音 *губно-губные*, 齿音 *апикально-зубные*, 舌音 *апикально-десенные*, 牙音 *заднеязычные* и 喉音 *гортанные*. Смычные/смычно-фрикативные противопоставлялись по признаку глухости/звонкости. Глухие смычные, в свою очередь, противопоставлялись по признаку придыхательности. Фрикативные были только глухими. Носовые и латеральные были только звонкими. Система согласных древнекитайского языка подробно представлена в таблице № 2 приложения.

В вокалической системе древнекитайского языка Хуан Дяньчэн выделяет шесть собственно финалей: [a], [ɛ], [o], [ʉ], [i], [u]. Рифмы могли заканчиваться смычными и носовыми согласными. Выделялось две медиали [-i-] и [-u-]. Система вокализма без учета медиалей и тона была представлена следующими 33 классами рифм: 鱼[a], 歌[ai], 毫[au], 铎[ak], 曷[ait], 药[auk], 盍[aur], 阳[aŋ], 寒[ain], 谈[aum], 支[ɛ], 脂[ɛi], 锡[ɛk], 质[ɛit], 青[ɛn], 真[ɛin], 萧[ɛu], 肃[ɛuk], 帖[ɛup], 添[ɛum], 侯[o], 屋[ok], 东[oŋ], 之[ʉ], 职[ʉk], 蒸[ʉŋ], 微[i], 物[it], 文[in], 幽[u], 觉[ɪk], 辑[ɪp], 侵[um] [黄典诚, 1993, с. 9].

Тональная система древнекитайского языка предположительно была представлена тремя тонами: 平声 *ровным*, 上声 *восходящим*, 去声 *падающим*. Слоги с конечными смычными согласными [-p], [-t], [-k] могли произноситься тремя тонами.

Система консонантизма среднекитайского языка была представлена 40 инициалами. Для этого периода было характерно появление 舌上音 *дорсальных согласных* 知[tʰ], 彻[tʰʰ], 澄[d], 舌面音 *дорсально-палатальных* 章[tʂ], 昌[tʂʰ], 禪

[dʒ], 书 [ɕ], 船 [ʒ], 舌叶音 *дорсально-фрикативных* 庄 [ʈʂ], 初 [tʃʰ], 崇 [dʒ], 生 [ʃ] и 半齿音 *среднеязычного носового согласного* 日 [ɲ]. Из группы 双唇音 *губно-губных согласных* постепенно выделяется группа 唇齿音 *губно-зубных*: 非 [f], 敷 [fʰ], 奉 [v], 微 [m]. 擦音 *фрикативные согласные* стали противопоставляться на 清擦音 *глухие* 心 [s] / 晓 [h] и 浊擦音 *звонкие* 邪 [z] / 匣 [ɦ]. Расширился класс 喉音 *гортанных согласных*: появились 浊喉音 *звонкие гортанные* 以 [j] и 云 [ɣ]. Система консонантизма среднекитайского языка подробно представлена в таблице № 3 приложения.

Система вокализма среднекитайского языка была представлена 49 классами рифм, которые, без учёта тонов, были сводимы к 16 撮 *сводным рифмам*, объединяемых конечным элементом слога и сходством слогаобразующих гласных. К сводным рифмам относились: 果, 假, 蟹, 止, 遇, 流, 效, 曾, 梗, 宕, 江, 通, 深, 咸, 山, 臻. В зависимости от положения языка, степени открытости гласных и наличия медиали сводные рифмы делились на четыре дэна (ряда) и четыре выдоха. В зависимости от типа конечного компонента рифмы, последние также произносились долгим открытым тоном или кратким закрытым тоном.

Сводная рифма 果 включала рифмы первого ряда 歌 [ɤ], [ua] и третьего ряда 戈 [ia], [iuɤ]. Рифма 假 также включала рифмы первого и третьего ряда 麻 [ua], [a], [ia]. К сводной рифме 蟹 относились рифмы четырех рядов 灰 [oui], 哈 [əi], 佳 [ai], [uai], 皆 [uei], [vi]; 齐 [ue], [e]; 泰 [ɕui], [vi?]; 夬 [uai?], [ai?]; 废 [iuəi?], [iəi?]; 祭 [iuəi?], [iei?]. К сводной рифме 止 относились рифмы только третьего ряда 支 [ie], [iue]; 脂 [iui], [i]; 之 [iə], 微 [iəi], [iuəi]. Сводная рифма 遇 включала рифмы первого 模 [o] и третьего рядов 鱼 [iʉ], 虎 [iuo]. К рифме 流 также относились рифмы первого 候 [u] и третьего дэнов 尤 [iou], 幽 [iəu]. Рифма 效 включала рифмы первого 豪 [au], второго 肴 [au] и третьего 萧 [ieu] дэнов. К сводной рифме 曾 относились рифмы первого 登 [əŋ], [uəŋ]; 德 [ek], [uək] и третьего 蒸 [iŋ], 职 [ik], [iuk] рядов. Сводная рифма 梗 включала в себя рифмы второго 耕 [eŋ], [ueŋ], 庚 [aŋ],

[uan], 麦[ɤk], [uɤk]; 陌[ak], [uak]; третьего 清[iueŋ], [ieŋ], 庚[iaŋ], [iuan]; 昔[iuek], [iek], 陌[iak], [iuk] и четвертого 青[ueŋ], [eŋ], 锡[uek], [ek] рядов. К сводной рифме 宕 относились рифмы первого 唐[uoŋ], [oŋ]; 铎[uoɤk], [oɤk] и третьего 阳[iuoŋ], [ioŋ]; 药[iuoɤk], [ioɤk] рядов. Сводная рифма 江 включала в себя рифмы только второго ряда 江[ɔŋ] и 觉[ɔk]. К рифме 通 относились рифмы первого 东[oŋ], 冬[uŋ], 屋[ok], 沃[uk] и третьего 东[ioŋ], 钟[iuŋ], 屋[iok], 烛[iuk] дэнов. К сводной рифме 深 относились рифмы третьего ряда 侵[im] и 緝[ip]. Рифмы, относящиеся к сводной рифме 咸, распределялись по первому 覃[əm], 谈[ɔm], 合[əp], 盍[ɤp], второму 咸[ɤm], 衔[am], 洽[ɤp], 狎[ap], третьему 凡[iəm], 严[iam], 盐[iem] и четвертому 添[em], 帖[ep] рядам. Рифмы, относящиеся к сводной рифме 山 также распределялись по четырем дэнам 个[ɔn], 寒(桓)[uoŋ], 曷[ɔt], 末[uɔt], 删[an], [uan]; 山[uəŋ], [ɤŋ]; 辖[at], 黠[uat]; 仙[ien], [iuen]; 元[iuan], [ian]; 薛[iet], [iuet]; 月[iat], 先[en], [uen]; 屑[et], [uet]. К сводной рифме 臻 относились рифмы первого 痕[ən], 魂[uən], 没[uət] второго 臻[ən], 栴[ət] и третьего 殷[iən], 文[iuən], 真[in], [iun]; 运[iət], 物[iuət], 质[it], 术[iut] рядов.

16 сводных рифм делились также на внутренние серии, включавшие в себя сводные рифмы 通, 止, 遇, 果, 宕, 曾, 流, 深, и внешние серии, включавшие рифмы 江, 蟹, 泰, 山, 效, 假, 梗, 咸. К внутренней серии принадлежали рифмы, не относившиеся ко второму ряду. Сводные рифмы второго ряда принадлежали к внешней серии.

В среднекитайском языке было четыре тона: ровный, восходящий, падающий и входящий. Четырьмя данными тонами могли произноситься рифмы, заканчивающиеся носовым согласным. Не имевшие конечного носового согласного, произносились ровным, восходящим и падающим тонами [Там же, с. 13-16].

В новокитайском языке согласные перестали противопоставляться по признаку звонкости / глухости. Ранее звонкие согласные 並[b], 奉[v], 定[d], 从[dz],

邪 [z], 澄 [d], 崇 [dʒ], 禅 [dʒ], 船 [z], 群 [g], 匣 [h]. 以 [j], 云 [ɥ] сначала стали глухими, а потом совсем исчезли. Произошло объединение губно-зубных согласных 非 [f], 敷 [f '], 奉 [v] в одну согласную [f]. Произошли изменения и в группе носовых согласных. Согласный 微 [m] перешел в 微 [v], 日 [ŋ] перешел в [ʒ]. Исчезла согласная 疑 [ŋ]. Согласные 庄 [tʃ] и 章 [tʃ] слились в один согласный 照 [tʃ]. В это же время согласный 知 [tʃ] из взрывного переходит в аффрикату [tʃ]. Позднее, при династии Мин (XIV в. – XVII в.) происходит объединение согласных 照 и 知. Согласные 以 [j], 云 [ɥ] также окончательно перешли в согласный 影 [ɸ]. Система согласных новокитайского языка подробно представлена в таблице № 4 приложения.

Вокалическая система, без учета тонов, сократилась до 45 классов рифм. К рифмам открытого рта относились 支思 [i]/[i], 家麻 [a], 歌戈 [o], 车遮 [e], 齐微 [ei], 皆来 [ai], 萧豪 [au], 尤侯 [ou], 监咸 [am], 侵寻 [əm], 寒山 [an], 桓欢 [ən], 真文 [ən], 江阳 [aŋ], 庚青 [əŋ], 东钟 [oŋ]. К слогам растянутого рта относились 齐微 [i], 家麻 [ia], 歌戈 [io], 车遮 [ie], 皆来 [ai], 萧豪 [iau], 尤侯 [iou], 廉纤 [iɛm], 侵寻 [im], 先天 [iɛn], 真文 [in], 江阳 [iaŋ], 庚青 [iŋ]. К слогам закрытого рта относились 鱼模 [u], 家麻 [ua], 歌戈 [uo], 皆来 [uai], 寒山 [uan], 真文 [uən], 江阳 [uaŋ], 庚青 [uəŋ]. К слогам стянутого рта стали относиться 鱼模 [yu], 车遮 [yue], 先天 [yuɛn], 真文 [yun], 江阳 [yuaŋ], 庚青 [yuəŋ], 东钟 [yoŋ]. Для системы вокализма было характерно выделение из рифмы 支 [i] рифмы 思 [i]. Из рифмы 车 [a] выделилась рифма 遮 [e]. Исчезли слоги с конечными смычными согласными [-p], [-t], [-k]. Слоги без медиалей, т.е. слоги открытого рта в третьем и четвертом дэнах, среднекитайского языка, приобрели медиаль [i] и стали слогами растянутого рта. Слоги закрытого рта, т.е. с медиалью [u] в третьем и четвертом дэнах, стали слогами стянутого рта, т.е. приобрели медиаль [y].

Тональная система новокитайского языка также претерпела изменения. Ровный и восходящий тоны приобрели иные характеристики. Среднекитайский 平

声 *ровный* тон распался на 阴声 *ровный* и 阳声 *восходящий*. Слоги, начинавшиеся с глухих согласных стали произноситься 阴声 *ровным* тоном, а начинавшиеся со звонких согласных стали произноситься 阳声 *восходящим* тоном. Слоги, начинавшиеся со звонких согласных и произносившиеся 上声 *восходящим* тоном, стали произноситься 去声 *падающим*. Исчез 入声 *входящий* тон. Появился нисходяще-восходящий тон. Слоги, произносившиеся в среднекитайском языке входящим тоном, в зависимости от наличия / отсутствия придыхания у начального согласного распределились между восходящим, нисходяще-восходящим и падающим тонами [Там же, с. 19-20].

Для современного этапа китайского языка характерно исчезновение звонкого губно-зубного согласного 微 [v]. Все слог, имевшие в составе звук [v] стали произноситься легким тоном. Согласный 照 [ʃ] из дорсально-фрикативного перешел в апикально-переднетвердонецкий 粗 [tʃʰ]. Подробно консонантная система современного китайского языка представлена в таблице № 5 приложения.

В вокалической системе произошла утрата конечного носового согласного [-m]. Слоги, оканчивающиеся в новокитайском языке на данный носовой, приобрели конечный [-n]. Появилась эризованная финаль [ə].

Система вокализма представлена нижеследующими рифмами. К рифмам открытого рта относятся 支 [i] [i], 麻 [a], 波 [o], 歌 [y], 儿 [ə], 开 [ai], 微 [ei], 豪 [au], 侯 [ou], 寒 [an], 痕 [ən], 唐 [aŋ], 庚 [əŋ]. К слогам растянутого рта относятся 齐 [i], 麻 [ia], 皆 [iɛ], 豪 [iau], 侯 [iou], 寒 [ian], 痕 [in], 唐 [iaŋ], 庚 [iŋ]. К слогам закрытого рта относятся 模 [u], 麻 [ua], 波 [uo], 开 [uai], 微 [uei], 寒 [uan], 痕 [uən], 唐 [uaŋ], 东 [uŋ]. К слогам стянутого рта стали относиться 鱼 [y], 皆 [yɛ], 寒 [yan], 痕 [yn], 东 [yuŋ].

К изменениям в тональной системе относится появление легкого тона.

Модель периодизации, представленная Хуан Дяньчэном, является одноуровневой четырехчленной.

Анализ показал, что из двенадцати моделей периодизации китайского языка четыре модели являются одноуровневыми. Данный тип модели отражает особенности эволюции только одной из подсистем китайского языка - фонетической подсистемы. Для китайского языка, как языка изолирующего типа со скрытой грамматикой, при создании периодизации истории языка фонетический критерий не может выступать в качестве ведущего показателя эволюционных изменений, произошедших в языке. Данный тип модели не отвечает критериям уровневости, точности, функциональности и аналоговости. Модель не соответствует базовому критерию феноменологической адекватности, поскольку не учитывает фактор письменности.

Одноуровневая модель, тем не менее, дает возможность получения информации о системных, динамических процессах, происходящих в фонетической подсистеме китайского языка и узловых моментах в ее эволюции.

2.4. Двухуровневые модели

К данному типу моделей относятся модели периодизации истории китайского языка, базирующиеся на изменениях в морфологической и синтаксической системах языка.

2.4.1. Модели М.В. Крюкова и Хуан Шуин, Люй Шусяня

Изменения, произошедшие на грамматическом уровне китайского языка, положены в основу периодизаций, выполненных Михаилом Васильевичем Крюковым и Хуан Шуин [Крюков, 1978а, с. 6-7], Люй Шусянем [吕叔湘, 1985, с. 1] и Пань Юньчжунем [潘允中, 1982, с. 18]. Периодизация истории китайского языка, выполненная М. В. Крюковым и Хуан Шуин, включает три больших периода. Однако работа посвящена описанию особенностей эволюции языка только первого периода – древнекитайского языка. В работе Люй Шусяня в качестве критерия для построения периодизации истории языка приняты изменения системы личных

местоимений. В работе Пань Юньчжуна периодизация истории китайского языка демонстрирует непрерывное развитие грамматической системы приблизительно с XVII в. до н. э. до начала XX в. В связи с этим модель периодизации истории китайского языка, представленная Пань Юньчжуном, является наиболее репрезентативной. Представим модели М. В. Крюкова и Хуан Шуин, Люй Шусяна в виде таблицы.

Таблица № 6

Двухуровневые модели

М. В. Крюков и Хуан Шуин	Люй Шусян
<p>древнекитайский язык: <i>архаический</i> – XIV – XI вв. до н.э., <i>ранний доклассический</i> – X – VIII вв. до н.э., <i>поздний доклассический</i> – VII – VI вв. до н.э., <i>ранний классический</i> – V – III вв. до н.э., <i>поздний классический</i> - II в. до н.э. – II в. н.э., <i>постклассический</i> – III – V вв.; среднекитайский язык: V – XV вв.; современный китайский язык: XV – XVI вв. – настоящий момент</p>	<p>древнекитайский: II в. до н.э. - начало X в. н.э.; <i>переходный период:</i> 907-960 гг.; новокитайский: середина X в. – по настоящее время</p>

В периодизации М. В. Крюкова и Хуан Шуин представлена двухуровневая восьмичленная модель истории языка, модель Люй Шусяна - двухуровневая трёхчленная.

2.4.2. Модель Пань Юньчжуна

潘允中 *Пань Юньчжун* – китайский лингвист XX в., занимавшийся вопросами грамматики и лексикологии китайского языка. Точка зрения автора на вопрос о периодизации истории китайского языка представлена в работе «汉语语法史概要» «*Основы истории развития грамматики китайского языка*», которая

была опубликована в 1982 г. Периодизация выполнена на материале изменений грамматической системы китайского языка.

В работе автора представлена двухуровневая семичленная модель:

1. 上古时期 **древнекитайский** (XVII в. до н. э. – I в. н.э.):
 - 1.1. 上古前期 *ранний период* – XVII– IX вв. до н. э.;
 - 1.2. 上古中期 *средний период* – V – II вв. до н. э.;
 - 1.3. 上古后期 *поздний период* – III в. до н. э. – I в. н.э.;
2. 过渡时期 **переходный период**: I – III вв.;
3. 中古时期 **среднекитайский**: III – X вв.;
4. 近代时期 **новокитайский**: XI в. – 1840-1860 гг.;
5. 现代时期 **современный**: 1919 г. – настоящий момент.

История грамматического строя китайского языка рассматривается учёным через призму изменений лексико-грамматических классов. Развитие каждого класса в вышеизложенные периоды прослеживается автономно. История синтаксической системы представлена как история развития порядка слов в предложении, типов предложений и синтаксических конструкций.

Описание особенностей лексико-грамматических классов Пань Юньчжун начинает с имени существительного. Для раннего периода древнекитайского языка было характерно наличие конкретных существительных, называющих предметы (天 *небо*, 地 *земля*, 山 *гора* и др.), называющих стороны света (东 *восток*, 南 *юг*, 中 *центр* и др.), обозначающих родственные связи (祖 *мужской предок*, 妣 *женский предок*, 父 *отец* и др.).

В качестве морфологических показателей имён существительных использовались служебные слова 有 и 维, употреблявшиеся в препозиции к существительному. 投畀有北, 有北不受, 投畀有昊. *Отправим негодяя на север, если там не примут, отправим в царство У. 维鹄有巢, 维鸠居之. Сорока построила гнездо, а горлица его заняла* [潘允中, 1982, с. 30, 31]. При династии Хань начинают появляться префиксы 阿 и 老, получившие широкое распространение в

среднекитайский период. Первое употреблялось преимущественно перед существительными, обозначающими родственников – 阿母 *мать*, 阿女 *дочь*, 阿妹 *младшая сестра* и др. 老 *почтенный*, первоначально использовавшееся в качестве вежливой формы обращения, постепенно грамматикализовалось. В качестве примеров, где слово 老 выполняет служебную функцию, Пань Юньчжун приводит слова 老鼠 *мышь* и 老鳖 *черепаха*. Грамматикализация слова 头 *голова* начинается в эпоху Восточная Хань, а завершается в конце эпохи Шести династий. Примерами являются слова 锄头 *мотыга*, 刀头 *нож*, 桥头 *мост*. При династии Сун суффикс 头 используется в составе абстрактных существительных, например, в слове 念头 *мысль, идея*. Процесс грамматикализации слова 子 *сын* начинается в эпоху Хань и завершается в период новокитайского языка. Широкое распространение получают двусложные слова, такие как 石子 *галька*, 艇子 *лодка*, 鸽子 *голубь* и др. Слово 儿 *ребенок, дитя* начинает утрачивать лексическое значение в период Шести династий, к эпохе Сун этот процесс полностью завершается. Типичными словами с суффиксом 儿 в этот период были 鲤鱼儿 *карп*, 黄莺儿 *иволга*, 外头儿 *окраина* и др. [Там же, с. 34-37]. Суффиксы 家, 者, 手 также являются результатом грамматикализации существительных, которая началась при династии Хань.

Помимо развития морфологических показателей частеречной принадлежности существительных в среднекитайском языке существовал также фонетический способ частеречной дифференциации, заключающийся в изменении тона слова с одинаковой графикой. Слово 妻, будучи произнесённым ровным тоном (qī), относилось к классу существительных и имело значение *жена*. 吾妻之美我者, 私我也. *Моя жена считает, что я красив, поэтому благоволит мне*. Если слово 妻 произносилось четвёртым тоном (qì), то оно относилось к классу глаголов и имело значение *выдать замуж*. 以其子妻之. *Выдать собственную дочь замуж за него*.

Начиная с периода древнекитайского языка, существительные в предложениях выступают в двух функциях – подлежащего и дополнения, которые могли принимать прилагательное в качестве определения.

Наиболее частотными глаголами древнекитайского языка были односложные глаголы, такие как 伐 *нападать*, 射 *стрелять*, 去 *идти* и др. Однако уже в «Книге песен» присутствуют двусложные глаголы 登假 *почить*, 出征 *выходить* (в поход), 毀坏 *разрушить*, 犹豫 *медлить*.

По мере развития иероглифов фонетической категории одним из способов дифференциации существительных и глаголов стало использование ключей или смысловых детерминативов, которые располагались чаще всего в левой части знака. В качестве примера Пань Юньчжун приводит знаки 鱼 *рыба* и 渔 *рыбачить*, 禽 *дичь* и 擒 *схватить*. В глаголе 渔 *рыбачить* ключом является знак 氵 *вода*, а в глаголе 擒 *схватить* ключ – 扌 *рука* [Там же, с. 29].

В древнекитайском языке глаголам могли предшествовать знаки 言, 于, 曰, 爰, 薄, 聿, которые выступали в качестве глагольных маркеров. 翹翹错薪, 言刈其楚. *Я вязанку высокую дров нарубил и добавил терновника к ней.* 曰归曰归, 岁亦莫止. *Возвращаемся домой, год пролетел как один миг.* 聿修厥德. *Совершенствовать добродетель свою* [潘允中, 1982, с. 42, 44-45].

В результате грамматикализации глаголов 完了 *закончить* и 了结 *завершить*, которая началась в эпоху Западная Хань и завершилась в эпоху Сун, появляется видовременной суффикс 了. 夫人闻了, 又自悲伤. *Жена, услышав о супруге, снова впала в печаль.* Суффикс 著, указывающий на продолженный характер действия или состояния, также появился в результате утраты глагола 附着 *прикреплять, присоединять* лексического значения. В период среднекитайского языка глагол употребляется и в знаменательном, и в служебных значениях. После династии Тан суффикс начинает записываться знаком 着. 今日踏青归较晚, 传声留着望春门. *Сегодня Цинтань вернулся довольно поздно и сообщил, что останется в Ванчуньмэне.* Уже в древнекитайский период, по мнению Пань Юньчжуна, отмечается редупликация глагола для выражения кратковременности, непринужденности действия. В «Книге песен» говорится: 于时处处, 于时庐旅, 于时言言, 于时语语. *Там он поставил хижину, пожил и с местными о жизни*

поговорил. В новокитайском языке удвоение глагола стало приобретает постоянный характер.

В древнекитайском языке существовали не только показатели существительных и глаголов, но и прилагательных. К ним относились знаки 其 и 丕, которые также употреблялись в препозиции к прилагательному. 北风其凉, 雨雪其雱. *Ветер на севере холоден, снега обильны*. 丕显文武. *Лучезарный Вэнь-у*.

Древнекитайские прилагательные по грамматическим характеристикам сближались с наречиями. Прилагательные и наречия имели одинаковые способы редупликации, могли принимать суффиксы 然, 如, 若, 尔, 而, 焉, 乎, однако имели разные синтаксические функции: прилагательное выступало в роли предиката и определения, наречие – в роли обстоятельства. 驱马悠悠, 言至于漕. *Он долго-долго гнал лошадь и добрался до царства Цао*. 潇潇马鸣, 悠悠旆旌. *Лошади ржали, бесчисленные флаги и знамёна развевались на ветру*. В первом предложении 悠悠 является наречием со значением *долго-долго* и выступает в качестве обстоятельства к сказуемому 至 *добираться*. Во втором предложении 悠悠 – прилагательное *бесчисленный*, которое является определением к существительным 旆旌 *флаги и знамёна* [Там же, с. 55].

В качестве показателей прилагательного и наречия также использовались знаки 之 и 者. При династиях Тан, Сун маркером прилагательного становятся знаки 地 и 底, а показателем наречия 地. При династии Юань показатель прилагательного стал записываться знаком 的.

Особенностью древнекитайского языка была достаточно развитая система личных местоимений. К местоимениям первого лица относились 吾 (鱼), 我, 卬, 余, 予, 台, 朕. По мнению учёного, такое количество местоимений, во-первых, объясняется их принадлежностью к двум группам знаков, имеющих одинаковую инициаль. Местоимения 吾 (鱼), 我, 卬 имели начальный согласный [ŋ], в то время как начальным согласным местоимений 余, 予, 台, 朕 был согласный [d]. Во-вторых, данные местоимения составляли местоименную систему разных диалектов.

Различие данных местоимений проявлялось также в выполняемых ими синтаксических функциях. Местоимение 吾 (鱼) употреблялось преимущественно в качестве подлежащего, 我 могло выступать в функции подлежащего, дополнения и определения, 余 могло выполнять функцию только подлежащего, местоимение 朕 могло использоваться в предложении в качестве подлежащего и определения [Там же, с. 71]. Функции местоимений 印, 予, 台 Люй Шусян не уточняет. Местоимениями второго лица были 女(汝), 尔, 若, 乃, 而, 戎. Местоимения 女(汝), 尔, 若, 而, 戎 могли выступать в функции подлежащего, определения, дополнения. 乃 чаще выступало в роли определения и крайне редко в роли дополнения. В доциньскую эпоху (до III в. до н.э.) местоимений третьего лица не было. Функцию местоимения третьего лица выполнял повтор существительного, употреблённого ранее. 阳货欲见孔子, 孔子不见. 归孔子豚. Янхо пожелал, чтобы Конфуций нанёс ему визит, но Конфуций не хотел его видеть. Чтобы расположить Конфуция к себе, Янхо в качестве подарка преподнёс Конфуцию поросёнка [Там же, с. 82]. В данном предложении имя собственное «Конфуций» повторяется трижды. Функцию местоимений третьего лица иногда выполняли указательные местоимения 彼/夫 тот, другой, 其 этот, тот, сей и 之 этот, такой. 彼 и 夫, выступали в функции подлежащего или дополнения. Местоимения 其 и 之, использовались преимущественно в функции определения. Начиная с эпохи Шести династий, отмечается употребление данных местоимений в качестве подлежащего. Пань Юньчжун отмечает, что местоимение третьего лица 他 он встречается уже в иньских надписях. В «Книге истории», «Книге песен» знак 他 функционирует в значении другой. Как местоимение третьего лица он знак 他 начинает употребляться в период Шести династий [Там же, с. 85].

Показателей множественного числа личные местоимения в ранний период древнекитайского языка не имели. В Циньскую эпоху с личными местоимениями стали употребляться слова 侪 сверстники, коллеги, 辈 поколение, 等 ранг, степень и др. Однако данные слова имели лексическое значение и не являлись служебными

словами. Например, 吾辈 означало *мы*, т.е. *представители данного поколения*, 公等 имело значение *вы, господа одного ранга*. При династии Сун появляются суффиксы 蒞, 蒞, 们, 们 и 每. К эпохе Мин наиболее частотным становится суффикс 们 [潘允中, 1982, с. 88].

Как и в современном языке, притяжательные местоимения древнекитайского языка противопоставлялись по линии «ближний – дальний». Местоимениями, указывающими на близлежащий объект, были 此, 斯, 是, 寔, 时, 之. Местоимениями, указывающими на объект, находящийся на расстоянии от говорящего, являлись 彼, 夫, 匪, 其, 若, 尔. В большинстве случаев местоимения употреблялись в качестве подлежащего и определения. При династии Тан местоимение 之 стало записываться знаками 者 и 这. В эпоху Сун записывалось знаком 遮. Местоимение современного китайского языка 那 *тот*, по мнению учёного, развилось из указательных местоимений 若, 尔, а также местоимения второго лица 乃, и при династии Тан полностью их вытеснило. Однако появление самого знака 那 Пань Юньчжун относит к Циньской эпохе, который вплоть до периода Шести династий использовался в качестве вопросительного местоимения [Там же, с. 98].

Вопросительные местоимения в древнекитайском языке делились на три вида: вопрошающие о лицах 谁, 孰 и нелицах 何, 曷, 胡, 奚, а также вопрошающие о месте 恶 (烏), 安, 焉. В период среднекитайского языка в письменной речи использовалось большинство вышеуказанных вопросительных местоимений, в разговорной же речи употреблялись только 谁, 何. В эпоху Тан в разговорном языке появляется местоимение 什么 *что?, какой?*, вопрошающее о лицах, нелицах, месте. Данное местоимение нередко записывалось знаками 甚么 и 甚没. Местоимение 怎 *как? каким образом? почему?* в древнекитайский период передавалось знаками 曾 и 訾, при династии Тан знаком 争. В эпоху Сун данное местоимение стали записывать знаком 怎.

Числительные в китайском языке появились очень рано. При династиях Инь и Чжоу их было достаточно много, а к началу нашей эры система числительных была полностью сформирована. Разряды числительных, такие как 十 *десятки*, 百 *сотни*, 千 *тысячи* и 万 *десять тысяч* уже используются в иньских надписях. Разряд 亿 *сто миллионов* впервые отмечается в «Книге песен».

В ранний период древнекитайского языка также практически полностью сложилась система классификаторов. Первые классификаторы отражали род деятельности древних китайцев. К данным классификаторам относились 隻 *штука*, 匹 *голова* и др., употреблявшиеся с существительными, обозначающими домашний скот. В период Шан-Инь числительное со счётным словом употреблялось после существительного. 马五十匹 *пятьдесят лошадей*. Однако уже в период Воюющих царств этот порядок начинает меняться, и числительное с классификатором занимают позицию перед существительным. Отличительной особенностью этого периода было также употребление слова 之 между классификатором и существительным. 百亩之田 *участок в сто му* [Там же, с. 118]. Употребление числительного с классификатором в препозиции к существительному отмечается в эпоху Суй. Глагольные счётные слова появляются в эпоху Хань. До этого периода кратность действия передавалась путём употребления числительного в препозиции к глаголу. 七战皆获. *Семь раз воевал и всегда одерживал победу*. Система глагольных классификаторов начинает активно развиваться в период Шести династий. В это время появляются классификаторы 遍, 下, 顿, 通, 回.

Наиболее частотными предлогами в эпоху Шан-Инь 于 (於), 乎, 在, 之, 以, 为, 与, 同, 和. Первым и наиболее часто встречающимся предлогом в иньских надписях был предлог 于 *в, на, к*. Предлог употреблялся в трёх основных функциях. Мог оформлять существительные, обозначающие место, время и имена собственные. 驱马悠悠, 言至于漕. *Он долго-долго гнал лошадь и добрался до царства Цао*. В данном случае предлог 于 мог заменяться на 於 и на 乎. Предлог 于 мог также употребляться в предложениях сравнения. 曾子曰: “胁肩谄笑, 病于夏

畦”. Цзэн-цзы сказал: «Угодливо смеяться и смотреть заискивающим взглядом сложнее, чем трудиться в поле в знойный день». Кроме того, предлог 于 мог вводить субъект действия в пассивных предложениях. 忧心悄悄，愠于群小. Она была ненавистна толпе мелких созданий и пребывала в глубокой печали [Там же, с. 125, 127, 129]. В последующие периоды языковой эволюции предлог 于 в первой функции был заменён предлогом 在, во второй функции – предлогом 比. Предлог 之 мог употребляться между определением и определяемым, оформляя атрибутивное словосочетание. 齐侯之子，卫侯之妻，东宫之妹，邢侯之姨，谭公维私. Циского князя ты дочь, вэйскому князю теперь ты жена. Брат твой отныне в покоях восточных дворца, победителю Сину ты в супруги была отдана. Таньский правитель теперь родственник твой. Предлог 之 мог использоваться между подлежащим и сказуемым подчинённого предложения, указывая, тем самым, на его несамостоятельность. 人之无良，我以为兄. Я почитал его как брата своего, а оказалось, что в народе он слы́вет человеком крайне бессердечным. В первой и второй функциях предлог 之 употреблялся вплоть до эпохи Юань, затем был заменен знаком 的. Предлог 以 появился в результате грамматикализации глагола 用 использовать. Данный предлог использовался в качестве показателя орудийного дополнения. 以戈击王. Он с клевецом напал на князя. Предлог 以 мог вводить в предложение обстоятельство причины. 君子不以言举人，不以人废言. Благородный муж не возносит человека только за его слова; но не отказывается верить в истину, только потому что её произнёс неугодный. В период среднекитайского языка предлог 以 употребляется в составе конструкции 以...故 по причине (чего-либо). 乃欲以一笑之故杀吾美人，不亦慎乎? Не будет ли крайностью из-за одной усмешки убить мою наложницу [Там же, с. 133]. Предлог 为 также появился в результате утраты глаголом 为 действовать, поступать лексического значения. В качестве предлога 为 употреблялся в значении предлога 替 вместо, от лица, за. 为天下兴利除害. За всех жителей Поднебесной насаждать полезное и искоренять

вредное. Начиная с эпохи Шести династий, предлог 为 употребляется в препозиции к обстоятельству причины и цели. 天下熙熙, 皆为利来, 天下攘攘, 皆为利往. *Ради выгоды люди объединяются, и именно из-за выгоды пути людей расходятся.* Предлог 为 мог употребляться в предложениях пассивного строя, вводя субъекта действия. Например, 为戮 *быть казнённым* (кем-то), 为辱 *быть униженным* (кем-то).

Предшественником предлогов современного языка 和, 跟, 同 *с, вместе с* был предлог 与, который явился результатом грамматикализации глагола 与 *следовать за, присоединяться*. Особенностью употребления данного предлога в древнекитайском языке было отсутствие после предлога дополнения. 子曰: “可与共学, 未可与适道; 可与适道, 未可与立; 可与立, 未可与权”. *Конфуций сказал: «С людьми можно вместе учиться, но вряд ли со всеми можно достичь дао; с теми, кто может достичь дао, не всегда удастся соблюдать этикет; с кем удастся соблюсти этикет, нельзя проявлять гибкость»* [Там же, с. 137]. Вплоть до династии Тан параллельно с предлогом 与 использовался предлог 同 с таким же значением. В период новокитайского языка предлог 与 был вытеснен предлогом 同. В период среднекитайского языка грамматикализовался глагол 和 *мирить, примирять* и перешёл в класс предлогов, приобретя значение *с, со*. 小夫人道: “和你同去问婆婆”. *Наложница сказала: «Пойду с тобой спрошу у матушки».*

В ранний период древнекитайского языка количество союзов было незначительным. В текстах эпохи Чжоу встречаются сочинительные союзы: 及 *и также, и*; 又 *да ещё, притом, к тому же*; 且 *к тому же*, а также противительные союзы: 乍 *то вдруг..., то вдруг...;* 则 *то, тогда, в таком случае;* 乃 *то, поэтому;* однако, 然而 *всё же;* 顾 *напротив, наоборот;* 但 (但是) *но, однако*. Однако в зависимости от контекста союзы могли приобретать различные значения. В период Воюющих царств количество союзов значительно увеличилось. Союзы могли соединять существительные, глаголы, прилагательные и наречия, а также части предложений [潘允中, 1982, с. 145].

Пань Юньчжун указывает, что система союзов в среднекитайский и новокитайский периоды эволюции китайского языка значительных изменений не претерпела. Большинство союзов древнекитайского языка продолжали употребляться и в последующие периоды.

Для раннего периода древнекитайского языка было характерно явление транспозиции - определить частеречную принадлежность слова можно было только исходя из его синтаксических функций. Так, в предложении слово 樹 *дерево* могло быть отнесено к категории существительного, глагола и прилагательного. 季氏有嘉樹焉. *В саду рода Ци были лучшие деревья.* В данном предложении 樹 - существительное. 五亩之宅, 樹之以桑. *Участок в пять му был засажен тутовыми деревьями.* В данном же предложении 樹 является глаголом со значением *сажать*. В предложении 毋易樹子 *Нельзя менять уже выбранного наследника престола* слово 樹 *утверждённый (сын Неба)* выступает в роли прилагательного.

На протяжении всей истории развития для китайского языка характерен фиксированный порядок слов. Китайский язык принадлежит к типу SVO, поскольку это наиболее частотный порядок слов. Пань Юньчжун отмечает, что в древнекитайском языке инверсия сказуемого в препозицию к подлежащему была возможна в восклицательных и вопросительных предложениях. 死矣, 盆成括! *Умрет! Вот-вот умрет Пэньчэнко!* Если дополнение было выражено местоимением, оно также употреблялось в препозиции к сказуемому. 赫赫师尹, 民具尔瞻. *Доблестные воины, народ взирает на вас.* Местоимение 尔 *вы, вас* употреблено в препозиции к глаголу 瞻 *смотреть, взирать*. Если в предложении использовалась отрицательная форма глагола, то дополнение тоже употреблялось перед сказуемым. 之子归, 不我与. *Невеста едет в свой новый дом, но нас с собою не берет.* В ранний период среднекитайского языка инверсия дополнения становится менее частотной [Там же, с. 156].

В период Шести династий начинают оформляться грамматические средства инверсии прямого дополнения в препозицию к сказуемому. Данными средствами

инверсии стали слова *将* и *把*, утратившие глагольное значение и перешедшие в класс предлогов. *把粟与鸡呼朱朱. Он подзывал куриц, разбрасывая просо. 将竹插于腰下. Он заткнул за пояс ветви бамбука* [Там же, с. 262]. Вплоть до эпохи Юань частотность употребления данных предлогов была одинаковой, однако постепенно в разговорной речи начинает превалировать предлог *把*.

Первоначально в качестве инвертируемого дополнения могло выступать только односложное существительное. Пань Юньчжун отмечает, что в произведениях династии Юань уже встречаются дополнения, выраженные целыми словосочетаниями. *杨志把那卖刀杀人的事, 一一说与孙立. Об убийстве торговца мечами Ян Чжи подробно рассказал Сунь Ли.* Одним из показателей развития структуры предложения с инвертируемым дополнением было также наличие компонента после сказуемого. *把这鸳鸯儿拆散了. Этих уток-мандаринок разлучили (дословно: разбить, разделить).* Кроме того, наметилась тенденция употребления в предложении двух дополнений: одного – в препозиции к сказуемому, второго – в постпозиции. *把这情由细细写了个禀帖. Вся суть дела он подробно изложил в заявлении* [Там же, с. 266].

В древнекитайском языке в зависимости от типа предложения выделялось три класса служебных частиц: *陈述句语气词 частицы, употребляющиеся в повествовательных предложениях, 疑问句语气词 частицы, употребляющиеся в вопросительных предложениях, 感叹句语气词 частицы, употребляющиеся в восклицательных предложениях.* К первому классу относились частицы *也(歟), 矣, 焉, 耳.* Однако некоторые из них, например, *矣, 焉,* могли употребляться и в вопросительных предложениях. К собственно вопросительным частицам автор относит *乎.* В восклицательных предложениях преимущественно использовалась частица *哉.* В побудительных предложениях часто использовалась частица *夫.* Все частицы употреблялись в конце предложения. Большинство частиц повествовательных предложений в среднекитайском и новокитайском языке функционирует также, как и в древнекитайском языке. Изменения коснулись

частицы 矣, которая была вытеснена фразовой частицей 了 [Там же, с.177]. В эпоху Тан вопросительными частицами становятся 无 и 么. Первая частица достаточно быстро была вытеснена частицей 么. При династии Цин частицей 么 стала записываться знаком 吗. При династии Юань побудительная частица 夫 стала записываться знаком 罢. В древнекитайском языке конечная частица 也 могла служить показателем не только вида предложения по цели высказывания, но и указывать на тип сказуемого. Данная частица могла употребляться в конце предложения с именным сказуемым в составе конструкции «者... 也» и выступала в роли связки. 南冥者, 天池也. Южное море – это водоём, созданный природой. Для подчеркивания и дублирования подлежащего после подлежащего могло употребляться указательное местоимение 是. 故美之者, 是美天下之本也; 安之者, 是安天下之本也; 贵之者, 是贵天下之本也. Красота – это в сущности основа красоты мира; спокойствие – это спокойствие в мире; ценность – это первооснова ценности данного мира. К эпохе Воюющих царств происходит трансформация 是 из указательного местоимения в связку. Употребление слова 者 после подлежащего и связки 也 в конце предложения при этом становится необязательным. 本是朔方土, 今为吴越民. Вначале это были северные земли, теперь здесь проживает народ У Юэ.

Описывая типы предложений древнекитайского языка, Пань Юньчжун отмечает наличие 描写句 предложений, которые тем или иным образом характеризуют подлежащее. К данному типу предложений автор относит:

1. Предложения, в которых сказуемое выражено прилагательным или словосочетанием, содержащим прилагательное. 岳曰: “瞽子父顽, 母嚚, 象傲”. Юэ сказал: «Сын Шуня слеп, родители глупы, а брат высокомерен»;
2. Предложения, в которых сказуемое выражено числительно-предметным комплексом. 邹忌修八尺有余. Цзоу Цзи был ростом более 8 чи;
3. Предложения, в которых сказуемое содержало грамматический маркер уподобления 若 быть похожим и 如 уподобляться (кому-л., чему-л.). 着火

之燎于原，不可向迩，其犹可扑灭？(Сплетни) распространились подобно огню в степи. Он пылает так сильно, как же к нему подойти, чтобы потушить?

4. Предложения, в которых сказуемое выражено не динамическими глаголами. 甲子昧爽, 受(纣)率其旅荝林, 会于牧野. 网有敌于我师, 前徒倒戈, 攻于后以北, 血流漂杵. В первый день шестидесятилетнего цикла на рассвете Шан Чжоу-ван, возглавляя свою многочисленную армию, которая была подобна густому лесу, подошёл к городу Муе. Однако не смог отразить атаку армии царства Чжоу, часть армии перешла на сторону противника, а оставшаяся часть обратилась в бегство. Кровь поражённых залила все вокруг, палицы плавали в льющейся крови. 维南有箕, 不可以簸扬; 维北有斗, 不可以挹酒浆. На Юге виден Сеяльный Сок (созвездие Цзи), но им не просеять зерно; на Севере виден Ковш (созвездие Доу), но им не зачерпнуть вина [Там же, с. 210].

В дальнейшем развитие получают преимущественно третий и четвёртый типы предложений. В период Весны и Осени (VIII в. – V в. до н.э.) помимо маркеров 若 и 如 стали употребляться 似 и 犹, также имеющие значение *походить, быть похожим, словно*. Постепенно после глагола стало употребляться указательное местоимение 然 *так, такой*, образуя конструкции «若...然», «如...然». 善养生者若牧羊然, 视其后者而鞭之. Хороший учитель следит за своими учениками, как пастух за стадом. Увидев, что одна овца отбилась от стада, тут же ее подхлестнёт кнутом, чтобы она вновь примкнула к стаду. Глаголы 似, 犹 употреблялись вне конструкций. 吾惊怖其言, 犹河汉而无极也. Я поразился и испугался его хвастливых речей, которые в своем тщеславии, подобно Млечному пути, не знали границ. В период среднекитайского языка вместо 然 стало употребляться 一般. При династиях Мин и Цин вместо 若 и 如 стали использовать 象, 和, 合.

Развитие предложений четвёртого типа проявилось в усложнении структуры предложения, появлении однородных членов предложения. 高祖为人, 隆准而龙颜, 美须髯, 左股有七十二黑子, 宽仁爱人, 意豁如也. У Гао-цзу был крупный нос и величественный лик; борода и усы были красивы; на левом бедре было 72 родимых пятна; он был широк душой и милосерден к людям [Там же, с. 215]. В период новокитайского языка развёрнутое описание подлежащего предварялось словами 只见 и 但见, которые были лишь маркерами и не несли смысловой нагрузки. Если в роли подлежащего выступало одушевлённое существительное, то перед сказуемым употреблялось 生得.

Уже в древнекитайском языке глаголы делились на переходные и непереходные. Переходные глаголы могли управлять дополнениями, выраженными существительными, прилагательными и глаголами. Употребление прилагательного и глагола в качестве дополнения, характеризующего действие, приводящего к определённому результату, способствует формированию 结果补语 компонента результата. Первоначально для этой цели использовалось слово 而, которое занимало позицию между глаголом и последующими существительным, прилагательным или глаголом. 射而中之. Выстрелить и попасть в цель. В эпоху Западная Хань 而 перестаёт употребляться. 田先生坐定, 左右无人...Господин Тянь сел, вокруг не было ни души...Дополнение, выраженное прилагательным 定 прочный, твёрдый указывает на характер действия, т.е. сел и стал недвижимым. В предложении 若火之燎于原, 不可向迒, 其犹可扑灭. 若火之燎于原, 不可向迒, 其犹可扑灭? (Сплетни) распространились подобно огню в степи. Он пылает так сильно, как же к нему подойти, чтобы потушить? Глагол 扑灭 погасить, потушить имеет значение 扑之使灭 хлопать по чему-то, чтобы потушить. Стремительное развитие компонент результата получает в период с эпохи Шести династий до эпохи Тан. Глагол, оформленный компонентом результата, начинает управлять прямым дополнением. 羊踏破菜园. Козы вытоптали весь огород [Там же, с. 232]. В данном предложении сказуемое выражено глаголом 踏 топтать с

комплементом результата 破 *разрушать, портить*. После сказуемого употреблено дополнение, выраженное существительным 菜园 *огород*. При династии Сун между сказуемым и комплементом результата начинают употреблять служебное слово 得, которое появилось в результате грамматикализации глаголов 获得, 得到 *получить, приобрести, добиться*. 我两个起得早了, 好生困倦. *Мы встали рано, поэтому уже изрядно утомились*. В данный период происходит дальнейшее развитие комплемента результата. Теперь он передается существительными и именными словосочетаниями; глаголами и глагольными словосочетаниями; числительно-предметными комплексами; прилагательными; непереходными глаголами, а также целыми предложениями [潘允中, 1982, с. 235].

В эпоху Цинь в языке начинает развиваться комплемент направления. Комплемент направления представляет собой сочетание глаголов перемещения в пространстве, таких как 上 *подниматься*, 下 *опускаться*, 起 *подниматься*, 出 *выходить*, 进 *входить*, 过 *проходить* с модификаторами движения 来 *прийти* (движение к говорящему) и 去 *идти, уйти* (движение от говорящего). В китайском языке выделяется пять моделей сказуемого, содержащих комплемент направления:

- 1) глагол + простой комплемент направления (глагол перемещения в пространстве или модификатор): 走去 *уйти*, 走来, 上去 *подняться наверх* (туда), 下来 *спуститься вниз* (сюда);
- 2) глагол + сложный комплемент направления (глагол перемещения в пространстве и модификатор): 走上去 *подняться наверх*, 走下来 *спуститься вниз*;
- 3) глагол + простой комплемент направления + дополнение: 走上台 *подняться на трибуну* (туда), 走下台 *спуститься с трибуны* (сюда);
- 4) глагол + дополнение + простой комплемент направления: 看戏去 *пойти смотреть пьесу*, 看戏来 *прийти смотреть пьесу*;
- 5) глагол + сложный комплемент направления + дополнение + модификатор: 走上台去, 走上台来.

В эпоху Цинь появляется первая модель. 还入于郑. Он повернул обратно и вошел в царство Чжэн. Глагол 入 *входить* является глаголом перемещения в пространстве и указывающим на движение вовнутрь. 楼缓闻之, 逃去. Лоу Хуань услышал о его приближении и сбежал. 去 является модификатором, указывающим на движение от говорящего.

При династии Восточная Хань появляются 出, 下, 来 и др., постепенно формируя модель второго и третьего типов. 黛玉知道烫了, 便亲自赶过来. Узнав, что Баоюю обожгли лицо, Дайюй сама прибежала посмотреть. 舜子走入宅门, 跪拜阿娘四拜. Сын Шуня вошёл в дом хозяина и четыре раза поклонился его матери. Модель четвёртого типа получает широкое распространение после эпохи Шести династий. 蛮奴领得战残兵士, 便入城来. Варвары вместе с остатками разбитой армии вошли в город. Модель пятого типа стала употребляться после эпохи Сун. 前叫起屈来. Когда будете подъезжать ко дворцу Линьянь, подзови Цюя.

В ранний период древнекитайского языка уже были средства выражения страдательного залога. К одним из первых подобных средств, по мнению Пань Юньчжуна, относился предлог 于, употребляемый перед дополнением, которое фактически являлось субъектом действия. 困于酒食. Ему захотелось спать от выпитого и съеденого. 郤克伤于矢, 流血及屣. Си Кэ был ранен стрелой и потерял много крови [Там же, с. 248]. Помимо 于 для выражения пассивного залога использовался глагол 见, который предшествовал смысловому глаголу. 子曰: “年四十而见恶焉, 其终也已”. Конфуций сказал: «Если до сорока лет человек был презираем людьми, то так ему и жить до конца его дней». 见 и 于 нередко употреблялись вместе. 吾长见笑于大方之家. Я не раз был осмеян талантливыми и образованными людьми.

После периода Шести династий наиболее распространённой пассивной конструкцией, появившейся в период Воюющих царств, была конструкция «...为...

所...». 屠氏明日出行，为虎所食。 Если род Ту завтра отправится в поход, то будет съеден тигром.

Уже при династии Цинь отмечается выражение пассивного залога при помощи предлога 被. Первоначально слово 被 относилось к классу существительных и имело значение *одеяло*. Однако могло употребляться и в качестве глагола *покрывать*. Функционируя в качестве глагола, 被 постепенно утрачивает лексическое значение и становится служебным словом. По мнению Пань Юньчжуна, процесс грамматикализации 被 завершился в конце древнекитайского периода. 虽万被戮者，岂有悔哉？ *Хоть казненных и тысячи, да разве будет кто-то об этом сожалеть?* При династии Суй после предлога все чаще начинает употребляться субъект действия. 皮袋被贼盗去。 *Бурдюк был украден разбойниками* [Там же, с. 256]. При династии Юань субъект уже выражается не односложным существительным, а двусложным существительным с определением. 我 ... 被这两个贼男女缚了双手。 *Меня связали двое жуликов – мужчина и женщина*. Сказуемое в предложениях с пассивным залогом начинает оформляться компонентом. (宝玉)近来？又被王夫人数说教训了一番。 *Баоюй вошел и снова получил порцию укоров от госпожи Ван*.

В новокитайском языке помимо 被 в качестве показателей пассива стали употребляться глаголы 叫 и 吃 (喫). 刚才一个鱼上来,刚刚儿的要钓着,叫你吓跑了。 *Рыба только что была у меня практически на крючке, а ты ее спугнул (была тобой испугана)*. 喫我直说过了,夫人如今唤你来完成亲事哩！ *Мне сказали не тая, что сегодня госпожа позвала тебя, чтобы решить всё со свадьбой!*

В современном языке глагол 吃 был вытеснен глаголом 给. 好人给坏人挤得没有路走啦！ *Негодяи всегда притесняют хороших людей (хорошие люди всегда притесняются негодями)* [Там же, с. 258].

Анализ показал, что три модели периодизации являются двухуровневыми. Данный тип модели отражает основные моменты эволюции морфологической и синтаксической подсистем китайского языка. Двухуровневые модели также не

соответствуют критериям непротиворечивости, функциональности, аналоговости модели, а также базовому критерию феноменологической адекватности, поскольку не учитывают фактор письменности.

Однако данный тип модели даёт возможность получения информации о системных, динамических процессах, происходящих в грамматической подсистеме китайского языка и узловых моментах в ее эволюции.

2.5. Трёхуровневая модель

Трёхуровневая модель представлена в работе исследователя – Михаила Викторовича Софронова. Периодизация истории китайского языка построена М. В. Софроновым на основе изменений, произошедших на фонетическом и грамматическом уровнях.

2.5.1. Модель М. В. Софронова

М. В. Софронов в работе «Китайский язык и китайская письменность» на основе изменений на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях предложил трёхуровневую шестичленную модель:

1. **протокитайский** (середина II тыс. – 771 г. до н.э.):
 - 1.1. *язык гадательных надписей* – середина II тыс. – I тыс. до н.э.,
 - 1.2. *язык надписей на бронзовых изделиях* – I тыс. – 771 г. до н.э.;
2. **древнекитайский язык** (VIII в. до н.э. – III в. н.э.):
 - 2.1. *ранний древнекитайский* – VIII – III вв. до н.э.,
 - 2.2. *поздний древнекитайский* – III в. до н.э. – III в. н.э.;
3. **среднекитайский язык** (IV в. – до начала XIX в.):
 - 3.1. *ранний среднекитайский* – IV – X вв.,
 - 3.2. *поздний среднекитайский* – XI в. – до начала XIX в. [Софронов, с. 154,188].

По мнению М. В. Софронова, достоверных данных о фонетической системе протокитайского языка на данный момент не существует, поскольку в гадательных надписях содержится лишь незначительная часть знаков фоноидеографической

категории, позволяющих реконструировать фонетическую систему данного периода.

Особенностью лексического состава протокитайского языка было преобладание односложных слов.

Все слова делились на знаменательные, слова-заместители и служебные. Знаменательные слова обладали лексическим и грамматическим значениями. К ним относились имена и предикаты. К словам-заместителям относились местоимения и местопредикативы. Служебные обладали лишь грамматическим значением к ним относились служебные морфемы, союзы. Грамматические формы слов могли образовываться посредством чередования фонем в их инициалах и финалях [Софронов, 2007, с. 155-157].

Ссылаясь на исследования С. Эгерода, М. В. Софронов отмечает, что для фонетической системы раннего древнекитайского языка было характерно стечение согласных в начале слога типа [kl-], [pl-], [hl-], наличие конечных глухих согласных [-p], [-t], [-k], гортанной смычки [-ʔ] и щелевого согласного [-h], а также конечного [-s], рассматриваемого в настоящий момент в качестве суффикса [Там же, с. 156].

В данный период начинают появляться двусложные слова, образованные, главным образом, при помощи полуповтора или редупликации слоговой морфемы, а также синтаксическим способом.

Происходит развитие аналитических способов образования грамматических форм, выразившихся в сочетании знаменательных морфем со служебными.

Имена древнекитайского языка обладали признаком счётности и измеримости. Категория имени была представлена именами собственными, именами со значением лиц и именами нарицательными. Имена нарицательные обозначали класс предметов с одним и тем же названием, а не единичный предмет. Существительные со значением человеческой деятельности, орудия действия, существительные-локативы, существительные, обозначающие людей по половой принадлежности, возрасту, положению в обществе и т.п. обладали предикативными свойствами. Форма множественного числа имён образовывалась

лексическими способами: при помощи местоимения 諸 *все*, числительного 百 *сто* и др. [Там же, с. 161].

Категория предикатива состояла из глагола, прилагательного и числительного. Основными грамматическими категориями глагола были время, вид, залог. Временные формы глаголов обозначались как при помощи морфологических, так и лексических средств. Вид глагола выражался при помощи формальных средств, к которым относились префиксы и конечные частицы. Выражение залога осуществлялось посредством синтаксических конструкций со служебными глаголами. Выделялись одновалентные и двухвалентные глаголы.

К словам-заместителям относились местоимения, система которых в данный период была достаточно развита. Выделялись местоимения первого и второго лица. Для каждого лица имелось несколько местоимений. Однако личных местоимений третьего лица не было.

Грамматические отношения внутри предложения создавались посредством порядка знаменательных слов и служебных морфем. Примыкание было основным способом формирования синтаксических отношений между двумя словами, образующими простую синтаксическую конструкцию с одной синтаксической связью. Сложная синтаксическая конструкция состояла из двух простых и имела одну главную и две не главные синтаксические связи. Предложение начиналось подлежащим, за которым следовало сказуемое, затем употреблялось дополнение. Подлежащее и дополнение могли быть распространены определением.

Зачастую для выражения синтаксических отношений порядка слов было недостаточно, поэтому использовались служебные морфемы. По способу сочетания служебных морфем со знаменательными в древнекитайском языке различали предлоги, префиксы, начальные и конечные частицы. Предлоги представлены двумя классами – грамматическими и локальными. Первые играют роль при формировании грамматических отношений «субъект - предикат» и «глагол - объект» [Там же, с. 173]. Наиболее частотными предлогами были:

орудийный предлог 以 *посредством, при помощи*; комитатив 与 *с, вместе с*; 为 *для, ради*; предлог 于, вводящий косвенное дополнение.

В зависимости от коммуникативного типа все высказывания подразделялись на утверждения, которые маркировались конечными частицами 也 и 耳, вопросы, которые выражались конечной частицей 乎, побуждения с конечной частицей 哉.

Фонетическая система эпохи Хань сохраняет основные черты древнекитайского языка, однако в этот период начинают происходить изменения, которые в конечном счете привели к полной перестройке всей системы в целом. В слогах, не имевших конечного согласного, стал развиваться ровный тон, в слогах с гортанной смычкой [-ʔ] начал развиваться восходящий тон, в слогах с конечным ларингальным [-h] начинает формироваться уходящий тон. Входящим тоном, который стоял вне системы тонов, произносились слоги с конечными [-p], [-t], [-k].

Особенности грамматического строя позднего древнекитайского языка в работе М. В. Софронова не приводятся.

К IV веку произошло значительное упрощение слоговой морфемы. Исчезли стечения согласных в начале слога. Отпал ларингальный [-h]. Возросло количество двусложных слов.

Упростилась система личных местоимений. Для каждого лица стало использоваться одно местоимение, употребляющееся в различных синтаксических функциях. При исчислении существительных всё чаще начинают употребляться счетные слова. Дальнейшее развитие получил суффиксальный способ выражения видовременных форм глагола. Древнекитайские служебные морфемы, не связанные напрямую со знаменательными морфемами, сменились знаменательными морфемами в служебной функции.

В поздний среднекитайский период произошло падение конечных входящего тона. В некоторых северных диалектах это привело к утрате и распределению входящего тона по оставшимся тонам. Звонкие согласные перешли в глухие.

В области грамматики широкое распространение получили именные суффиксы существительного 儿 и 子. Появились новые видовременные маркеры

глаголов 了 и 着. Сформировалась абсолютно новая система местоимений – появились инклюзивное и эксклюзивное местоимения [Там же, с. 199].

Анализ показал, что из двенадцати моделей периодизации одна модель является трехуровневой. Данный тип модели отражает основные моменты эволюции фонетической, морфологической и синтаксической подсистем китайского языка.

Данный тип модели также не отвечает критериям непротиворечивости, функциональности и аналоговости модели оригиналу. Модель не соответствует и базовому критерию феноменологической адекватности, поскольку не учитывает фактор письменности.

Трёхуровневая модель всё же дает возможность получения информации о системных, динамических процессах, происходящих в грамматической и лексической подсистемах китайского языка и узловых моментах в их эволюции.

2.6. Четырёхуровневые модели

Данный вид моделей основан на изменениях в фонетической, морфологической, синтаксической и лексической подсистемах языка.

2.6.1. Модели С. Е. Яхонтова, Чжоу Цзумо, Ван Ли

Четырёхуровневые модели периодизации истории китайского языка представлены в работах Сергея Евгеньевича Яхонтова [Яхонтов, 1965, с. 7], Чжоу Цзумо [周祖谟, 2004, с. 9-18], Ван Ли [王力, 2009, с. 43-44] и Сян Си [向熹, 上册, 1998, с. 40].

С. Е. Яхонтов отмечает, что историю китайского языка обычно принято делить на три больших периода: *древнекитайский*, *среднекитайский* и *современный*. Временные границы среднекитайского и современного китайского языка автором не уточняются. В своей работе С. Е. Яхонтов сосредоточил внимание на описании древнекитайского периода в истории китайского языка.

Модель периодизации истории китайского языка, выполненная Чжоу Цзумо, тесно связана с династийной историей Китая и не вполне объективно отражает эволюцию языка. Модель периодизации Ван Ли, одного из основоположников современного китайского языкознания, охватывает промежуток с древнейших времен до наших дней. Периодизация представлена крупными периодами, что, на наш взгляд, недостаточно хорошо отражает постепенность языковых изменений. Эволюция языка в работе Ван Ли представлена по аспектам: изменение во времени фонетического, грамматического и лексического уровней китайского языка показаны обособленно. Отдельный параграф посвящен эволюции китайской письменности. В хронологическом порядке описываются особенности каждого стиля китайского письма, отмечаются основные тенденции, определяющие развитие письменности. Однако фактор письменности не учитывается при построении периодизации истории языка. В работе Сян Си периодизация истории китайского языка дробная и демонстрирует непрерывное и постепенное развитие всех систем языка с XVIII в. до н.э. до наших дней. По нашему мнению, модель периодизации истории китайского языка, представленная Сян Си, является наиболее репрезентативной. Описание особенностей данной модели приводится в следующем параграфе.

Представим модели периодизации первых трёх авторов в виде таблицы.

Таблица № 7

Четырёхуровневые модели

С. Е. Яхонтов	Чжоу Цзумо	Ван Ли
древнекитайский: <i>доклассический язык:</i> нижняя граница не определена - V в. до н.э.;	ранний архаический: нижняя граница не определена - VIII в. до н.э.;	древнекитайский: нижняя граница не определена - III в. н.э.;
<i>классический:</i> V в. до н.э. - II в. н.э.;	поздний архаический: VIII до н.э. - III н.э.;	<i>переходный период:</i> III - IV вв.;
<i>поздний древнекитайский:</i> III - VI вв.;	среднекитайский: III - VI вв.;	среднекитайский: IV - XII вв.;
		<i>переходный период:</i>

среднекитайский; современный	ранний новокитайский: VI – XII вв.; новокитайский: XII в. – начало XX в.; современный: начало XX в. – по настоящий момент	XII – XIII вв.; новокитайский: XIII – XIX вв.; <i>переходный период:</i> середина XIX в. – начало XX в.; современный: начало XX в. - по настоящий момент
---	--	--

В работе С. Е. Яхонтова представлена четырёхуровневая пятичленная модель, модели Чжоу Цзумо и Ван Ли - четырёхуровневые семичленные.

2.6.2. Модель Сян Си

Ученик Ван Ли 向熹 Сян Си в работе «简明汉语史» «Краткий очерк по истории китайского языка», опубликованной в 1998 г., предложил четырёхуровневую десятичленную модель периодизации истории китайского языка. Периодизация представлена четырьмя периодами, охватывающими значительные временные промежутки. Каждый из первых трёх периодов, в свою очередь, разделен на три подпериода:

1. 上古期 **древнекитайский** период (XVIII в. до н.э. – III в. н.э.):
 - 1.1. 上古前期 *ранний древнекитайский язык* – XVIII в. – XI в. до н.э.,
 - 1.2. 上古中期 *средний древнекитайский язык* – XI – II вв. до н.э.,
 - 1.3. 上古后期 *поздний древнекитайский язык* – III до н.э. – III н.э.;
2. 中古期 **среднекитайский** период (III в. – XII в.):
 - 2.1. 中古前期 *ранний среднекитайский язык* – III – VI вв.,
 - 2.2. 中古中期 *средний период среднекитайского языка* – VII – X вв.,
 - 2.3. 中古后期 *поздний среднекитайский язык* – X – XII вв.;
3. 近代期 **новокитайский** период (XIII в. – начало XX в.):
 - 3.1. 近代前期 *ранний новокитайский язык* – XIII – XIV вв.,

3.2. 近代中期 *средний период новокитайского языка* – XIV в. – начало XIX в.,

3.3. 近代后期 *поздний новокитайский язык* – 1840 г. – 1919 г.;

4. 现代期 **современный** период – 1919 г. – настоящий момент.

Изложение материала в работе Сян Си, как и в работе Ван Ли, осуществляется по аспектам.

На основе анализа работ своих предшественников в консонантной системе древнекитайского языка Сян Си выделил 28 согласных, сгруппировав их в 6 классов: 唇音 *губные согласные* – 邦[p], 滂[pʰ], 並[b], 明[m]; 舌头音 *апикально-десенные согласные* – 端 [t], 透 [tʰ], 定 [d], 余 [dj], 泥 [n], 来 [l]; 舌面音 *дорсальные(переднеязычные) согласные* – 章[tʃ], 昌[tʃʰ], 船[dʒ], 书[ɕ], 禅[z], 日[ɲ]; 齿音 *апикально-зубные согласные* – 精 [ts], 清 [tsʰ], 从 [dz], 心 [s], 邪 [z]; 牙音 *заднеязычные согласные* – 见[k], 溪[kʰ], 群[g], 疑[ŋ]; 喉音 *гортанные согласные* – 晓 [x], 匣 [ɣ], 影 [θ]. Согласные противопоставлялись по признаку наличия/отсутствия придыхания.

Автор также отмечает вероятность существования в древнекитайском языке следующих сложных сочетаний согласных в начале слога: [kl], [kʰl], [xtʰ], [tɕl], [xn], [pl], [xl], [ml] [向熹, 上册, 1998, с. 65].

Вокалическая система древнекитайского языка была представлена 20 классами рифм (рифмы входящего тона в расчет не принимались): 之[ə], 职[ək], 蒸[əŋ], 幽[u], 觉[uk], 冬 [uŋ], 宵[o], 药[ok], 侯[ɔ], 屋[ɔk], 东[əŋ], 鱼[a], 铎[ak], 阳[aŋ], 支[e], 锡[ek], 耕[eŋ], 歌[ai], 月[at], 寒[an], 脂[ei], 质[et], 真[en], 微[əi], 物[ət], 文[ən], 缉[əp], 侵[əm], 葉[ap], 谈[am]. Данные рифмы в зависимости от конечного компонента финали произносились 阴声 *ровным тоном* (之[ə], 幽[u], 宵[o], 屋[ɔ], 铎[a], 锡[e], 月 [ai], 质[ei], 微[əi]), 阳声 *восходящим тоном* (蒸[əŋ], 冬[uŋ], 东[əŋ], 阳[aŋ], 耕[eŋ], 寒[an], 真[en], 文[ən], 侵[əm], 谈[am]) и 入声 *входящим тоном* (职[ək], 觉[uk], 药[ok], 屋[ɔk], 铎[ak], 锡[ek], 月[at], 物[ət], 缉[əp], 葉[ap]). С учётом тона и медиали данные

рифмы представляли 212 финалей [Там же, с. 98]. Рифмы восходящего тона с конечным носовым [-ŋ] рифмовались с рифмами входящего тона с конечным [-k], а также с рифмами без конечного компонента. Рифмы восходящего тона с конечным носовым [-ŋ] рифмовались с рифмами входящего тона с конечным [-t], а также с рифмами с конечным компонентом [-i]. Рифмы восходящего тона с конечным носовым [-m] рифмовались с рифмами входящего тона с конечным [-p].

В древнекитайском языке было два тона, которые делились на два подвида: 舒声 *открытый (долгий) тон*, к которому относились 平 *ровный* и 上 *восходящий* и 促 *закрытый (краткий) тон*, который распадался на 长入 *долгий входящий* и 短入 *краткий входящий*. Открытым тоном произносились слоги, не имевшие конечных согласных [-p], [-t], [-k]. В зависимости от долготы центрального компонента финали слоги могли иметь ровный или восходящий тоны. Слоги с конечными согласными [-p], [-t], [-k] произносились закрытым тоном, который также в зависимости от долготы центрального компонента финали мог быть долгим или кратким [Там же, с. 107].

Консонантная система среднекитайского языка была представлена уже 36 (35) согласными. В начале эпохи Тан в закрытых слогах третьего дэна из класса губно-губных согласных произошло постепенное выделение класса 轻唇 *губно-зубных* согласных 非[f], 敷[fʰ], 奉[v], 微[m]. Губно-зубной согласный 非[f] появился в результате расщепления губно-губного непридыхательного согласного 邦 [p], согласный 敷[fʰ] выделился из придыхательного согласного 滂[pʰ]. Губно-зубной согласный 奉[v] явился результатом расщепления согласного 並[b], а согласный 微 [m] в результате расщепления согласного 明[m]. Еще одним изменением явилось выделение из класса апикально-десенных согласных 端[t], 透[tʰ], 定[d] класса 舌上音 *палатализованных* согласных 知[tʃ], 彻[tʃʰ], 澄[dʒ] соответственно. Из класса апикально-зубных согласных 精[ts], 清[tsʰ], 从[dz], 心[s] выделился класс 正齿音 *дорсально-фрикативных* согласных 庄[tʃ], 初[tʃʰ], 崇[dʒ], 生[ʃ]. В результате расщепления гортанного согласного 匣[ɣ] появился согласный 云[ɣj], а из

апикально-десенного согласного 余[dj] выделился 以[j]. В эпоху Сун дорсально-фрикативные согласные 庄[tʃ], 初[tʃʰ], 崇[dʒ], 生[ʃ] слились с дорсально-палатальными согласными 章[tɕ], 昌[tɕʰ], 船[dʒ], 书[ɕ]. Слияние согласных 庄[tʃ] и 章[tɕ] привело к появлению дорсально-фрикативного согласного 照[tʃ], согласных 初[tʃʰ] и 昌[tɕʰ] к появлению согласного 穿[tʃʰ]. В результате объединения согласных 崇[dʒ] и 船[dʒ] образовался согласный 床[dʒ], а в результате слияния согласных 生[ʃ] и 书[ɕ] появился согласный 审[ʃ]. Согласный 禅[z] перешёл в 禅[ʒ]. Произошло слияние гортанных согласных 云[ɣ] и 以[j] в 喻[j]. Кроме того, в эпоху Тан начался процесс оглушения звонких согласных [Там же, с. 154].

Система вокализма расширилась до 61 класса рифм. С учётом тона и медиали рифмы представляли 140 финалей. Ровным, восходящим и падающим тонами произносились новые классы рифм: 鍾[ĩwɔŋ], 江[əŋ], 虞[ĩu], 模[u], 齐[iei], 泰[ai], 夬[æi], 祭[ĩei], 佳[ai], 皆[ei], 哈[vi], 灰[ubi], 废[ĩei], 臻[ĩen], 真[ĩen], 諄[ĩwɛn], 欣[ĩən], 寒[an], 桓[uən], 刪[an], 山[æn], 元[ĩwɛn], 仙[ĩen], 先[iwen], 痕[ən], 魂[uən], 蕭[ieu], 豪[au], 肴[au], 豪[au], 肴[au], 唐[aŋ], 庚[ɛŋ], 清[ĩeŋ], 青[ieŋ], 登[əŋ], [uəŋ], 尤[ĩəu], 覃[ɔm], 咸[ɛm], 盐[ĩem], 凡[ĩwɛm], 添[iem]. Входящим тоном произносились рифмы: 沃[uok], 烛[ĩwok], 黠[æt], 栲[ĩet], 术[ĩwɛt], 屑[iet], 曷[at], 末[uat], 辖[at], 薛[iet], 德[ək], [uək]; 麦[æk], [wæk], 陌[ɛk], 昔[ĩek], 合[ɔp], 洽[ɛp], 缉[ĩɛp], 葉[ĩɛp], 帖[iɛp], 盍[ap], 狎[ap], 业[ĩɛp], 乏[ĩwɛp] [Там же, с. 131].

В VII в. рифма 之 включала финали 哈[vi], 侯[əu], 灰[ubi], 皆[ei], 之[ĩə], 脂[i], 尤[ĩəu]. Финали первого-третьего дэнов рифмы 职, произносившиеся кратким входящим тоном, объединяются в финали 德[ək], [uək]; 麦[æk], [wæk]; 职[ĩək], [ĩwək]; 屋[ĩuk]. До пяти увеличилось количество финалей первого, третьего дэнов входящего тона 代[vi], 队[ubi], 志[ĩə], 至[i], 宥[ĩəu], которые стали произноситься падающим тоном [Там же, с. 160]. Финали рифмы 蒸 объединились с финалями рифм 东[ĩuŋ] и 耕[æŋ], [wæŋ]. К рифме 幽 стало относиться пять финалей первого-четвертого дэнов 豪[au], 肴[au], 蕭[ĩəu], 尤[ieu], 幽[iəu]. Рифмы закрытого слога

перешли в класс рифм открытого слога. Финали первого - четвертого дэнов рифмы 觉, произносившиеся кратким входящим тоном, слились с финалями 沃[uok], 觉[ɔk], 屋[ɿuk], 锡[iɛk]; финали первого - третьего дэнов входящего тона слились с финалями 号[au], 效[au], 宥[ɿəu]. Финали рифмы 冬 образовались из финалей закрытого рта рифмы 侵 и стали представлять собой финали первого - третьего дэнов 冬[uoŋ], 江[ɔŋ], 东[ɿuŋ]. К рифме 宵 стали относиться финали первого - четвертого дэнов 豪[au], 肴[au], 宵[ɿəu], 萧[ɿieu]. Финали первого - третьего дэнов рифмы 药, произносившиеся кратким входящим тоном, слились с финалями 铎[ak], 觉[ɔk], 药[ɿak], 锡[iɛk], а финали этой рифмы долгого входящего тона, после исчезновения конечного [-k], слились с финалями 号[au], 效[au], 笑[ɿəu], 啸[ɿieu] падающего тона рифмы 宵 [Там же, с. 168]. К рифме 侯 стали относиться финали первого - третьего дэнов 侯[əu], 尤[ɿəu]. Финали рифмы 屋 первого - третьего дэнов краткого входящего тона слились с финалями 屋[uk], 觉[ɔk], 烛[ɿwok]; две финали этой рифмы первого, третьего дэнов долгого входящего тона после исчезновения конечного компонента [-k], стали произноситься падающим тоном и слились с финалями 侯[əu] и 虞[ɿu] падающего тона. Количество финалей рифмы 鱼 первого - четвертого дэнов сократилось с семи до четырех, к этой рифме стали относиться финали 麻[a], 鱼[ɿo], 虞[ɿu] [Там же, с. 174]. Сократилось количество финалей рифмы 铎 первого - третьего дэнов, произносившихся кратким входящим тоном, финали первого, второго, четвертого дэнов 铎[ak], 陌[ɤk], 药[ɿak], 昔[ɿɛk], 锡[iɛk] долгого входящего тона после исчезновения конечного компонента [-k], стали произноситься падающим тоном и слились с финалями 模[u] и 麻[a] падающего тона. Сократилось количество финалей рифмы 阳. К этой рифме теперь относились финали 唐[aŋ], 庚[ɤŋ], 阳[ɿaŋ]. Произошло сокращение и финалей второго - четвертого дэнов рифмы 支, к этой рифме стали относиться финали 佳[ai], 支[ɿe], 齐[ɿei]. Сократилось количество финалей рифмы 锡. Шесть финалей второго - четвертого дэнов краткого входящего тона перешли в три финали 麦[æk], 昔[ɿɛk],

锡 [iek]. Финали второго - четвертого дэнов долгого входящего тона после исчезновения конечного компонента [-k], стали произноситься падающим тоном и слились с финалями 佳 [ai], 支 [iē], 齐 [iei] падающего тона [Там же, с. 183]. Сокращению с шести до четырех подверглись финали рифмы 耕. К данной рифме стали относиться финали 耕 [æŋ], 庚 [eŋ], 清 [iēŋ], 青 [ieŋ]. В половину сократилось количество финалей первого - четвертого дэнов рифмы 歌. К ней стали относиться лишь рифмы 歌 [a], 戈 [ua], 麻 [a], 支 [iē]. Произошло незначительное сокращение финалей сводной рифмы 月 кратко входящего тона. К данной рифме относились финали 曷 [at], 末 [uat], 辖 [at], 黠 [æt], 薛 [iet], 月 [iət], 屑 [iwet]. Изменения претерпели и финали долгого входящего тона. Рифмы 泰 [ai], 夬 [æi], 祭 [iēi], 废 [iēi] стали произноситься падающим тоном. К рифме 寒 стали относиться финали 寒 [an], 桓 [uan], 刪 [an], 山 [æn], 元 [iwen], 仙 [iēn], 先 [iwen]. Рифма 脂 в данный период была представлена тремя финалями 皆 [vi], 脂 [i], 齐 [iei]. Количество финалей второго - четвертого дэнов сводной рифмы 质, произносившихся кратким входящим тоном, сократилось до пяти - 黠 [æt], 栻 [iēt], 质 [iēt], 术 [iwēt], 屑 [iet]. Финали второго - четвертого дэнов долгого входящего тона стали произноситься падающим тоном и перешли в финали 怪 [vi], 至 [i], 霁 [iei]. К рифме 真 стали относиться финали 仙 [iēn], 臻 [iēn], 真 [iēn], 諄 [iwen], 先 [ien]. Сократилось количество финалей сводной рифмы 微 - 咍 [vi], 灰 [uvi], 皆 [vi], 微 [iēi], 支 [iē], 脂 [i] [Там же, с. 205]. К рифмам первого - четвертого дэнов рифмы 物, произносившихся кратким входящим тоном, стали относиться финали 没 [uət], 黠 [æt], 迄 [iət], 物 [iwət], 质 [iēt], 术 [iwēt]. Произошло увеличение финалей каждого дэна рифмы 文. К этой рифме стали относиться 痕 [ən], 魂 [uən], 山 [æn], 臻 [iēn], 真 [iēn], 諄 [iwen], 欣 [iən], 文 [iwen], 仙 [iēn], 先 [ien]. Увеличилось количество финалей первого - четвертого дэнов рифмы 緝, входящего тона с конечным [-p]. К этой рифме стали относиться 合 [ɔp], 洽 [ɔp], 緝 [iɔp], 葉 [iɔp], 帖 [iɛp]. Произошло увеличение финалей сводной рифмы 侵. К данной рифме стали относиться 覃 [ɔm],

咸[ɤm], 侵[ĩɛm], 盐[ĩɛm], 凡[ĩwɛm], 添[iem]. Финали 盍[ap], 狎[ap], 业[ĩɛp] рифмы 菓 слились с финалями 洽[ɤp], 乏[ĩwɛp], 菓[ĩɛp], 帖[iep] [Там же, с. 215]. Увеличилось количество финалей сводной рифмы 谈 с конечным носовым [-m]. В данную рифму вошли финали 谈[am], 衔[am], 咸[ɤm], 盐[ĩɛm], 严[ĩɛm], 添[iem], 凡[ĩwɛm].

В среднекитайском языке было четыре тона - 平 *ровный*, 上 *восходящий*, 去 *падающий* и 入 *входящий*. Слоги, ранее произносившиеся долгим входящим тоном, стали произноситься падающим тоном. Некоторые изменения претерпели также ровный и восходящий тоны. Часть слогов, читавшихся в период раннего среднекитайского языка ровным и восходящим тоном, стала произноситься падающим тоном. Часть слогов, произносившихся ровным тоном, стала произноситься восходящим, а часть, произносившихся восходящим тоном, стала читаться ровным тоном [向熹, 上册, 1998, с. 218, 227].

Консонантная система начального периода новокитайского языка, по мнению Сян Си, была представлена 25 согласными. А именно, губно-губными согласными – 邦[p], 滂[pʰ], 明[m]; губно-зубными согласными – 非[f], 奉[v]; апикально-десенными – 端[t], 透[tʰ], 泥[n], 来[l]; дорсально-фрикативными – 照[ʃ], 穿[ʃʰ], 床[dʒ], 审[ʃ], 日[z]; церебральными – 支[tʂ] 哆[tʂʰ] 诗[ʂ] 儿[z]; апикально-зубными согласными – 精[ts], 清[tsʰ], 心[s]; заднеязычными согласными – 见[k], 溪[kʰ], 疑[ŋ]; гортанными – 晓[x], 影[θ].

Изменение системы согласных происходило по трем основным направлениям. Во - первых, оглушаются звонкие согласные. Оглушению подверглись согласные 並[b], 奉[v], 定[d], 船[d], 从[dz], 崇[dʒ], 群[g], 邪[z], 禅[z], 匣[ɣ]. Согласные 並[b], 定[d], 群[g], а также 船[d], 从[dz], 崇[dʒ], произносившиеся ровным тоном, стали глухими придыхательными. Согласные, произносившиеся восходящим и падающим тонами, стали глухими непридыхательными. Во - вторых, из группы дорсально-фрикативных согласных 照[ʃ], 穿[ʃʰ], 床[dʒ], 审[ʃ], 日[z] выделяются церебральные согласные 支[tʂ] 哆[tʂʰ] 诗[ʂ] 儿[z]. В-третьих,

произошло объединение заднеязычного согласного 疑 [ŋ] и гортанных согласных 喻 [j], 影[θ]. Начиная с эпохи Сун, происходит постепенное слияние придыхательного губно-зубного согласного 敷 [fʰ] с непридыхательным 非 [f]. Согласный 微[m] переходит в 微 [v]. Качественные характеристики согласных 邦[p], 滂[pʰ], 非[f], 端[t], 透[tʰ], 泥[n], 精[ts], 清[tsʰ], 心[s], 见[k], 溪[kʰ], 晓[x], 影[θ] не изменились. Однако увеличилось количество знаков, имеющих данные согласные звуки. Причиной данного явления было оглушение звонких согласных, которое привело к перегруппировке согласных внутри классов [Там же, с. 279-280]. При династии Юань происходит образование *среднеязычных согласных* [tɕ], [tɕʰ], [ɕ]. Их формирование проходило по двум направлениям: из класса переднеязычных согласных 精[ts], 清[tsʰ], 从[dz], 心[s], 邪[z], а также заднеязычных и гортанных согласных 见[k], 溪[kʰ], 群[g], 晓[x] и 匣[ɣ]. Среднеязычные согласные окончательно сформировались после XVI в. [Там же, с. 344]. В XV в. исчезает согласный 疑 [ŋ], чуть позже исчезает согласный 微 [v]. Система согласных сократилась до 22 инициалей.

Для вокалической системы было характерно значительное сокращение рифм. Произошло объединение классов рифм 支思, 齐微, 鱼模, 皆来, 萧豪, 歌戈, 家麻, 车遮, 尤候 в девять сводных рифм первого тона, которые были представлены 22 финалями. Рифма 支思 [i] была представлена двумя видами гласных [ɿ] и [ʊ], которые отличались сочетаемостью с согласными. Гласный [ɿ] сочетался с апикально-зубными согласными, в то время как гласный [ʊ] сочетался с дорсально-фрикативными. Рифма 齐微 была представлена финалями [ei], [i], [uei]; рифма 鱼模 - финалями [u], [iu]; рифма 皆来 - финалями [ai], [uai], [iai]; рифма 萧豪 - финалями [au], [iau], [iɛu]; рифма 歌戈 - финалями [o], [uo], [io]; рифма 家麻 - финалями [a], [ua], [ia]; рифма 车遮 - финалями [iɛ], [iuɛ]; рифма 尤候 - финалями [ou], [iou]. В десять сводных рифм объединились рифмы второго тона. Данные рифмы были представлены 24 финалями – 真文[ən], [uən], [iən], [iuən]; 寒山[an], [uan], [ian]; 桓欢[uən]; 先天[iɛn], [iuɛn]; 侵寻[əm], [iəm]; 监咸[am], [iam]; 廉纤[iɛm];

江阳[an], [uan], [ian]; 东钟[un], [iun]; 庚青[əŋ], [uəŋ], [iəŋ], [iuəŋ] [Там же, с. 315].
 Финали, произносившиеся входящим тоном, после утраты конечных [-p], [-t], [-k] распределились между вышеуказанными рифмами первого тона.

В начале XVI в. происходит исчезновение конечного носового [-m]. Слоги рифм 侵寻[əɪm], [iəɪm]; 监咸[am], [iam]; 廉纤[iɛm], содержащих конечный носовой [-m] и произносившиеся восходящим тоном, перешли в группу рифм с конечным носовым [-n] 寒山[ən], 桓欢[an], 先天[ian] соответственно [Там же, с. 350-351]. В XVII в. финали рифм 寒山, 桓欢, 先天 слились, образовав финали [an], [uan], [yan], [yuan]. Финаль [y] образовалась в процессе постепенного слияния финалей [o], [iɛ], [ai], [ei] трёх рифм 歌戈, 家麻, 车遮. В среднекитайском языке слоги 儿, 而, 尔, 迤, 珥 и др. рифмы 支思 имели чтение [zɿ]. В XVII в. церебральный [z] утрачивается, что приводит к появлению слога [ər]. Система гласных сократилась до 39 рифм.

Изменения в системе гласных были вызваны исчезновением входящего тона. Из трёх конечных компонентов первым исчез [-p]. Сначала он перешел в [-k], затем в гортанную смычку [-ʔ]. Конечные [-t] и [-k] также сначала перешли в гортанную смычку [-ʔ]. Исчезновение входящего тона также повлекло за собой изменение всей тональной системы. 平声 ровный тон распался на 阴平 *первый тон* и 阳平 *второй тон*. Появился 上声 *нисходяще-восходящий тон*. Рифмы, произносившиеся входящим тоном, распределились между рифмами, произносимыми восходящим, нисходяще-восходящим и падающим тонами. Слоги со звонкими аспирированными согласными, ранее произносившиеся восходящим тоном, стали произноситься падающим тоном [Там же, с. 317]. В поздний период новокитайского языка сложилась тональная система современного языка. В языке выделялось четыре тона: 阴平 ровный, 阳平 восходящий, 上声 нисходяще-восходящий и 去声 падающий тоны.

Формирование лексической системы китайского языка началось до эпохи Шан-Инь. Основная особенность лексического состава в ранний период древнекитайского языка - преобладание односложных однозначных слов. Автор

отмечает, что большинство слов относилось к категории существительных, чуть меньше было глаголов и прилагательных, незначительно количество служебных слов. Кроме того, для древнекитайского языка характерно явление транспозиции.

По данным иньских надписей установлено, что в данный период в языке было около 800 существительных [Там же, с. 365]. К существительным со значением небесных, астрономических, географических явлений относились: 日 *солнце*, 月 *луна*, 汜 *заводь* и др. Существительными, обозначающими время, направление были: 日 *день*, 翌 *завтра*, 晨 *рассвет*, 东 *восток*, 上 *верх, сверху*, 下 *низ, снизу* и др., а также названия циклических знаков «небесного» и «земного» зодиакальных циклов, используемых при летоисчислении. К существительным, обозначающим растительный и животный мир относились: 木 *дерево*, 桑 *шелковица*, 黍 *просо*, 虎 *тигр*, 象 *слон* и др.; существительными, обозначающими родственные связи, части тела человека были: 首 *голова*, 眉 *брови*, 肘 *локоть*; существительными, обозначающими части тела человека, были: 祖 *предок*, 妣 *женский предок*, 父 *отец*, 母 *мать* и др. В древнекитайском языке были существительные, обозначающие предметы материальной и духовной культуры: 戈 *клевец*, 弦 *тетева*, 鬼 *черт*, 巫 *шаман* и др.

В этот период в языке было около 300 глаголов. Среди них можно выделить глаголы, относящиеся к области сельскохозяйственных работ: 耜 *пахать*, 刍 *кормить (сеном, травой)*, 采 *собирать (плоды)* и др.; глаголы, относящиеся к области животноводства, рыболовства и охоты: 牧 *пасты*, 渔 *ловить рыбу*, 禽 *охотиться (на птиц, зверей)* и др.; глаголы, связанные с ведением военных действий: 征 *идти походом*, 杀 *убивать*, 俘 *брать в плен* и др.; глаголы, обозначающие действия повседневной жизни: 宿 *остановиться на ночлег*, 浴 *купаться*, 饮 *пить*, 食 *есть* и др.; глаголы передвижения: 立 *стоять*, 来 *приходить*, 登 *подниматься* и др.; глаголы со значением существования и изменения: 在 *находиться (в)*, 有 *обладать*, 亡 *погибнуть*, 死 *умереть* и др. [Там же, с. 381-383].

Сян Си отмечает наличие незначительного количества имен прилагательных в иньских надписях. Например, 吉 *благоприятный*, 善 *добрый*, 武 *военный*, 湿 *сырой* и др.

В эпоху Шан-Инь практически полностью сформировалась система количественных числительных. В иньских надписях отмечено употребление числительных от 一 *одного* до 万 *десяти тысяч*. Используются также наречия 多 *много*, 少 *мало*.

С точки зрения семантики, слова преимущественно были однозначные, хотя существовало небольшое количество многозначных слов. Отмечаются слова с 4-5 значениями. Примером может служить глагол 见 *видеть*, употреблявшийся в значении 看见 *увидеть*, 巡视 *производить инспекторский осмотр*, 谒见 *наносить визит*, 展阅 *обозревать* [Там же, с. 386].

Для среднего периода древнекитайского языка было характерно увеличение количества существительных, обозначающих небесные тела (созвездия 亢 «*Шея*», 氏 «*Ди*», 斗 «*Ковш*» и др.), сельскохозяйственные культуры (稌 *клейкий рис*, 菽 *горох*, 蕇 *репа* и др.); появляются слова со значением орудий (钱 *заступ*, 耨 *мотыга* и др.), способов приготовления пищи (烤 *жарить (на огне)*, 腌 *мариновать*, 干 *сушить* и др.), вина (醕 *молодое вино*, 醕 *рисовое вино*, 酎 *крепкое вино* и др.), названий блюд (餌 *лепешка на пару*, 糗 *поджареная досуха каша*, 糜 *жидкая каша* и др.), разновидностей шёлка (纨 *белый тонкий шёлк*, 縵 *пурпурный шёлк*, 缥 *бледно-зеленый шёлк* и др.), названий одежды (裋 *легкий халат*, 袷 *одежда без подкладки*, 褐 *сермяжная одежда* и др.), термины философии (慈 *милосердие*, 恕 *снисхождение*, 仁 *гуманность* и др.) [Там же, с. 391-398].

Значительно увеличилось количество глаголов. Увеличение в основном произошло за счет появления глаголов чувственного восприятия (惊 *радоваться*, 怊 *грустить*, 怵 *пугаться*, 慝 *ненавидеть*, 惜 *сожалеть*, 慝 *смущаться* и др.).

Увеличилась также группа прилагательных, в частности, прилагательных, обозначающих оттенки цвета (颀 *белый, седой*, 皎 *белый, бледный*, 赭 *красный, румяный*, 黧 *пепельно-желтый* и др.). Увеличение зачастую происходило за счет использования существительных в качестве прилагательных, которые, расширяя значение, переходили в класс прилагательных. Примером может служить слово 縞, первоначально имевшее значение *белый тонкий шёлк; шёлковое полотно*. В эпоху Чжоу оно стало употребляться в качестве прилагательного со значением *белый, траурный*.

Основной особенностью развития лексической системы китайского языка был переход от односложных слов к двусложным или многосложным [Там же, с. 406]. В период Шан-Инь двусложные слова составляли лишь 15% от общего количества лексических единиц. К эпохе Хань они составляли уже более 50%.

Простые по лексической структуре двусложные слова образовывались тремя способами – аллитерацией или консонансом, редупликацией и путём сложения двух или более морфем. Примерами первого типа могут служить слова 踟蹰 [chíchú] *переминаться с ноги на ногу*, 恍惚 [huǎnghū] *неясно; смутно* и др. При помощи редупликации образовались 契契 [qìqì] *терпеть затруднения*, 皎皎 [jiǎojiǎo] *сверкающий* и др. Иллюстрацией третьего типа образования двусложных слов являются слова 沃若 *увлажнять*, 庖厨 *кухня*, 威武 *могущество* и др.

Сложные по лексической структуре двусложные слова образовывались из двух или более простых слов и связей между ними [Готлиб, 2008, с. 13]. В зависимости от связи между компонентами существовало четыре типа структуры слов: 联合式 *сочинительная*, 偏正式 *определятельная*, 支配式 *глагольно-объектная*, 表述式 *предикативная* структуры. К словам с сочинительной структурой автор относит 财贿 (财 *ценность*+贿 *взятка*) *богатство*, 便利 (便 *подходящий*+利 *выгодный*) *удобный* и др. Словами с определятельной структурой являются 九天 (九 *девятое*+天 *небо*) *эмпирей*, 后生 (后 *последующий*+生 *родиться*) *молодежь* и др. По глагольно-объектному типу образовывались лишь

существительные и глаголы. Например, 将军 (将 *командовать*+军 *войска*) *генерал*, 屏风 (屏 *защищать*+风 *ветер*) *ширма* и др. Слов предикативной структуры в древнекитайском языке было незначительное количество. К ним Сян Си относит 肢解 (肢 *конечности*+解 *разъединять*) *расчленять*, 公主 (公 *государь*+主 *принцесса*) *дочь императора* и др. [向熹, 上册, 1998, с. 414-422].

Развитие лексической системы языка осуществлялось также за счёт расширения семантики слова. У целого ряда слов в эпоху Чжоу к основному добавляются дополнительные значения. С появлением у слова дополнительных значений наблюдалось две тенденции развития слова: 1) сохранение грамматической характеристики слова и 2) изменение грамматической характеристики слова. Примером первой тенденции может служить существительное 距, основное значение которого *шпора*. С появлением дополнительного значения данная лексема сохраняет свою частеречную принадлежность и употребляется в значении *зацепка, заусеница*. Глагол 叩 *ударять, отбивать*, приобретает также значение *кланяться в ноги, бить челом* [Там же, с. 428]. Примером второй тенденции может служить существительное 俘, первоначально имевшее значение *военнопленный*. Постепенно слово изменило свою частеречную принадлежность и стало употребляться как глагол со значением *брать в плен*.

Еще одной особенностью развития лексической системы древнекитайского языка было появление синонимов. В древнекитайском языке увеличение количества синонимов происходило за счёт заимствования слов из диалектов, использования наравне с современными словами слов более раннего периода, использования слов, имеющих общее происхождение, пересечения значений слова после их (значений) расширения. В данный период в языке начинают активно появляться фразеологизмы или чэньюи [Там же, с. 471].

После эпохи Шести династий на основе разговорного языка начинает формироваться литературный стиль, что отразилось на лексической системе. Появляется много новых слов, в большинстве своём двусложных, расширяется

система значений слов, увеличивается количество фразеологизмов и пословиц. В результате взаимовлияния китайской и западной культур, а также проникновения буддизма появляется много заимствованных слов, таких как 比丘 *бхикшу*, 钵 *патра*, 刹那 *мгновение*, 阿弥陀 *Амитабха*, 浮图 *Будда* и др. [Там же, с. 542-549].

В среднекитайском языке увеличивается количество двусложных многозначных слов, которые образуются преимущественно по типам структуры, сформировавшимся в период древнекитайского языка. В данный период слова с сочинительной и определительной структурой составляют более 80 % лексического состава. Кроме того, появляется три новых типа (структуры) связи между компонентами - 补充式 *комплементарная*, 名量式 *предметно-классификаторная* и 超层次组 *гетерогенная* связи [Там же, с. 496]. В словах комплементарной структуры первый компонент обозначает действие, а второй компонент указывает на результат или характер действия. В качестве примера данного типа связи Сян Си приводит следующие глаголы: 摆脱 (摆 *располагать*+脱 *обособленно*) *освободиться*, 割裂 (割 *резать*+裂 *треснуть*) *раскалывать* и др. Предметно-классификаторная структура предполагает сочетание существительного с соответствующим счётным словом. Например, 羊群 (羊 *баран*+群 *стадо*) *отара*, 书卷 (书 *книга*+卷 *свиток*) *книги, литература* и др. К словам гетерогенной структуры относятся слова, семантически не связанные между собой и относящиеся к разным лексико-грамматическим классам. По мнению автора, к словам с данным типом связи относятся устойчивые сочетания, сформировавшиеся в литературных памятниках древнекитайского периода. Например, глагол 而立 *встать на ноги, достичь тридцатилетнего возраста*. Данный глагол образовался в результате сочетания союза 而 *и, уже* и глагола 立 *вставать на свои ноги, становиться самостоятельным*. Данное словосочетание впервые встречается в 论语 «Беседах и суждениях»: “吾十有五而志于学. 三十而立...” «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учебе. В тридцать лет я обрел самостоятельность...».

Примерами также являются глаголы 景仰 (景 *восхищаться*+仰 *смотреть вверх*) *почитать, уважать*, 友于 (友 *друг*+于 *из, от*) *братья* и др. [Там же, с. 516].

Двусложные слова также образуются при помощи суффиксов 子, 儿, 头, возникших в результате грамматикализации существительных. Например, 袋子 *карман*, 雀儿 *воробей*, 馒头 *пампушки*.

Кроме того, лексический запас пополняется за счёт заимствованной лексики. В употребление входят такие слова как 琉璃 *глазурь*, 菠菜 *шпинат*, 胡荽 *кинза* и др.

После династии Юань в общественной жизни Китая происходят значительные изменения, что находит своё отражение в лексике. Наблюдается взаимовлияние и взаимопроникновение лексики монгольского и маньчжурского языков. В лексический состав китайского языка входят слова 把都儿 *воин*, 保儿赤 *повар*, 哈敦 *хатун*, 抹邻 *мерин*, 那颜 *нойон* и др.

В новокитайский период возрастает количество двусложных слов глагольно-объектной и предикативной структур. Например, 包头 *чалма*, 喉急 *алчный*, 口顺 *единогласно*, 嘴吃 *еда* и др.

Всё больше произведений стали писать литературным стилем, в основе которого лежит разговорный язык. В литературный язык проникает большое количество разговорной и диалектной лексики. Контакты со странами Азии и Африки также внесли определенный вклад в обогащение лексической системы китайского языка [Там же, с. 597].

Под влиянием западных языков появляются трёхсложные слова, такие как 导火线 *запал, фитиль*, 印刷机 *типографский станок*, 纺织机 *ткацкий станок* и др.

Значительно возрастает количество фразеологических единиц.

Во второй половине XIX в. лексический состав китайского языка обогащается за счёт заимствований из японского языка, которые, в свою очередь, были заимствованиями из английского языка. Появляется лексика научно-технической сферы (地质学 *геология*, 工业 *промышленность*, 科学 *наука* и др.); экономической и политической сферы (霸权 *господство*, 不动产 *недвижимость*,

企业 *предприятие*, 政党 *партия* и др.); лексика сферы искусства и культуры (悲剧 *драма*, 漫画 *карикатура*, 美术 *живопись* и др.). Заимствовались не только существительные, но и глаголы, прилагательные. Например, 暗示 *намекать*, 表决 *голосовать*, 抵抗 *противодействовать*, 活跃 *оживленный*, 积极 *активный* и др.

Заимствовались также слова японского языка, записанные китайскими иероглифами. К ним относятся 场合 *случай*, обстоятельство, 出口 *экспортировать*, 方针 *направление*, курс и др. [Там же, с. 685-686].

Грамматический строй языка является наиболее устойчивой его частью. Грамматические характеристики частей речи китайского языка начинают формироваться в Шан-Инь. По мнению Сян Си, семантически и функционально все слова в иньских надписях можно разделить на 名词 *существительные*, 动词 *глаголы*, 形容词 *прилагательные*, 数词 *числительные*, 量词 *счетные слова* (классификаторы), 代词 *местоимения*, 副词 *наречия*, 介词 *предлоги*, 连词 *союзы*, 语气词 *модальные частицы*, 感叹词 *междометия*. Развитие каждого лексико-грамматического класса проходило неравномерно.

Основной особенностью начального периода древнекитайского языка было активное развитие существительных, развития других частей речи практически не наблюдалось [向熹, 下册, 1998, с. 3]. В этот период существительные составляли 70% лексики. К ним относились: имена нарицательные (天 *небо*, 土 *земля*, 山 *гора* и др.), имена собственные (王亥 *князь Хай*, 羌 *цяны*, 甲子 *цзя-цзы* и др.), существительные-директивы (上 *верх*, 下 *низ*, 北 *север*, 南 *юг* и др.) и темпоративы (岁 *год*, 今 *сегодня*, 明 *завтра*, 旬 *декада* и др.). Абстрактных существительных было немного, их количество начинает увеличиваться в период Воюющих царств. Автор отмечает, что имена собственные, нарицательные в предложении маркировались знаком 有. Для выражения множественного числа использовались знаки 诸, 众, 群, которые употреблялись в препозиции к существительному.

Во время эпохи Цинь начинает происходить постепенная грамматикализация существительного 子 *сын*, которое становится суффиксом существительного.

Начиная с раннего периода древнекитайского языка, для предложения был характерен фиксированный порядок слов. Предложения были преимущественно простые. Существительные могли выполнять функции подлежащего, дополнения, определения, обстоятельства. Например, 王入. *Ван вошел внутрь*. Существительное 王 *ван* выполняет функцию подлежащего. 我受黍年. *Я собрал урожай проса*. В данном предложении 年 *урожай* выполняет функцию дополнения, а существительное 黍 *просо* - определение.

Глаголы в основном имели значения действия, изменения, умственной деятельности и чувственного восприятия. Делились на два класса - переходные и непереходные. В предложении глаголы могли выполнять функцию сказуемого, переходные глаголы могли принимать после себя дополнение. 王勿渔, 其狩. *Ван не рыбачит, он охотится*. 贞：我不其受年？ *Я не получу урожая?* В данном предложении глагол 受 *получать* является переходным и может принимать прямое дополнение, в данном случае выраженное существительным 年 *урожай*. В средний период древнекитайского языка глагол мог также выполнять функции обстоятельства и определения. 生拘石乞而问白公之死. *Пойманный живым Шичи просил у Байгуна для себя смерти*. Глагол 生 *жить* выступает в роли обстоятельства к глаголу 拘 *ловить*. 汉有游女, 不可求. *В реке Ханьшуй живут плавающие девы, погнавшись за которыми, останешься ни с чем*. В данном предложении глагол 游 *плавать* выступает в роли определения к существительному 女 *дева* [Там же, с. 30].

Прилагательных в данный период было незначительное количество. В предложении прилагательные могли выполнять функции определения, обстоятельства, сказуемого. 王其田于昼, 禽大. *Ван охотился в местечке Чжоу и поймал большого поросёнка*. 王占曰：弘吉. *Ван прочел ответ: будет сопутствовать большая удача*. Прилагательное 弘 *огромный, грандиозный* выполняет функцию обстоятельства, 吉 *счастливый, благоприятствующий* выступает в роли сказуемого. В эпоху Чжоу появляются такие маркеры

прилагательных, как 然, 焉, 如, 乎, 若, 而, 尔, которые употреблялись после прилагательных. Например, 惠然 милостивый, любезный, 焕乎 ослепительный, сверкающий, 沃若 влажный, сырой и др. При династии Цинь прилагательные начинают редуплицироваться. В «Книге песен», «Чуских строфах», «Мэнцзы» встречаются следующие прилагательные: 断断 искренний, честный, 萋萋 густой, частый, 冥冥 бесконечный, далекий и др.

В период цзягувэнь практически полностью сложилась система числительных. Исчисления осуществлялись от *一 единицы* до *万 десяти тысяч*. В эпоху Чжоу появляются разряды 亿 *сто миллионов*, 兆 *триллион* [Там же, с. 34].

В ранний период древнекитайского языка еще не существовало способов выражения дробей и приблизительного счета. Количественные и порядковые числительные отличались функционально – первые в предложении могли выступать в функции определения и дополнения, вторые в функции определения и обстоятельства. 周入十. *Ваны царства Чжоу сделали десять подношений ваннам царства Шан. 其用四卜. Он гадал в четвёртый раз* [Там же, с. 6]. В эпоху Хань для выражения порядковости перед числительным начинают употреблять слово 第. 光武帝, 建平元年十二月甲子, 生于济阳宫后殿第二内中. *Гуань-ди появился на свет в двенадцатый месяц первого года шестидесятилетнего цикла во вторых покоях дворца Цзиян в местечке Цзяньпин.*

Средства выражения дробей и приблизительного счета начинают формироваться после эпохи Воюющих царств. Для этого используются слова 数, 余, 所, 许, 左右, а также сочетания соседствующих числительных. 数 могло употребляться как перед числительным, так и после него. Например, 众者数百 *сотни людей*, 寡者十数 *десятки вдов*. Слова 余, 所, 许, 左右 употреблялись после числительных. Для выражения кратного начинает использоваться слово 倍. В предложении числительные зачастую выполняли роль сказуемого.

Существовало несколько счётных слов, таких как 朋 *пара или пять раковин*, черепаховых щитов, монет, 缶 *кувшин*, 升 *шэн* (мера объёма для жидких и сыпучих

тел, равная 1,04 литра) и др. Употреблялись счётные слова зачастую после существительного и числительного. 甕二升一亩 *Два шэна и один кувшин вина.* 亩贝十朋 *Один му земли стоит десять раковин.* После эпохи Чжоу количество счётных слов значительно возрастает. Появляются счетные слова-измерители (寸, 尺, 丈, 步 и др.); указывающие на емкость, объем (杯, 盆, 盂 и др.); указывающие на меру веса (两, 斤, 钧, 铤 и др.); указывающие на единичность (本, 乘, 介 и др.), а также указывающие на количество (乘, 成, 户 и др.).

На начальном этапе развития древнекитайского языка было два вида местоимений – личные и указательные. Личные местоимения делились на местоимения первого лица 我 я, мы, 余 я, 朕 я, 吾 (император о себе) и местоимения второго лица 乃 ты, вы, 女 ты. Первая группа местоимений могла выполнять функции подлежащего (我, 余, 朕), определения (我, 朕) и дополнения (我). Вторая группа могла выступать только в роли определения (乃, 女) и дополнения (女). К указательным местоимениям относились 之 это, этого, 兹 это, тот. Местоимение 之 могло выступать только в роли определения, 兹 могло выполнять функции подлежащего, определения и дополнения [Там же, с. 10]. К эпохе Воюющих царств количество личных местоимений первого лица увеличилось до семи 吾, 我, 卬, 余, 予, 台, 朕, появилось ещё три местоимения второго лица 尔, 而, 戎. Система местоимений третьего лица ещё не была сформирована, однако в данной функции стали употребляться слова 其, 之, 厥, 彼, которые также использовались в качестве указательных местоимений [Там же, с. 56]. Увеличилось и количество местоимений других классов. Указательные местоимения были представлены местоимениями, указывающими на объект, находящийся рядом с говорящим (兹, 之, 时, 此, 斯, 是) и местоимениями, указывающими на объект, находящийся на расстоянии от говорящего (其, 彼, 匪, 夫). Кроме того, выделяются местоимения относительные (尔, 若, 然); неопределённые (某, 或); отрицательные (莫, 无); притяжательные (者, 所).

Появляются три вида вопросительных местоимений: вопрошающие о человеке (谁, 孰, 畴); вопрошающие о предмете (何, 曷, 胡, 盍); вопрошающие о месте (奚, 恶, 安, 焉).

В период цзягувэнь в языке было три типа наречий: наречия состояния (又, 亦, 允) и др., наречия отрицания (不, 弗, 毋, 勿, 弼) и модальные наречия (其, 佳(惟), 亩, 三(乞)) [Там же, с. 13]. В предложении наречия выполняли преимущественно функцию обстоятельства. К эпохе Хань система наречий также претерпела значительные изменения. Возросло количество наречий, расширились их функции в предложении. Большинство наречий появились в результате грамматикализации знаменательных слов. Появились наречия степени (甚, 殊, 孔, 极, 最, 颇 и др.), наречия ограничения (毕, 并, 皆, 具, 俱 и др.), наречия состояния (屢, 亟, 数, 稍, 浸 и др.), наречия времени (初, 昔, 向, 乡 и др.), наречия отрицания (非, 匪, 未, 微 и др.), модальные наречия (其, 岂, 渠, 宁, 独 и др.), наречия почтения (敬, 谨, 请, 幸 и др.).

В период Шан-Инь в языке выделялись предлоги, указывающие на объект действия (于, 乎, 曰, 以), на место (于, 在, 母, 自), на время (于, 在, 自), на отношения между членами предложения (以, 又, 暨). К династии Цинь количество предлогов возрастает. Сян Си выделяет десять групп предлогов: времени (于, 以, 会, 从), места (即, 在, 自, 道), предлоги способа, орудия (用, 将, 以, 于), предлоги основания действия (以, 因, 由, 缘), предлоги причины и цели (坐, 为, 因, 用), предлоги объекта (于, 乎, 用), сравнения (於, 如, 乎), отношений (与, 为, 及, 对) и предлоги, вводящие субъект действия в предложениях с пассивным залогом (于, 乎, 於) [向熹, 下册, 1998, с. 88-94].

Помимо предлогов, были также союзы (于, 以, 母, 与, 又, 自 и др.), некоторые модальные частицы. В циньскую эпоху возрастает количество союзов и модальных слов. Выделяются сочинительные (及, 越, 且, 而), альтернативные (若, 如, 及, 抑, 意), цели (以, 为, 因, 由), уступки (每, 虽, 唯, 纵),

противительные (而, 顾, 然, 然且) и др. союзы. Всё чаще стали употребляться модальные частицы 也, 焉, 矣, 耳, 乎, 与, 哉, 耶.

Отличительной особенностью древнекитайского языка трех периодов было явление транспозиции. Например, существительное могло употребляться в функции сказуемого, глагол в функции подлежащего и т.д.

С точки зрения синтаксической структуры в период цзягувэнь выделялось девять типов предложений: 1. подлежащее + сказуемое; 2. подлежащее + сказуемое + дополнение; 3. подлежащее + отрицание + дополнение + сказуемое; 4. подлежащее + сказуемое + два дополнения; 5. сказуемое + дополнение; 6. отрицание + дополнение + сказуемое; 7. сказуемое (глагол или прилагательное); 8. предложение с несколькими сказуемыми; 9. подлежащее + сказуемое + дополнение(подлежащее) + сказуемое + дополнение [Там же, с. 23-26].

К эпохе Хань подлежащее стало выражаться не только односложным словом, но и словосочетанием. 知其说者之于天下也, 其知示诸斯乎! *Если в Поднебесной найдутся люди, которые знают, как ею управлять, то это всё равно, что смотреть на это* (Конфуций указал на свою раскрытую ладонь). В данном предложении подлежащее выражено словосочетанием 知其说者之于天下 *люди в Поднебесной, которые знают, как ею управлять*.

В предложении также могли быть однородные подлежащие. 子路、曾皙、冉有、公西华侍坐. *Цзы-лу, Цзэн Си, Жань Ю и Гун Сихуа сидели подле Учителя*. Имена собственные 子路、曾皙、冉有、公西华 *Цзы-лу, Цзэн Си, Жань Ю и Гун Сихуа* являются однородными подлежащими. Начинают употребляться однородные сказуемые, состоящие их двух и более слов или словосочетаний. Например, 夫达也者, 质直而好义, 察言而观色. *Выдающийся человек наделен природной прямоотой и любит справедливость, вникает в слова людей и следит за выражением их лиц*. В данном предложении четыре однородных сказуемых 质直 *обладать природной прямоотой*, 好义 *любить справедливость*, 察言 *вникать в слова людей* и 观色 *следить за выражением лица* [Там же, с. 124].

Возрастает количество каузативных глаголов. Например, частотными становятся глаголы 使 *заставлять*, 使 *принуждать*, 令 *вынуждать*, 劝 *убеждать*, 劝 *уговаривать*, 诫 *предостерегать*, 戒 *предупреждать* и др.

Усложняется структура последовательно связанного предложения. Появляются конструкции “以...为...” *считать что-то (кого-то) чем-то (кем-то)*. 故君虽尊，以白为黑，臣不能听；父虽亲，以黑为白，子不能从. *Благородный муж уважаем, но если он будет выдавать истинное за ложное, то слуга его не слушает; отец – это родная кровь, но если он будет ложное выдавать за истинное, то сын не подчинится.*

Закрепляется позиция дополнений: сначала употребляется косвенное дополнение, затем употребляется прямое дополнение. 或肆之筵，或授之几. *Положи для него бамбуковую циновку или накрой для него стол.* Местоимение 之 *для него* в обоих случаях выступает в качестве косвенного дополнения, существительные 筵 *циновка* и 几 *стол* являются прямыми дополнениями [Там же, с. 130]. В отрицательных предложениях с местоимением в функции дополнения, дополнение выносится в препозицию к сказуемому. 以吾一日长乎尔，毋吾以也. *Хоть я вас и старше, не нужно бояться разделить со мной свои мысли (не нужно бояться меня).* В данном предложении дополнение 吾 *меня (со мной)* употреблено после отрицания 毋 *не нужно* и находится в препозиции к сказуемому 以 *уважать, примечать*.

В позднем древнекитайском языке, по мнению Сян Си, выделяется несколько типов компонента, в частности, результата, направления, степени, места, времени, количества, сравнения, орудия и т.д. Например, в предложении 齐侯伐卫，战败卫师. *Хоу царства Чи атаковал царство Вэй и разбил его войска* после глагола 战 *сражаться* употреблен глагол 败 *нести поражение*, выступающий в функции компонента результата. 筑室于场，独居三年. *Цзы-гун построил рядом с кладбищем дом и прожил в уединении три года.* В данном предложении

числительно-предметное словосочитание 三年 *три года* выполняет функцию компонента времени к сказуемому 居 *жить*.

Дальнейшее развитие получило определение. Если в начальный период древнекитайского языка определение выражалось преимущественно односложными прилагательными, то к эпохе Хань в качестве определения уже стали употребляться двусложные существительные, прилагательные, числительно-предметные комплексы, глаголы, а также целые словосочетания. Например, 案劍噴目, 声如乳虎. *Смотрит с яростью, подобно кормящей тигрице, защищающей свое потомство*. В данном предложении глагол 乳 *кормить молоком* выступает в роли определения в существительному 虎 *тигрица*.

Обстоятельство стало выражаться прилагательными, числительными, существительными, глаголами, предложными конструкциями.

Развивается система средств выражения именного сказуемого. Если в период Шан-Инь предложения с именным сказуемым были единичны, то в эпоху Чжоу появилось более десяти моделей данного типа сказуемого. Наиболее употребительными были модели: 1. *подлежащее+者 сказуемое+也* 国者, 天下之大器也. *Правитель – главный человек Поднебесной*; 2. *подлежащее+是+сказуемое* 巫姬弟子是女子. *Продолжателями дела старухи-шаманки были её дочери*.

В предложениях пассивного строя преимущественно употреблялись слова 为, 于, 见, 被. 子曰: 年四十而见恶焉, 其终也已. *Конфуций сказал: “Если до сорока лет человек был презираем людьми, то так ему и жить до конца его дней”*. В период Воюющих царств появляются конструкции с пассивным значением, такие как “为(见) ... 于...”, “为...所...”, “为... (之) 所...”, “为... (所)见...” и др. 烈士为天下见善矣, 未足以活身. *Герои почитаются в Поднебесной, но это не может сберечь им жизнь*. В данном предложении используется конструкция “为...见...”, между компонентами которой употребляется субъект действия существительное 天下 *Поднебесная* [Там же, с. 152].

Появляются сложносочиненные, сложноподчиненные предложения.

В среднекитайском языке широкое распространение получают грамматические явления, появившиеся в поздний период древнекитайского языка. Некоторые грамматические явления, свойственные древнекитайскому языку, в среднекитайском исчезают.

К морфологическим показателям существительного в этот период относятся суффиксы 子, 儿, 头 и префиксы 老, 阿. Например, 蛤子 лягушка, 幡子 флаг, 床子 станок, 雁儿 гусь, 犊儿 теленок, 花儿 цветок, 苍头 слуга, 杖头 набалдашник, 老鳖 черепаха, 老拳 кулак, 老慳 скупец, 阿父 отец, 阿舅 дядя, 阿家 свекровь [Там же, с. 167, 172, 175, 178-179].

Начинается процесс формирования глагольных маркеров, употребляющихся после глаголов: суффиксов 了, 已, 却, обозначающих завершенность действия; суффиксов 着(著) и 地, обозначающих процессуальность; суффикса 过, указывающего на действие, имевшее место в неопределенное время в прошлом; 来, указывающего на длительность действия, произошедшего в недавнем прошлом; суффикса 看, обозначающего попытку совершения действия.

В среднекитайском языке из шести показателей прилагательного, распространённых в древнекитайском языке, сохранился только один 然. Появляются маркеры 底 и 地. Например, 沙门岂不是具大慈悲底人. Буддийский монах разве не является самым милосердным человеком? В данном предложении прилагательное 慈悲 милосердный оформлено суффиксом 底. В предложении 直是不出门, 亦是草漫漫地. Даже, если не выходить из дома, поля травы все равно кажутся безбрежными прилагательное 漫漫 безбрежный, безграничный оформлено суффиксом 地.

В данный период унифицируются и закрепляются средства выражения целых, дробных, порядковых чисел, появившихся в древнекитайский период. Приблизительный счёт выражался преимущественно при помощи слов 许, 余, 可, 约, 以(已)来, ставших распространёнными примерно в эпоху Шести династий. 许, 以(已)来 употреблялись после числительно-предметного комплекса (一尺许

примерно один чи, 二十里许 около двадцати ли, 一年以来 около года, 三升已来 примерно три шэна), 余, 可, 约 использовались перед числительно-предметным комплексом (*余二百 около двухсот, 余三十年 примерно тридцать лет, 可千五百里 около 1,5 тысяч ли, 约五寸 приблизительно пять цуней*) [Там же, с. 202].

Изменяется система именных счётных слов. Выходят из употребления классификаторы *畹, 庾, 秉, 区* и др. Появляются счётные слова *通, 般, 包, 柄, 部, 丛* и др. Сфера употребления некоторых именных классификаторов сужается. Например, счётное слово *枚*, использовавшееся ранее с существительными *树木 дерево, 竹筒 трубка, 砖头 кирпич*, в среднекитайском языке употребляется в существительными, обозначающими небольшие предметы (гвозди и т.п.). Сфера употребления классификатора *所*, напротив, расширилась. Если в древнекитайский период он употреблялся с существительными *宗庙 храм предков, 房屋 постройка, здание*, то в среднекитайский период используется вместе с существительными *池井 колодец, 石头 камень, 帐子 полог* и др. В эпоху Тан счётные слова начинают употребляться с указательными местоимениями. *这个是阿谁不是? Кто этот человек?* В данном предложении счётное слово *个* употреблено с указательным местоимением *这 этот*.

Изменения претерпевает и система глагольных счётных слов. Появляются классификаторы *遍, 场, 重, 次, 度, 顿, 下* и др.

В среднекитайский период, с одной стороны, унифицируется и сокращается система местоимений, а с другой стороны, появляется много новых местоимений. Исчезает местоимение первого лица *余*, а появляются *身, 侬, 秦* и др. Для выражения вежливой формы обращения появляются местоимения второго лица *卿, 官, 仁, 尊*. Расширяется область применения местоимения *其*, всё чаще оно употребляется в качестве местоимения третьего лица. При династии Суй появляются местоимения третьего лица *渠, 伊, 他*.

Основными указательными местоимениями этого периода были 这, 底, 许, 能, 那. Появились вопросительные местоимения 几多 как много?, насколько?, 若 как?, 等 какой?, в какой степени?, 争 каким образом?, 怎 почему?, зачем?, 那 какой?, который? и др. Из местоимения 那 к эпохе Тан развились местоимения 阿那 какой?, который?, 那边 где?, в каком месте?, 那个 который?, 那里 где?.

К среднекитайскому периоду в языке отмечалось более ста наречий. Новыми наречиями были 奇 крайне, ужасно, 煞 очень, 生 навечно, живьем, 刚 только что, только-только и другие. Появившиеся наречия были многозначными. Например, наречие 刚刚 выступало как в роли модального, так и в роли наречия времени. 世间刚有东流水, 一送恩波更不回. На земле действительно всё проходит, отправившь благодеяния, а они не вернутся. В данном предложении 刚刚 – модальное наречие со значением действительно, в самом деле. В предложении 刚有峨眉念, 秋来锡欲飞. Только подумав про горы Эмэй, как пришла осень и Си захотелось унести с ее прохладой 刚刚 – наречие времени только-только, только что [Там же, с. 276]. Появились суффиксы наречий 复, 自. Например, 诚复 искренне, 当复 надлежаще, 忽复 внезапно и др.

Расширяется система предлогов. В эпоху Тан появляется предлоги 把, 趁 ухватиться за, не пропустить, 冲 в сторону, по направлению, лицом к, 除 за исключением, кроме, 扶 опираясь на и др. Расширяются функции предлогов, возникших в древнекитайском языке. Например, в древнекитайский период предлог 向 служил для указания на направление или время совершения действия. В среднекитайском языке данный предлог используется для указания на место совершения действия в значении предлога 在. 三闾有何罪, 不向枕上死. В чем был повинен Сань Лю, что покинул этот мир не во сне (не лежа на подушке). В данном предложении предлог 向 имеет значение в, на. В предложении 填填满心气, 不得说向人 Пусть спокойствием будет наполнено сердце, свои сомнения не раскрывай никому предлог 向 используется для указания на адресата 说向人 говорить людям.

Подобные изменения происходят и в системе союзов, часть союзов древнекитайского языка выходит из употребления, и они вытесняются новыми союзами. Расширилась группа градационных союзов за счёт появления союзов 何况 *тем более, что; что же и говорить, где уж*, 不但 (不唯, 不徒) *не только*, 尚且 *да к тому же, да сверх того ещё и*, 尚自 *к тому же, тем более, особенно, ещё и*. Появились противительные союзы 却 *однако, но, тем не менее*, 但 *однако, но* и 只是 *но, только*, союзы причины и следствия 为缘 *по причине, из-за* и др., а также условные, уступительные союзы [向熹, 下册, 1998, с. 304].

Появляются новые модальные частицы, ставящиеся в конце предложения, такие как 了, 在, вопросительные частицы 么, 那, побудительные частицы 来, 着, 者, 则个, 好, 休.

В синтаксическом строе среднекитайского языка Сян Си также отмечает изменения. В предложении с именным сказуемым всё чаще в роли связки используется глагол-связка 是 *есть, являться*. 针是贯线物, 目中恒任丝. *Игла – это предмет, который пронзает, ведя за собой шелковую нить*. В отрицательных предложениях использовалось либо просто отрицание 非 *не*, либо отрицание со связкой 非是 *не являться*. 临去, 语翁曰: “吾是鬼神, 非人也”. *Уходя, Юй Вэн сказал: “Я – дух, а не человек”*. 臣恐此药非是真药. *Яд, что боятся чиновники, не настоящий яд*. Начиная с эпохи Шести династий, наряду с отрицанием 非, используется отрицание 不. 我亦不痴, 复不是苻坚. *Я не глуп и не Фу Цзянь*.

Получают развитие предложения с инвертируемым в препозицию к сказуемому дополнением. На начальном этапе инверсия осуществлялась при помощи предлога 以. 伯楚以吕郤之谋告公. *Бо Чу замысел Люй Си рассказал Вэньгуну царства Цзинь*. В данном предложении прямое дополнение 吕郤之谋 замысел Люй Си инвертировано в препозицию к сказуемому 告 *рассказывать* при помощи предлога 以. К эпохе Тан предлог 以 вытесняется предлогами 将 и 把. 料理中堂, 将少府安置. *Для помощи в хозяйственных делах отправь шаофу во дворец*. 秋时又

把甚收? 冬时又把甚藏? *Придет осень, будет ли что собрать? Придет зима, будет ли что запасти?* [Там же, с. 335].

Для выражения пассивного залога все чаще употребляется слово *被*. Нередко оно используется в составе конструкций “*被 ... (之)所 ...*”, “*被 ... 见 ...*”. 若不志道法之玄, 心都被符所损. *Если не стремиться к познанию тайны высших принципов, то душа будет подвержена заблуждениям.* 延之问: ‘汝何故来?’ 答曰: ‘被人见讼’. Янь Чжи спросил: ‘Зачем ты пришел?’ Я ответил: ‘*Меня осудили*’.

В результате грамматикализации глагола *得到* *получить, обрести* появляется суффикс компонента результата *得*. 平子饶力, 争得脱, 踰窗而走. *Пин Цзы был силен, напрягся, что есть силы, высвободился, выпрыгнул через окно и был таков.* В данном предложении суффикс употреблён после глагола *争* *бороться, напрягать силы* и перед компонентом результата *脱* *освободиться, выбраться*. Однако позиция данного суффикса еще не была фиксированной: если в предложении было дополнение, он мог употребляться перед и после дополнения, перед и после компонента результата.

Все большее распространение получают конструкции сравнения “*如(似) ... 一般*”, “*与(同) ... 一般*”, “*似 ... 相似*”. 大体古人作诗, 与今人作诗一般. *В древности писали стихи также, как и сейчас.* 似担百十斤担相似, 须硬着筋骨担. *Нужно напрячь все силы, как будто несешь ношу весом свыше ста цзиней.* В среднекитайский период происходит полная грамматикализация глагола *比* *сравнивать*. Частотность употребления предлога *比* в предложениях сравнения возрастает. 阿奴比丞相条达清畅. *Сын спокойней и мягче, чем чэнсян* [Там же, с. 353].

В новокитайский период происходит завершение грамматикализации видовременных суффиксов глагола *了(讫)*, *已*, *却*. Если в начальный период новокитайского языка употребляются все три суффикса, но в поздний подпериод суффикс *了* полностью вытесняет суффиксы *已* и *却*.

При династии Сун для выражения кратковременности действия глаголы начинают употребляться в редуцированной форме. Существовало две модели редукации двусложных глаголов. Модель *AABB* передавала значение продолженности действия, а модель *ABAB* значение кратковременности действия. 她那里哭哭啼啼, 我这里切切悲悲. *Она там рыдает, я здесь скорблю.* 我好意与你 掐算掐算, 讲这等胡话. *Я бы хотел прямо на пальцах с тобой посчитать, показать, что это всё ерунда.* В первом предложении редуцированные глаголы 哭啼 плакать в голос, рыдать и 切悲 скорбеть передают значение процессуальности. Во втором предложении редуцированный по модели *ABAB* глагол 掐算 считать, подсчитывать передает значение кратковременности действия [Там же, с. 360].

В эпоху Юань широко распространенным явлением становится употребление суффикса 来 (来着), указывающего на продолженность действия, произошедшего в недавнем прошлом. 我何曾把你的东西给人来着? *Когда это я отдавал твои вещи другим?*

В этот период широкое распространение приобретают такие показатели приблизительного счёта как 把, 多, 来去, 来往, 上下, 外, 开外.

Проявляется несколько десятков новых именных счётных слов, таких как 班, 瓣, 笔, 彪, 餐 и другие. В новокитайском языке счетные слова могли употребляться с суффиксами 子, 儿, 个, 家. Достаточно распространённым явлением также было удвоение счётных слов. Удвоение осуществлялось по четырём моделям: *AA*, *—AA*, *—A—A*, *AABB*.

Появляются новые глагольные классификаторы 会(和), 跑(抛), 趟(荡) и 直.

Расширяется система личных местоимений первого лица. Появляются местоимения 俺 я, 咱(咱) мы, 洒家 я, мы. После династии Мин всё чаще вместо местоимения второго лица 汝 стало употребляться местоимение 你. Для выражения местоимений во множественном числе стал использоваться суффикс 们 (每). Местоимение третьего лица 他 вытесняет все остальные и становится основным.

Появилась группа новых притяжательных местоимений, служащих для указания на два и более объекта, находящихся в непосредственной близости от говорящего. К таким местоимениям относились *这些, 这些儿, 这些个*. Стали употребляться местоимения *这搭儿, 这儿, 这厢, 这壁*, указывающие на место; местоимения *这会子, 这早晚*, указывающие на время. Вопросительные местоимения, появившиеся в этот период, были также в основном двусложными. Например, *兀谁 кто?, кто же?, 那位, 那些个, 那等 который?, какой?, 那些 которые? какие?* и др.

К новокитайскому периоду в языке насчитывалось более 600 наречий, большинство из которых были двусложными. Появились наречия степени (*到大来 крайне, 超出常, 刚刚 как раз, в самый раз, 更加 ещё более, более* и др.); наречия ограничения (*单单 только лишь, 特别, 光 только, всего лишь* и др.); наречия времени (*半合儿 немного, на минуту, 方才 только что, только сейчас* и др.); наречия состояния (*白白 попусту, напрасно, зря, 好在 кстати, к счастью, 准 定 обязательно, непременно* и др.); наречия отрицания, модальные наречия.

В результате грамматикализации глаголов появляются новые предлоги *等 к тому времени, как; тогда, когда, 赶 к моменту, к, как только, с наступлением, 打 из, от, с, 打从 со времени, начиная с тех пор как, 朝 к, на, в* и др. [Там же, с. 430].

Вновь расширяется система союзов. Выделяются сочинительные, градационные, противительные, уступительные союзы, союзы последовательности, альтернативы, причины, сослагательности, условия. Появляются рамочные конструкции “*因为...所以...*” *так как..., поэтому ...*, “*既然...就...*” *поскольку..., то...*, “*不只...连...*” *не только..., даже...*, “*不惟...又且...*” *не только..., но и...* и другие.

Активно развивается система модальных частиц. В новокитайском языке выделяются повествовательные частицы (*的, 罢了, 便了, 着哩, 着的呢*),

вопросительные частицы (么, 吗, 那, 哩, 呢), побудительные частицы (着, 者, 咱, 则, 则个), восклицательные частицы (呵 (阿, 啊), 呀, 也么哥).

В области синтаксиса Сян Си также отмечает изменения. Происходит стандартизация позиции суффикса 得. При наличии в предложении комплемента, суффикс занимает позицию строго после глагола. В роли комплемента стали употребляться такие наречия и прилагательные, как 紧 *тесный, плотный*, 很 *очень, весьма, вполне*, 甚 *очень, весьма, чрезвычайно*, 厉害 *невыносимый, нестерпимый, суровый* и др. 咱醉的(得)要不得, 倒是哥早早来家的便益些. *Я ужасно пьян, хорошо, что брат придет домой пораньше* [向熹, 下册, 1998, с. 483].

В предложениях с инвертируемым дополнением предлог 把 вытесняет предлоги 以 и 将.

Изменения коснулись и предложения пассивного строя. Помимо предлога 被, вводящего субъекта действия, стали употребляться предлоги 喫, 吃, 把, 教 и др. 我因为你, 吃郡王打死了, 埋在后花园内. *Я подумал, что ты был убит цзюньваном и закопан на заднем дворе. Ты проявил себя как настоящий мужчина, тебя обозвали рогоносцем, чтобы посмотреть, как ты себя поведешь.* В первом предложении субъект действия 郡王 *цзюньван* вводится при помощи предлога 吃. Во втором предложении субъекту действия 人 *люди* предшествует предлог 把.

Усложняется структура предложения пассивного строя. Предикативная часть теперь может быть представлена однородными сказуемыми, дополнение может быть инвертировано при помощи предлогов 把 или 将.

Вновь качественные изменения в языке произошли после образования КНР. Под влиянием западных языков происходит дифференциация местоимений третьего лица 他 и 她 по гендерному признаку – первое местоимение указывает на лиц мужского пола, второе местоимение указывает на лиц женского пола.

Обязательным стало употребление суффикса *着* после глагола для выражения продолженного действия. 他其时正在研究着骨头，后来有一篇论文在本校的杂志上发表出来。 *Он тогда занимался исследованием костей, чтобы потом результаты исследования опубликовать в газете университета.*

Произошла чёткая дифференциация служебных морфем *的, 底, 地*. Первое стало строго употребляться после определения, второе для выражения притяжательности, а третье стало оформлять обстоятельство. 他底妻坐在灶后，怀里抱着她刚满三周的男孩儿 ---孩子还在啜着奶，她讷讷地低声地问。 *Его жена сидела за печью, прижимая к груди новорождённого сына. Ребёнок сосал молоко, а она тихонько и не спеша спрашивала.* В данном предложении *底* в словосочетании 他底妻 *его жена* показывает принадлежность, *的* оформляет предшествующее определение 她刚满三周的 *ее новорожденный (трехнедельный)*, *地* является показателем обстоятельства *讷讷地 не спеша* и *低声地 потихоньку, шепотом.*

Появляются такие предлоги, как *对于 относительно, о, об, по* и *关于 в отношении, что касается* [Там же, с. 519].

Существительные стали употребляться в роли обстоятельства. 如果急于求成，形式上好像肃清了，而实质上仍然存在。 *Если проявить спешку, то может показаться, что формально явление искоренено, хотя по существу оно всё ещё будет существовать.* В данном предложении существительные *形式 форма* и *实质 существо* оформлены послелогом *上* и выполняют функцию обстоятельства.

Усложняется структура предложения. Например, в предложении *所谓团结，就是团结跟自己意见分歧的，看不起自己的，不尊重自己的，跟自己闹别扭的，跟自己作过斗争的，自己在他面前吃过亏的那一部分人。* *Так называемое единение – это сплоченность с людьми, чья точка зрения противоположна твоей, с теми, кто смотрит свысока и недооценивает, с кем не ладить и постоянно находишься в конфронтации, на глазах у кого потерпел неудачу.* Данное предложение содержит

составное именованное сказуемое, в котором к именной части, выраженной существительным *那一部分人 люди*, относится шесть определений *跟自己意见分歧的 с людьми, чья точка зрения противоположна твоей,看不起自己的,不尊重自己的 с теми, кто смотрит свысока и недооценивает,跟自己闹别扭的,跟自己作过斗争的 с кем не ладишь и постоянно находишься в конфронтации,自己在他面前吃过亏的 на глазах у кого потерпел неудачу.*

Отдельный параграф в работе Сян Си посвящен истории развития китайской письменности. Указывая на связь китайской культуры, китайского языка и письменности, автор отмечает, что без изучения истории китайской письменности невозможно понять историю китайского языка. Далее автор приводит модель периодизации китайских письменных знаков, выработанную его предшественниками и основанную на изменениях стиля написания иероглифов. Освещается также периодизация эволюции структуры китайского знака. Однако письменность в работе автора рассматривается как второстепенный по отношению к языку феномен, она не включена в историю развития китайского языка как ключевой фактор, участвующий в формировании облика китайского языка.

Анализ показал, что из двенадцати моделей периодизации четыре модели являются четырёхуровневыми. Данный тип модели отражает основные моменты эволюции фонетической, морфологической, синтаксической подсистем и лексического состава китайского языка. Данный тип модели отвечает критерию уровневости, однако с точки зрения непротиворечивости, функциональности и аналоговости модель не соответствует базовому критерию феноменологической адекватности, поскольку также, как предыдущие типы моделей, не учитывает фактор письменности. Тем не менее, на базе данного типа модели может быть осуществлено построение совмещённой модели периодизации истории китайского языка на основе критерия феноменологической адекватности.

2.7. Моделирование периодизации истории китайского языка на основе критерия феноменологической адекватности: совмещенная модель

Напомним, что диахроническая мета-систематизация осуществляется посредством систематизации уже существующих моделей в следующем алгоритме анализа: 1. установление и систематизация уже существующих моделей периодизации истории языка; 2. критическое рассмотрение данных моделей с точки зрения их адекватности объекту изучения; 3. построение выводной модели на основе интегрального принципа адекватности объекту изучения. Реализация первых двух этапов позволяет подойти к решению третьего этапа – этапу моделирования периодизации языка на основе базового критерия феноменологической адекватности, предполагающего учёт китайской письменности как одного из основных факторов при моделировании периодизации китайского языка.

Обобщение и систематизация существующих моделей даёт возможность их сравнения на основе учёта базового критерия. Определение в результате сравнения оптимальных моделей позволяет осуществить их совмещение и создать более адекватную модель объекта изучения.

Ранее нами были выявлены четыре наиболее репрезентативные модели периодизации истории китайского языка, в основе которых лежит критерий уровневости. Данные модели представлены в таблице № 8.

Таблица № 8

Репрезентативные модели периодизации истории китайского языка			
Одноуровневая (модель Хуан Дяньчэна)	Двухуровневая (модель Пань Юньчжуна)	Трёхуровневая (модель М. В. Софронова)	Четырёхуровневая (модель Сян Си)
Древнекитайский (до XI в. до н.э. – VI в. н. э.);	Древнекитайский (XVII в. до н. э. – I в. н.э.): 1. <i>ранний</i> (XVII – IX вв. до н. э.); 2. <i>средний</i> (V – II вв. до н. э.);	Протокитайский (середина II тыс. до н.э. – VIII в. до н.э.): 1. <i>язык гадательных надписей</i> (середина II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э.), 2. <i>язык надписей на бронзовых изделиях</i> (I	Древнекитайский (XVIII в. до н.э. – III в. н.э.): 1. <i>ранний</i> (XVIII в. – XI в. до н.э.); 2. <i>средний</i> (XI в. – II до н.э.); 3. <i>поздний</i> (II в. до н.э. – III в. н.э.);

Современный (начало XX в. – наст. момент)	3. <i>поздний</i> (II в. до н.э. – III в. н.э.); Среднекитайский (III в. – X в.); Новокитайский (XI в. – XIX в.); Современный (1919 г. – настоящий момент)	тыс. до н.э. – 771 г. до н.э.); Древнекитайский (VIII в. до н.э. – III в. н.э.): 1. <i>ранний</i> (VIII в. – III в. до н.э.), 2. <i>поздний</i> (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.); Среднекитайский (IV в. – до начала XIX в.): 1. <i>ранний</i> (IV в. – X в.), 2. <i>поздний</i> (XI в. – до начала XIX в.).	Среднекитайский (III в. – XII в.): 1. <i>ранний</i> (III в. – VI в.); 2. <i>средний</i> (VII в. – X в.); 3. <i>поздний</i> (X в. – XII в.); Новокитайский (XIII в. – начало XX в.): 1. <i>ранний</i> (XIII в. – XIV в.); 2. <i>средний</i> (XIV в. – начало XIX в.); 3. <i>поздний</i> (1840 г. – 1919 г.); Современный (1919 г. – настоящий момент).
---	---	---	---

Поскольку язык представляет собой иерархически организованную систему, состоящую из фонетического, грамматического уровней и лексического состава, периодизация истории языка не может быть осуществлена на основе анализа одной или некоторых подсистем языка. Построение периодизации предполагает детальный анализ всех сторон языка в течение времени его существования и выяснение законов, определяющих специфику развития каждого исторического периода. Модели Хуан Дяньчэна, Пань Юньчжуна и М. В. Софронова не могут выступать в качестве опорных для построения обобщающей модели.

Анализ репрезентативных моделей показал, что только четырёхуровневая десятичленная модель Сян Си соответствует критерию уровневости и наиболее приближена к реальной феноменологии языка в диахронии. Полнота учёта феноменологических свойств китайского языка, а также принятие во внимание фактора эволюции идеографической письменности позволяют считать, что периодизацию истории китайского языка, выявляемую посредством диахронической мета-систематизации моделей, следует выводить на основе модели Сян Си, дополненной моделью Лу Сисина, т.е. путём совмещения данных моделей на основе модели Сян Си. Модели периодизации, предложенные Сян Си и Лу Сисином, представлены в таблице № 9.

Совмещение наиболее полных моделей периодизации истории китайского
языка как основа диахронической мета-систематизации

Модель Сян Си ← → Модель Лу Сисина	
<p>Древнекитайский (XVIII в. до н.э. – III в. н.э.):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>ранний</i> (XVIII в. – XI в. до н.э.); 2. <i>средний</i> (XI в. – II до н.э.); 3. <i>поздний</i> (II в. до н.э. – III в. н.э.); <p>Среднекитайский (III в. – XII в.):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>ранний</i> (III в. – VI в.); 2. <i>средний</i> (VII в. – X в.); 3. <i>поздний</i> (X в. – XII в.); <p>Новокитайский (XIII в. – начало XX в.):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>ранний</i> (XIII в. – XIV в.); 2. <i>средний</i> (XIV в. – начало XIX в.); 3. <i>поздний</i> (1840 г. – 1919 г.); <p>Современный (1919 г. – наст. момент).</p>	<p>Древнекитайский (XVII в. до н.э. – III в. до н.э.):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>эпохи Шан-Инь, Зап. Чжоу</i> (XVII в. – VIII в. до н.э.); 2. <i>эпоха Восточная Чжоу</i> (VIII в. – III в. до н.э.); 3. <i>эпоха Цинь</i> (221 г. – 206 г. до н.э.); <p>Среднекитайский (III в. до н.э. – XIV в.):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>эпоха Хань</i> (III в. до н.э. – III в. н.э.); 2. <i>эпохи Шести династий, Суй, Тан</i> (III в. – X в.); 3. <i>эпохи Сун, Юань</i> (X в. – XIV в.); <p>Новокитайский (XIV в. – начало XX в.):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. <i>эпохи Мин, Цин</i> (XIV в. – начало XX в.); <p>Современный (1919 г. – наст. момент).</p>

В качестве ведущего уровня в совмещённой модели периодизации истории языка выступает уровень письменности. При этом введение данного уровня как необходимого и особо значимого вносит некоторые уточнения в модель Лу Сисина.

Схематично процесс построения совмещённой модели представлен в таблице №10 приложения, содержательно отражён ниже.

Временные границы периодов, установленных Лу Сисином, лишь незначительно отличаются от временных рамок периодов модели Сян Си. Попытаемся соотнести две модели, выделив характерные черты для каждого из периодов как на уровне языка, так и на уровне письменности.

Ранее было отмечено, что периодизация, предложенная Сян Си, является аспектной. Большинство лингвистов, занимающихся вопросами эволюции языка и периодизации его истории считают, что аспектное изложение материала нарушает целостное представление о языке, поскольку аспекты во временном и пространственном существовании движутся как бы автономно [Скрелина, 2005, с. 20; Катагощина, 1963, с. 5]. Для формирования целостного представления об эволюции китайского языка осуществим изложение материала по периодам, приняв в качестве ведущего уровня уровень письменности.

Для древнекитайского языка характерно:

1) на уровне письменности: принимая во внимание условность временных границ при моделировании периодизации, первый подпериод древнекитайского языка (XVII в. – VIII в. до н.э.) в модели Лу Сисина, для которого характерно использование стилей *цзягувэнь* и появление стиля *цзиньвэнь*, соотнесён с периодом раннего древнекитайского языка (XVIII в. – XI в. до н.э.) в модели Сян Си. Существует точка зрения об одновременном, а не последовательном существовании данных стилей письма. Данной точки зрения придерживался Цю Сигуй. В работе «文字学概要» «Основы китайской письменности» автор отмечает, что почерк *цзягувэнь* использовался преимущественно в государственно-клерикальной сфере, в то время как почерк *цзиньвэнь* применялся в светско-бытовой сфере [裘锡圭, 1988, с. 43]. К отличительным особенностям почерка *цзягувэнь* относились: прямые с заострёнными окончаниями линии; отсутствие различий в толщине линий; поворот линий в знаках под прямым углом; отсутствие стандартизации в написании, как в отношении количества линий, так и их расположения в знаке; хаотичность расположения знаков. Основными характерными чертами почерка *цзиньвэнь* были: широкие и короткие линии; закруглённые изгибы и прямые линии без приступа; формирование принципа компоновки знака в квадрат; стандартизация направления письма.

Второй (VIII в. – III в. до н.э.) и третий (221 г. – 206 г. до н.э.) подпериоды в модели Лу Сисина, представленные стилями *дачжуань* и *сяочжуань*, соотнесены со средним периодом древнекитайского языка в модели Сян Си (XI в. – II в. до н.э.). Второй подпериод представлен письменностью *дачжуань*, третий подпериод представлен письменностью *сяочжуань*. В это время произошёл переход от *дачжуань* к *сяочжуань*. Почерк «большая печать» отличался более равномерной толщиной линий, по сравнению с предыдущим периодом, а также достаточно сильной их округлостью. Для «малой печати» характерны правильность и симметричность овальных форм, унифицированность композиционного построения.

Первый подпериод среднекитайского языка (III в. до н.э. – III в. н.э.) в модели Лу Сисина, представленный стилем *лишу*, соотнесён с периодом позднего

древнекитайского языка (II до н.э. – III н.э.) в модели Сян Си. Знаки почерка *лишу* отличаются утратой мягких, волнистых линий; одинаковой толщиной; отсутствием приступов и завершений у прямых линий; наличием специфических утолщений на концах косых линий; прописыванием изгибов линий под углом; горизонтально-прямоугольной компоновкой линий внутри знака;

2) на уровне фонетики: консонантная система была представлена 28 согласными. Отсутствовали губно-зубные, палатализованные согласные. В ранний и средний периоды древнекитайского языка отсутствовали также дорсально-фрикативные согласные. Вокалическая система была представлена 20 классами рифм. Тональная система была представлена двумя тонами - открытым (долгим) тоном и закрытым (кратким) тоном;

3) на уровне грамматики: система частей речи была представлена 11 лексико-грамматическими классами. В ранний период в количественном отношении преобладают существительные. Отмечается незначительное количество прилагательных и глаголов. Глаголы делятся на два класса - переходные и непереходные. Практически полностью сформирована система числительных. Начинает формироваться система классификаторов. Система личных местоимений была достаточно развита и включала местоимения первого и второго лица. Начинает формироваться система наречий, предлогов и союзов. В средний период начинают появляться маркеры существительного 子, прилагательного 然, 焉, 如 и др. Для всех периодов древнекитайского языка было характерно явление частеречной транспозиции. На синтаксическом уровне преобладала модель подлежащее-сказуемое-дополнение. В отрицательных предложениях дополнение, выраженное личным местоимением, занимало позицию перед сказуемым. Предложения с именным сказуемым употреблялись без глагола-связки. В предложениях пассивного строя преимущественно использовались слова 为, 于, 见, 被;

4) на уровне лексики: характерно преобладание односложных однозначных слов. Двусложные слова составляли малый процент от общего количества

лексических единиц. Простые по лексической структуре двусложные слова образовывались тремя способами – аллитерацией, редупликацией или путём сложения двух или более морфем. Сложные по лексической структуре двусложные слова образовывались по четырём типам связи между компонентами: сочинительной, определительной, глагольно-объектной, предикативной типам связи. Большинство слов относилось к классу существительных, чуть меньше было глаголов и прилагательных, незначительное количество служебных слов.

Для среднекитайского языка характерно:

1) на уровне письменности: в периодизации Лу Сисина эпоха Шести династий (III в. – VI в.), т.е. переходный период от стиля *лишу* к стилю *кайшу*, не выделен. Опора на результаты исследований позволяет разделить второй подпериод среднекитайского языка в модели Лу Сисина на два подпериода – эпоху Шести династий (III в. – VI в.) и эпохи Суй, Тан (VI в. – X в.). Таким образом, эпоха Шести династий в модели Лу Сисина соотносится с ранним периодом среднекитайского языка (III в. – VI в.), а эпохи Суй и Тан со средним периодом среднекитайского языка (VII в. – X в.) в модели Сян Си. Временные рамки позднего среднекитайского языка (X в. – XII в.) в модели Сян Си совпадают с эпохой Сун в модели Лу Сисина.

Отличительной особенностью письменности раннего периода среднекитайского языка было становление почерка *кайшу*, т.е. переходный период от *лишу* к *кайшу*. Формируется система черт. В системе морфограмм количество морфограмм, указывающих на звучание знака превышает вдвое количество морфограмм, указывающих на значение. Появляются морфограммы, выполняющие символическую функцию. Существовало большое количество разнописей знаков, что, во-первых, было связано с отсутствием стандарта в написании морфограмм, во-вторых, с отсутствием стандарта в написании черт.

В средний период среднекитайского языка процесс перехода от стиля *лишу* к стилю *кайшу* завершается. Это время расцвета почерка *кайшу*, для которого было характерно: унификация и стандартизация системы черт; увеличение количества фонетиков и символов; усиление тенденции к упрощению знаков.

Данных об особенностях письменности позднего среднекитайского языка, т.е. эпохи Сун, в настоящее время недостаточно, чтобы дать полную характеристику;

2) на фонетическом уровне: консонантная система была представлена 36 (35) согласными. Произошло выделение класса губно-зубных, палатализованных и дорсально-фрикативных согласных. Начался процесс оглушения звонких согласных. Система вокализма была представлена 61 классом рифм. Тональная система была представлена четырьмя тонами – ровным, восходящим, падающим и входящим;

3) на грамматическом уровне: появились видовременные суффиксы глагола, показатели прилагательного 底 и наречия 地. Расширилась система предлогов и союзов. В предложениях с именным сказуемым в роли связки стал использоваться глагол-связка 是. Инверсия прямого дополнения в препозицию к сказуемому осуществлялась при помощи предлогов 将 и 把. Для выражения пассивного залога стал употребляться предлог 被 и конструкции с данным предлогом. Появился маркер компонента результата - суффикс 得;

4) на лексическом уровне: увеличилось количество двусложных многозначных слов, которые образовывались преимущественно по типам структуры, сформировавшимся в период древнекитайского языка. Появилось три новых типа (структуры) связи между компонентами - комплементарная, предметно-классификаторная и гетерогенная связи. Увеличилось количество двусложных слов, образованных при помощи суффиксов 子, 儿, 头.

Для новокитайского языка характерно:

1) на уровне письменности: временные границы раннего периода новокитайского языка (XIII в.– XIV в.) в модели Сян Си совпадают с эпохой Юань (XIII в. – XIV в.) в модели Лу Сисина. Средний период новокитайского языка (XIV в. – начало XIX в.) в модели Сян Си представлен эпохами Мин и Цин до 1840 г. Поздний период новокитайского языка (1840 г. – 1919 г.) в модели Сян Си приходится на эпоху Цин с 1840 г. в модели Лу Сисина. Особенности письменности с XIII в. по начало XX в. еще ждут своего описания;

2) на уровне фонетики: консонантная система была представлена 25 согласными. Произошло оглушение звонких согласных. Появился класс церебральных согласных. Вокалическая система была представлена 46 классами рифм. Тональная система представлена ровным, восходящим, нисходяще-восходящим, падающим тонами. Отпадение конечного носового [-m] и смычных [-p], [-t], [-k] привело к перегруппировке рифм внутри системы. Исчез входящий тон. Появился нисходяще-восходящий тон.

3) на уровне грамматики: завершилась грамматикализация видовременных суффиксов глагола. Появился суффикс множественного числа местоимений 们 (每). Для выражения продолженного действия стало обязательным употребление суффикса 着 после глагола. Произошла чёткая дифференциация служебных морфем 的, 底, 地. Усложнилась структура предложения;

4) на уровне лексики: возросло количество двусложных слов глагольно-объектной и предикативной структур. В литературный язык проникает большое количество разговорной лексики и диалектизмов. Под влиянием западных языков появляются трёхсложные слова, заимствования.

Для современного языка характерно:

1) на уровне письменности: Сян Си и Лу Сисин единодушны во мнении о том, что нижней границей современного периода в языке и в письменности, является 1919 г. Под влиянием «Движения 4 мая» 1919 г. и связанного с ним «движения за байхуа» происходит популяризация литературного языка, основанного на разговорной речи, а также образования в целом. В 50-е годы XX в. была начата реформа по упрощению китайских знаков, был опубликован официальный список упрощённых иероглифов. Появление упрощённых знаков рассматривается как результат развития тенденции к упрощению, начавшейся формироваться во времена эпохи Чжоу;

2) на уровне фонетики: система согласных представлена 22 согласными. Вокалическая система содержит 39 рифм. Тональная система представлена ровным, восходящим, нисходяще-восходящим, падающим тонами.

Особенности грамматического уровня и лексического состава современного китайского языка в работе Сян Си не описаны.

Характеристики письменности и изменения в ней, начиная с периода позднего среднекитайского языка вплоть до периода позднего новокитайского языка, могут стать объектом специального анализа, особое внимание в котором следует уделить интенсификации фактора внешней истории языка.

Совмещённая модель с учётом эволюционных сдвигов по периодам имеет следующий вид:

Таблица № 11

Совмещённая модель диахронической мета-систематизации

МОДЕЛЬ СЯН СИ	МОДЕЛЬ ЛУ СИСИНА
↓	↓
периоды	эволюционные сдвиги по уровням
<p>Древнекитайский (XVIII в. до н.э. – III в. н.э.):</p> <p><i>ранний период</i> { эпохи Шан-Инь, Западная Чжоу</p> <p><i>средний период</i> { эпохи Восточная Чжоу, Цинь</p> <p><i>поздний период</i> { эпоха Хань</p>	<p>На уровне письменности:</p> <p>стили <i>цзягувэнь</i> и <i>цзиньвэнь</i>, стили <i>дачжуань</i> и <i>сяочжуань</i>, стиль <i>лишу</i>.</p> <p>На фонетическом уровне: 28 согласных. Отсутствие губно-зубных, палатализованных и дорсально-фрикативных согласных. 20 классов рифм. Два тона – открытый и закрытый тоны.</p> <p>На грамматическом уровне: 11 лексико-грамматических классов. Преобладание существительных. Появление в результате грамматикализации суффиксов существительных. Развитая система местоимений первого и второго лица. Частеречная транспозиция. Отсутствие глагола-связки в предложениях с именным сказуемым. Инверсия дополнения, выраженного личным местоимением.</p> <p>На лексическом уровне: преобладание односложных слов. Образование сложных по лексической структуре двусложных слов по четырем типам связи между компонентами: сочинительной, определительной, глагольно-объектной и предикативной.</p>
<p>Среднекитайский (III в. – XII в.):</p> <p><i>ранний период</i> { эпоха Шести династий</p> <p><i>средний период</i> { эпохи Суй, Тан</p> <p><i>поздний период</i> { эпоха Сун</p>	<p>На уровне письменности:</p> <p>переход от стиля <i>лишу</i> к стилю <i>кайшу</i>, стиль <i>кайшу</i>, особенности письменности династии Сун не описаны.</p> <p>На фонетическом уровне: 36 согласных. Появление губно-зубных, палатализованных, дорсально-фрикативных согласных. Процесс оглушения звонких согласных. 61 класс рифм. Четыре тона – ровный, восходящий, падающий и входящий.</p> <p>На грамматическом уровне: появление в результате грамматикализации видовременных суффиксов глагола,</p>

	<p>показателей прилагательного 底 и наречия 地 . Появление местоимения третьего лица. Расширение системы предлогов и союзов. Появление глагола-связки 是 в предложениях с именным сказуемым. Инверсия прямого дополнения при помощи предлогов 将 и 把.</p> <p>На лексическом уровне: увеличение количества двусложных слов. Появление новых типов связи между компонентами - комплементарной, предметно-классификаторной и гетерогенной. Увеличение количества двусложных слов, образованных при помощи суффиксов 子, 儿, 头.</p>
<p>Новокитайский (XIII в. – начало XX в.):</p> <p><i>ранний период</i> { эпоха Юань</p> <p><i>средний период</i> { эпохи Мин, Цин (до 1840 г.)</p> <p><i>поздний период</i> { эпоха Цин (1840 г. – 1919 г.)</p>	<p>На уровне письменности: особенности письменности данного периода еще не описаны.</p> <p>На фонетическом уровне: 25 согласных. Оглушение звонких согласных. Появление церебральных согласных. 46 рифм. Четыре тона – ровный, восходящий, нисходяще-восходящий и падающий.</p> <p>На грамматическом уровне: завершение грамматикализации видовременных суффиксов глагола. Облигаторное употребление суффикса 着 для выражения продолженного действия. Чёткая дифференциация служебных морфем 的, 底, 地. Появление инклюзивных местоимений 俺, 咱 (咱). Появление суффикса множественного числа 们 (每). Усложнение структуры предложения.</p> <p>На лексическом уровне: увеличение количества двусложных слов глагольно-объектной и предикативной структур. Обогащение лексики за счет диалектизмов, разговорных слов, заимствований. Появление трёхсложных слов.</p>
<p>Современный (1919 г. – настоящий момент)</p>	<p>На уровне письменности: упрощение знаков китайской письменности.</p> <p>На фонетическом уровне: 22 согласных. 39 рифм. Тональная система представлена четырьмя тонами.</p>

Полученная в результате диахронической мета-систематизации модель имеет интегральный характер. Периодизация, представленная в совмещённой модели, отражает эволюцию идеографической письменности как сущностного показателя этнокогнитивного своеобразия языка в совокупности с показателями уровня проявления эволюционных сдвигов в системе языка, включая фонетические, грамматические, лексические изменения и тенденции, а также учитывает аспекты внешней истории языка.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В рамках реализации диахронической мета-систематизации периодизации истории китайского языка, осуществляемой при принятии критерия феноменологической адекватности в качестве интегрального критерия, установлен современный взгляд на вопрос периодизации истории китайской письменности, отграничена и описана модель Лу Сисина.

С целью критического анализа на предмет соответствия существующих моделей критерию феноменологической адекватности, подкреплённого критерием уровневости, было произведено описание и систематизация двенадцати моделей периодизации истории китайского языка авторов Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина, Хуан Дяньчэна, М. В. Крюкова и Хуан Шуин, Люй Шусяна, Пань Юньчжуна, М. В. Софронова, С. Е. Яхонтова, Чжоу Цзумо, Ван Ли и Сян Си. Выделены наиболее репрезентативные модели.

Было установлено четыре типа моделей периодизации истории китайского языка: одноуровневые, двухуровневые, трёхуровневые и четырёхуровневые модели. Модели, представленные в работах Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина, Хуан Дяньчэна, являются одноуровневыми четырёх-, пяти-, шести- и десятичленными соответственно. Модели М. В. Крюкова и Хуан Шуин, Люй Шусяна, Пань Юньчжуна являются двухуровневыми трёх-, семи- и восьмичленными. Модель М. В. Софронова трёхуровневая шестичленная. Модели С. Е. Яхонтова, Чжоу Цзумо, Ван Ли и Сян Си являются четырёхуровневыми пяти-, семи- и десятичленными.

В основу построения одноуровневых моделей положены изменения фонетической системы китайского языка. Наиболее репрезентативной одноуровневой моделью признана модель Хуан Дяньчэна. В основу построения двухуровневых моделей положены изменения морфологической и синтаксической подсистем языка. Репрезентативной двухуровневой моделью является модель Пань Юньчжуна. Трёхуровневая модель – модель М. В. Софронова. При моделировании периодизации истории китайского языка автор опирался на изменения в фонетической, морфологической и синтаксической системах. Четырёхуровневые

модели были построены при учёте изменений на всех уровнях системы – фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Наиболее репрезентативной четырёхуровневой моделью признана модель Сян Си.

Было установлено, что только репрезентативная четырёхуровневая десятичленная модель Сян Си соответствует критерию уровневости и наиболее приближена к реальной феноменологии языка в диахронии, однако не учитывает идиоэтнический фактор письменности.

Полнота учёта феноменологических свойств китайского языка, а также принятие во внимание фактора эволюции идеографической письменности, позволили соотнести четырёхуровневую, наиболее репрезентативную модель Сян Си, выявленную посредством диахронической мета-систематизации моделей, с моделью периодизации китайской письменности Лу Сисина.

На основе четырёхуровневой модели, путём её совмещения с моделью периодизации письменности, было осуществлено построение обобщающей модели периодизации истории китайского языка, учитывающей интегральный критерий феноменологической адекватности, подкреплённый критерием системного уровневого проявления эволюционных сдвигов, включая фонетические, грамматические, лексические изменения и тенденции, а также аспекты внешней истории языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании в рамках диахронической мета-систематизации опыта установления периодизации истории языка с идеографическим типом письменности осуществлена попытка построения совмещённой модели периодизации истории языка, учитывающей базовый интегральный критерий феноменологической адекватности, подкреплённый критерием системного уровневого проявления эволюционных сдвигов, включая фонетические, грамматические, лексические изменения и тенденции, а также аспекты внешней истории языка.

Моделирование осуществляется на материале истории китайского языка - одного из немногих языков с идеографическим типом письменности. Идеографический тип письма не является вторичным фактом истории языка, но фактором, определяющим его феноменологическое своеобразие. Пиктограмма/идеограмма представляет собой основополагающий элемент коррелятивного мышления, для которого характерны классификационизм и особый тип обобщения – генерализация, т.е. представление класса объектов путём выделения из него самого характерного объекта в качестве репрезентанта. Иероглиф, занимая важнейшее место в этнокультурном сознании китайцев, формирует культуру «вэнь» – культуру письменного знака; выступает первоисточником культуры, в основе которой лежит представление об атомарном, целостном факте. Знак, репрезентируя действительность, способен передавать смысл в сжатом, конденсированном виде. Фактор иероглифической письменности, выступая в качестве базового идиоэтнического фактора, обусловленного взаимосвязью языка, культуры, мышления, оказывает значительное влияние на феноменологические характеристики языка в его синхронии и диахронии.

Главенствующее положение иероглифического знака определило развитие направлений лингвистической мысли древнего Китая, в фокусе внимания которых были характеристики знака – значение, структура и его звучание. Начиная с XVII в., с началом развития торговых отношений и проникновением христианства в Китай, звуковая составляющая знака стала предметом интереса европейских

исследователей. Появились работы не только по синхронической, но и диахронической фонетике. Первые диахронические описания фонетического строя стали началом формирования предпосылок диахронического описания языка.

Изучение языка в диахронии является одним из ключевых аспектов, влияющих на формирование целостного представления о языке как сложном феномене. Ретроспективный взгляд на язык позволяет понять его онтологическую сущность, дать более объективную оценку современному состоянию и спрогнозировать направление его развития в будущем.

Язык представляет собой сложный и многогранный феномен, существующий в пространственном и временном континууме. Для систематизации знаний об эволюционном развитии языка научное сообщество применяет периодизацию его истории. Периодизация определяется как вид систематизации, заключающейся в условном делении исторического процесса на определённые хронологические периоды согласно принятым основаниям – критериям систематизации. Она позволяет выявить особенности качественных изменений исторического процесса во времени, установить с достаточно высокой степенью точности моменты этих изменений, раскрыть форму и содержание исторических явлений в каждый исторический период, проследить действие определённых исторических закономерностей.

Сложность, высокая организованность, уровневость, динамичность, социальная и территориальная представленность языка усложняет процесс его периодизации. Существование на протяжении многих веков устного и письменного языка вэньяня, также препятствует объективной оценке письменных памятников, являющихся источником лингвистической информации об определённом периоде, на основе которых производится выделение периодов в эволюции языка.

Периодизация истории языка представляет определённое видение объекта исследования, воплощающееся в модели автора. Моделирование и его результат – модель – является одним из основополагающих методов в познании абстрактных семиологических систем и особенностей их эволюции. Модель есть мысленный

конструкт, обладающий необходимым набором свойств и в существенных чертах демонстрирующий и воспроизводящий своим поведением поведение своего прототипа. Модель должна обладать такими свойствами как изоморфизм, точность, непротиворечивость, формальность, экспланаторность, которые предполагают её феноменологическую адекватность оригиналу сложной онтологической природы. Феноменологическая адекватность есть соответствие, тождество чего-то «являющемуся» или «само-по-себе-себя-кажущему». Принцип феноменологической адекватности, использующийся в качестве интегрального критерия, таким образом, должен, исходя из положения о познании сущности объекта через его явление, учитывать типологическую характеристику языка, эволюционные сдвиги, прослеживаемые во внутренней истории языка на всех уровнях языковой системы, а также факты внешней истории языка. Принимая во внимание важность идиоэтнического фактора письменности, критерий феноменологической адекватности по отношению к моделированию периодизации истории китайского языка должен учитывать и периодизацию китайской письменности. В этом случае модель периодизации можно считать приближенной к точности и полноте оригинала – сущности исследуемого объекта и интегральной по способу её выведения.

Авторская модель периодизации истории языка, выступая в качестве объекта исследования, представляет собой метатеорию. В связи с этим в работе было введено понятие диахронической мета-систематизации, которая представляет собой вид моделирования, реализуемый в следующем алгоритме анализа: 1. установление и систематизация уже существующих моделей периодизации истории языка как объекта изучения; 2. критическое рассмотрение данных моделей с точки зрения их адекватности объекту изучения; 3. построение выводной модели на основе интегрального принципа адекватности объекту изучения. Приставка «мета-» подчеркивает направленность моделирования от систематизации реализованных моделей как основы моделирования, к построению новой модели.

В ходе реализации первого этапа мета-систематизации, в результате историографического анализа, было установлено семнадцать моделей

периодизации авторов Б. Карлгрена, А. Масперо, С. А. Старостина, Хуан Дяньчэна, М. В. Крюкова и Хуан Шуин, Люй Шусяна, Пань Юньчжуна, М. В. Софронова, С. Е. Яхонтова, Чжоу Цзумо, Ван Ли, Сян Си, У. Бакстера, Дж. Нормана, Э. Пул्लиблэнка, И.С. Гуревич и И.Т. Зограф, Цзян Цзичэна. Из данного установленного списка моделей, на основании критерия активности использования в теоретических и практических работах, а также аспекта типичности, было отобрано двенадцать первых моделей. Отобранные периодизации были проанализированы на предмет критерия, положенного в основу их построения. Было установлено, что фактор письменности не принимается во внимание ни в одной модели.

С целью введения в периодизацию истории языка фактора письменности, составляющей существенные черты онтологии китайского языка, был установлен современный взгляд на вопрос периодизации китайской письменности. Вплоть до недавнего времени базовой являлась периодизация, охватывающая временной промежуток с XVII в. до н.э. по III в. В результате исследований на современном этапе нижняя граница периода расцвета почерка кайшу с III в. была смещена на VI в. Верхняя граница датируется X в. В настоящее время периодизация эволюции китайской письменности охватывает временной диапазон с XVII в. до н.э. по начало XX в., однако период с X в. по XX в. пока остается лакунарным с точки зрения его описания. Современное видение периодизации истории китайской письменности нашло отражение в модели Лу Сисина.

В результате систематизации моделей было установлено четыре типа моделей: одноуровневые, двухуровневые, трёхуровневые и четырёхуровневые модели. Одноуровневыми четырёх-, пяти-, шести- и десятичленными являются четыре модели, двухуровневыми трёх-, семи- и восьмичленными - три модели, одна модель является трёхуровневой шестичленной и четыре модели являются четырёхуровневыми пяти-, семи- и десятичленными.

Исходя из критерия демонстрации непрерывного развития подсистемы языка, в каждом типе моделей были установлены наиболее репрезентативные модели. Наиболее репрезентативной одноуровневой моделью является модель Хуан

Дяньчэна. Репрезентативной двухуровневой признана модель Пань Юньчжуна, Трёхуровневой репрезентативной моделью является модель М. В. Софронова. Репрезентативной четырёхуровневой моделью признана модель Сян Си.

Выявленная посредством диахронической мета-систематизации моделей, четырёхуровневая десятичленная модель Сян Си отвечает критерию уровневости и наиболее приближена к реальной феноменологии языка в диахронии, однако не учитывает идиоэтнический фактор письменности.

Полнота учёта феноменологических свойств китайского языка, а также принятие во внимание фактора эволюции идеографической письменности позволили считать, что периодизацию истории китайского языка, выявляемую посредством диахронической мета-систематизации моделей, следует выводить на основе модели Сян Си, дополненной моделью Лу Сисина, т.е. путём совмещения данных моделей на основе модели Сян Си.

Полученная в результате диахронической мета-систематизации модель имеет интегральный характер. Периодизация, представленная в совмещённой модели, отражает эволюцию идеографической письменности как сущностного показателя этнокогнитивного своеобразия языка в совокупности с показателями уровневого проявления эволюционных сдвигов в системе языка, включая фонетические, грамматические, лексические изменения и тенденции, а также учитывает факты внешней истории языка.

Проведённое исследование опыта периодизации истории языка с идеографическим типом письменности в соответствии с критерием феноменологической адекватности открывает перспективу дальнейшего, более целенаправленного изучения эволюции китайской письменности в диахроническом аспекте, включая мало изученные в этом плане периоды с X в. по начало XX в., новейших изменений в языке; а также применения положений и результатов работы при исследовании истории других языков с учётом их типологического и этнокогнитивного своеобразия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Абдульманова, А. Х. Давление системы как фактор становления нормы в среднеанглийском языке [Текст] / А. Х. Абдульманова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – СПб. 2008, – № 4. – С. 40 – 44.
2. Агеев, Н. Ю. Календарь как основной инструмент так называемого коррелятивного мышления [Электронный ресурс] / Н. Ю. Агеев URL: <http://www.synologia.ru/a/> (20.09.2018)
3. Алексахин, А. Н. Диалект хакка (китайский язык). Фонология, морфология синтаксис [Текст] / А. Н. Алексахин. – М.: Восточная книга, 2013. – 88 с.
4. Алиференко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке [Текст] / Н. Ф. Алиференко. – М.: Флинта, 2005. – 413 с.
5. Алиференко, Н. Ф. Теория языка. Вводный курс [Текст] / Н. Ф. Алиференко. – М.: Академия, 2004. – 368 с.
6. Амирова, Т. А. История языкознания [Текст] / Т. А. Амирова, Б. А. Ольховиков, Ю. В. Рождественский. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. – 560 с.
7. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 305 с.
8. Аракин, В. Д. История английского языка [Текст] / В. Д. Аракин. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2003. – 272 с.
9. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А. Н. Баранов. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
10. Белозёрова, В. Г. Шу ти [Текст] / В. Г. Белозёрова // Духовная культура Китая. Искусство. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010. – С. 867– 871.
11. Беляева, М. А. Моделирование систем [Текст] / М. А. Беляева. – М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2012. – 188 с.
12. Боронникова, Н. В. История лингвистических учений [Текст] / Н. В. Боронникова, Ю. А. Левицкий. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 525 с.

13. Будагов, Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Добросвет, 2004. – 304 с.
14. Будагов, Р. А. Язык – реальность – язык [Текст] / Р. А. Будагов. – М.: Наука, 1983. – 262 с.
15. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа [Текст] / Й. Л. Вайсгербер. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
16. Винокур, Г. О. Избранные труды по русскому языку [Текст] / Г. О. Винокур. – М.: Учпедгиз, 1959. – 612 с.
17. Воронина, О. Ю. К вопросу о подходах к периодизации истории языка с идеографическим типом письменности [Текст] / О. Ю. Воронина, А.М. Кошель // Филологические науки: вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. – Тамбов, 2017. №4(70) Ч.1. – С. 62 – 66.
18. Воронина, О. Ю. К вопросу описания истории языка с идеографической письменностью в русле младограмматической традиции (на примере работы Хуан Дяньчэна) [Текст] / О. Ю. Воронина // Материалы международной научно-практической конференции «Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение» 16-17 октября 2014 г., Иркутск, 2014. – С.67 – 73.
19. Воронина, О. Ю. О средствах реконструкции фонологической системы китайского языка: китайская «иньюньсюэ» и особенности ее терминологического аппарата [Текст] / О. Ю. Воронина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – Волгоград: Перемена, 2018. – № 9 (132). – С. 181– 185.
20. Воскобойник, Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода [Текст]: дисс. ...доктора филол. наук: 10.02.20 / Г. Д. Воскобойник. – Иркутск, 2004. – 299 с.
21. Гердер, И. Г. Избранные сочинения [Текст] / И. Г. Гердер. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – 365 с.

22. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики [Текст] / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – 211 с.
23. Головачёва, Л. И. Ян Бо-цзюнь о названии, авторстве и времени создания Лунь-юй [Текст] / Л. И. Головачёва // Общество и государство в Китае. – М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – № 20-1. – С. 282 – 288.
24. Готлиб, О. М. Основы грамматики китайской письменности [Текст] / О. М. Готлиб. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 284 [4] с.
25. Готлиб, О. М. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX – первой половины XX вв. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин: монография / О. М. Готлиб, Е. В. Кремнёв, Т. Е. Шишмарева. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – 283 с.
26. Готлиб, О. М. Практическая грамматика современного китайского языка [Текст] / О. М. Готлиб. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 287 с.
27. Гринин, Л. Е. Методологические основания периодизации истории [Текст] / Л. Е. Гринин // Философские науки. Изд-во: «Академия гуманитарных исследований», 2006. – № 8. – С. 117 – 123.
28. Гринин, Л. Е. Методологические основания периодизации истории [Текст] / Л. Е. Гринин // Философские науки. Изд-во: «Академия гуманитарных исследований», 2006. – № 9. – С. 127 – 131.
29. Гринин, Л. Е. Теория и методология истории [Текст] / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаяев, Н. Н. Крадин. – Волгоград: Учитель, 2014. – 504 с.
30. Гумбольдт, В. Ф. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. Ф. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2000. – 394 с.
31. Гуссерль, Э. Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль. – М.: Наука, 2006. – 316 с.
32. Десницкая, А. В. История лингвистических учений. Древний мир [Текст] / А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. – Л.: Издательская группа «Наука», 1980. – 263 с.

33. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка [Текст] / А. А. Драгунов. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – 232 с.
34. Еремеев, В. Е. Чертеж Антропокосмоса [Текст] / В. Е. Еремеев. – М.: АСМ, 1993. – 381,[2] с.
35. Звегинцев, В. А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений [Текст] / В. А. Звегинцев // Новое в лингвистике / ред. В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – Вып. 3. Типологическое изучение языков. – Ч. 3. С. 125 – 143 с.
36. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях [Текст] / В. А. Звегинцев. – М.: Издательство «Просвещение», 1964. Ч. 2. – 496 с.
37. Зиндер, Л. Р. Историческая морфология немецкого языка [Текст] / Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. – Л.: Просвещение, 1968. – 263 с.
38. Зограф, И. Т. История изолирующего языка с иероглифической письменностью [Текст] / И. Т. Зограф. – М.: ЛКИ, 2011. – 224 с.
39. Зограф, И. Т. Официальный вэньянь [Текст] / И. Т. Зограф. – М.: Наука, 1990. – 342 с.
40. Иванов, А. И. Грамматика современного китайского языка [Текст] / А. И. Иванов, Е. Д. Поливанов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
41. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка [Текст] / В. В. Иванов. – М.: «Просвещение», 2003. – 304 с.
42. Ильина, Т. П. О вариативности в диахронии [Текст] / Т. П. Ильина // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы. Сборник статей. Материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара имени Л.М. Скрепиной (Москва, 13-16 сентября 2017 г.). – М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. С. 121-125 (388)
43. Ильиш, Б. А. История английского языка [Текст] / Б. А. Ильиш. – М.: Издательство «Высшая школа», 1968. – 420 с.

44. Истрин, В. А. Развитие письма [Текст] / В. А. Истрин. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. – 403 с.
45. Карапетьянц, А. М. У истоков китайской словесности [Текст] / А. М. Карапетьянц. – М.: Восточная литература, 2010. – 480 с.
46. Катагощина, Н. А. История французского языка [Текст] / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – 452 с.
47. Кирюхина, Л. В. Становление грамматической традиции в китайском языкознании: опыт системного анализа грамматики Ма Цзяньчжуна [Текст]: автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Кирюхина. – Улан-Удэ, 2018. – 23 с.
48. Кобзев, А. И. Вэнь [Текст] / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая. Философия. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. – С. 192 – 194.
49. Кобзев, А. И. Сяншучжи-сюэ [Текст] / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая. Философия. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. – С. 419 – 421.
50. Кобзев, А. И. Языкознание [Текст] / А. И. Кобзев // Духовная культура Китая. Наука. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. – С. 492 – 520.
51. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования [Текст] / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 435 с.
52. Кодухов, И. В. Методы лингвистического анализа [Текст] / И. В. Кодухов. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1963. – 128 с.
53. Конрад, Н. И. О китайском языке [Текст] / Н. И. Конрад // Вопросы языкознания. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1952. № 3. С. 45 – 78.
54. Коротков, Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка [Текст] / Н. Н. Коротков. – М.: Наука, 1968. – 400 с.

55. Крушинский, А. А. Логика Древнего Китая [Текст] / А. А. Крушинский. – М.: ИВД РАН, 2013. – 382 с.
56. Крушинский, А. А. Логика Древнего Китая [Текст]: автореф. дис. ... докт. филос. наук: 09.00.07 / А. А. Крушинский. – Москва, 2006. – 44 с.
57. Крюков, М. В. Древние китайцы: проблемы этногенеза [Текст] / М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1978б. – 344 с.
58. Крюков, М. В. Китайский этнос в средние века [Текст] / М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1984. – 346 с.
59. Кубрякова Е. С. О понятиях синхронии и диахронии [Текст] / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания, – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1968. – №3. – С. 112 – 121.
60. Лаптева, М. П. Теория и методология истории [Текст] / М. П. Лаптева. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2006. – 254 с.
61. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография [Текст] / Е. Ф. Серебренникова и [др.]. – М.: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
62. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
63. Лосев, А. Ф. Введение в теорию языковых моделей [Текст] / А. Ф. Лосев. – М.: Эдиториал, УРСС, 2004. – 296 с.
64. Макаев, Э. А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц [Текст] / Э. А. Макаев // Вопросы языкознания, – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – № 5. – С. 47 – 53.
65. Мамедов, Н. М. Моделирование и синтез знаний [Текст] / Н. М. Мамедов. – Баку: Издательство «Элм», 1979. – 107 с.
66. Менщиков, И. С. Методология истории [Текст] / И. С. Менщиков. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та. 2015. – 208 с.

67. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков [Текст] / Н. Б. Мечковская. – М.: Флинта, 2001. – 159 с.
68. Михайлова, Е. Н. Испанские грамматики Золотого века в свете принципа антропоцентризма [Текст] / Е. Н. Михайлова, С. В. Колтунова // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы. Сборник статей. Материалы XVIII Международной конференции Школы-Семинара имени Л.М. Скредлиной (Москва, 13-16 сентября 2017 г.). – М.: МГПУ; Языки Народов Мира, 2017. – С. 181–187 (388).
69. Пауль, Г. Принципы истории языка [Текст] / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 501 с.
70. Пиотровский, Р. Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении) [Текст] / Р. Г. Пиотровский. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2008, – 256 с.
71. Попова, З. Д. Общее языкознание [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. – 408 [8]с.
72. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.
73. Потебня, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потебня. – Киев, 1993. – 192 с.
74. Резвин, И. И. Метод моделирования и типология славянских языков [Текст] / И. И. Резвин. – М.: Наука, 1967. – 303 с.
75. Резвин, И. И. Структура языка как моделирующей системы [Текст] / И. И. Резвин. – М.: Наука, 1978. – 290 с.
76. Репина, Л. П. История исторического знания [Текст] / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
77. Реформатский, А. А. Введение в языковедение [Текст] / А. А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
78. Савельева, И. М. Теория исторического знания [Текст] / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб.: АЛТЕЙЯ, 2007. – 522 с.

79. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
80. Серебренников, Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Текст] / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1970. – 602 с.
81. Скрелина, Л. М. История французского языка [Текст] / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – М.: Высшая школа, 2005. – 463 с.
82. СЭС – Советский энциклопедический словарь [Текст] / Главный редактор А. М. Прохоров. – М.: «Советская энциклопедия», 1985. – 1599 с.
83. СФТ – Словарь философских терминов [Текст] / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 745 с.
84. Солнцев, В. М. Куда идет китайский язык? [Текст] / В. М. Солнцев Н. В. Солнцева // Китайское языкознание: Изолирующие языки: IX международная конференция: Материалы. – М., 1998. – С. 15 – 22.
85. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В. М. Солнцев. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
86. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков. [Текст] / В. М. Солнцев. – М.: Издательская форма «Восточная литература» РАН, 1995. – 352 с.
87. Соссюр, Ф. де Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
88. Спешнев, Н. А. Введение в китайский язык: Фонетика и разговорный язык [Текст] / Н. А. Спешнев. – СПб.: КАРО, 2006. – 256 с.
89. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1975. – 313 с.
90. Стефановская, С. В. Семиотизация звукового мира. Звукоподражания китайского языка [Текст] / С. В. Стефановская. – Иркутск: МГЛУ ЕАЛИ, 2015. – 200 с.
91. Стёпин, В. С. Философия [Текст] / В. С. Стёпин и [др.] под общ.ред. Я.С. Яскевич. – Мн.: РИВШ, 2006. – 624 с.

92. Столяренко, Л. Д. Культурология [Текст] / Л. Д. Столяренко и [др.]. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 352 с.
93. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е. А. Торчинов. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 207. – 329 с.
94. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 135 – 168.
95. Филичева, Н. И. История немецкого языка [Текст] / Н. И. Филичева. – М.: АКАДЕМИЯ, 2003. – 308 с.
96. ФС – Философский словарь [Электронный ресурс] URL: <http://slovariki.org/filosofskij-slovar/230> (14.11.2018).
97. ФЭС – Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. редакция академик АН СССР Л. Ф. Ильичев и [др.]. – М.: «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», 1983. – 825 с.
98. Фролов, И. Т. Гносеологические проблемы моделирования биологических систем [Текст] / И. Т. Фролов // Вопросы философии. – 1961. – №2. – С. 39 – 51.
99. Хайдеггер, М. Бытие и время: Статьи и выступления: Пер. с нем. [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
100. Херрманн, Ф. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля Сб / Пер. с нем. [Текст] / Ф. фон Херрманн. – Мн.: ПроPILEI, 2000. – 192 с.
101. Чжао, Юаньжэнь. Модели в лингвистике и модели вообще [Текст] / Юаньжэнь Чжао // Математическая логика и ее применение. – М.: Мир, 1965. – С. 281 – 292.
102. Шигаревская, Н. А. История французского языка [Текст] / Н. А. Шигаревская. – Л.: Просвещение, 1973. – 286 с.
103. Шилихина, К. М. Формальные модели в лингвистике Учеб. пособ. [Текст] / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2005. – 31 с.
104. Шицзин: Книга песен и гимнов [Текст] / Пер. с кит. А. Штуков. – М.: Художественная литература, 1987. – 351 с.

105. Шишмарева, Т. Е. Китайский словарь «Эрья» в идеографическом и этнокультурном аспектах: монография [Текст] / Т. Е. Шишмарева. – М.: Издательский дом ВКН, 2018. – 288 с.
106. Шофман, А. С. Периодизация всемирной истории [Текст] / А. С. Шофман. – Казань: Издательство Казанского университета, 1984. – 224с.
107. Штофф, В. А. Моделирование и философия [Текст] / В. А. Штофф. – М.: Наука, 1966. – 303 с.
108. 曹伯韩 . 文字和文字学 [电子版] / 曹伯韩 . URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-YWXX195806020.htm> (13.01.2019).
109. 岑麒祥. 语言学史概要 [本文] / 岑麒祥. – 北京: 世界图书出版公司, 2008. – 314 页.
110. 陈世辉. 古文字学概要 [本文] / 陈世辉, 汤余惠. – 长春市: 吉林大学出版社, 1988. – 310 页.
111. 付继伟. 魏晋南北朝碑刻文字研究 [电子版] 博士论文 / 付继伟. URL: <http://www.wanfangdata.com.cn/details/detail.do> (19.01.2019).
112. 何九盈. 中国古代语言学史 [本文] / 何九盈. – 北京: 北京大学出版社, 2007. – 348 页.
113. 黄约斋 . 汉字字体变迁简史 [电子版] / 黄约斋 . URL: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/34529396.html> (14.01.2019).
114. 李梅燕. 基于语料库的六朝与隋唐五代石刻楷书异体字比较调查[电子版] / 李梅燕 . URL: <https://wenku.baidu.com/view/624fa75a77232f60ddcca134.html> (28.01.2019).
115. 罗宗真 . 魏晋南北朝考古 [电子版] / 罗宗真 . URL: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/24537411.html> (18.01.2019).
116. 毛远明. 魏晋南北朝汉字的特征及规律 [电子版] / 毛远明. URL: <http://www.cnki.com.cn/Article/CJFDTotal-SXDD201206007.htm> (26.01.2019).

117. 毛远明. 魏晋南北朝碑刻文字的时代特征 [电子版] / 毛远明. URL: <https://www.docin.com/p-284856621.html> (26.01.2019).
118. 裘锡圭. 文字学概要 [本文] / 裘锡圭. - 北京: 商务印书馆, 1988. - 352 页.
119. 唐作藩. 汉语音韵学常识 [本文] / 唐作藩. - 上海: 教育出版社, 1979. - 86 页.
120. 徐志奇. 汉语文字学概要 [电子版] / 徐志奇. URL: <https://max.book118.com/html/2017/0416/100593740.shtm> (22.01.2019).
121. 邹晓丽. 文字学概要 [本文] / 邹晓丽, 杨润陆, 秦永龙. - 北京: 北京师范大学系, 1988. - 284 页.
122. 郑婕. 魏晋南北朝简牍文字研究 [电子版] 博士论文 / 郑婕. URL: <https://max.book118.com/html/2015/0919/25776210.shtm> (20.01.2019).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛОВ ИССЛЕДОВАНИЯ:

1. Гуревич, И. С. Хрестоматия по истории китайского языка III-XV вв. [Текст] / И. С. Гуревич, И. Т. Зограф. – М.: Наука, 1982. – 201 с.
2. Крюков, М. В. Древнекитайский язык [Текст] / М. В. Крюков, Хуан Шу-ин. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1978а. – 512 с.
3. Софронов, М. В. Китайский язык и китайская письменность [Текст] / М. В. Софронов. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. – 638, [2] с.
4. Старостин, С. А. Реконструкция фонологической системы древнекитайского языка [Текст] / С. А. Старостин. – М.: Наука, 1989. – 732 с.
5. Яхонтов, С. Е. Древнекитайский язык [Текст] / С. Е. Яхонтов. – М.: Наука, 1965. – 115 с.
6. Baxter, W. H. A handbook of Old Chinese phonology [Text] / W. H. Baxter. – New York, 1992. – 933 p.
7. 高本汉. 中国音韵学研究[本文] / 高本汉. – 北京: 商务印书馆, 2003. – 748 页.
8. 藏克和. 中国文字学发展史: 隋唐五代文字卷 [本文] / 藏克和. – 上海: 东华师范大学出版社, 2013. – 521 页.
9. 黄典诚. 汉语语音史 [本文] / 黄典诚. – 合肥: 安徽教育出版社, 1993. – 262 页.
10. 蒋冀骋. 近代汉语词汇研究 [本文] / 蒋冀骋. – 湖南: 湖南教育出版社, 1991. – 276 页.
11. 陆锡兴. 论汉字史研究 [电子版] / 陆锡兴. URL: <https://wenku.baidu.com/view/6f9d8829f6ec4afe04a1b0717fd5360cba1a8dee.html> (15.02.2019).
12. 吕叔湘. 近代汉语指代词 [本文] / 吕叔湘. – 上海: 上海出版社, 1985. – 426 页.
13. 罗杰瑞. 汉语概说 [本文] / 罗杰瑞. – 北京: 语文出版社出版, 1995. – 258 页.
14. 马伯乐. 唐代长安方言考 [本文] / 马伯乐. – 北京: 中华书局, 2005. – 215 页.

15. 潘允中. 汉语语法史概要 [本文] / 潘允中. - 河南省: 中州书画社出版, 1982. - 273 页.
16. 蒲立本. 上古汉语辅音系统 [本文] / 蒲立本. - 北京: 中华书局, 1999. - 237 页.
17. 王力. 汉语史稿 [本文] / 王力. - 北京: 中华书局出版社, 2009. - 714 页.
18. 王平. 中国文字学发展史: 魏晋南北朝文字卷 [本文] / 王平, 郭瑞. - 上海: 东华师范大学出版社, 2014. - 351 页.
19. 向熹. 简明汉语史 (上) [本文] / 向熹. - 北京: 高等教育出版社, 1998. - 757 页.
20. 向熹. 简明汉语史 (下) [本文] / 向熹. - 北京: 高等教育出版社, 1998. - 555 页.
21. 周祖谟. 语言文史论集 [本文] / 周祖谟. - 北京: 学苑出版社, 2004. - 655 页.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица № 2

Консонантная система древнекитайского языка

По способу образования	шумные				сонанты	
	глухие смычные/смычно-фрикативные		звонкие смычные/смычно-фрикативные	фрикативные	НОВОСЫС	латеральный
	непридых.	придых.				гласный
губно-губные			邦 p	滂 p'		並 b
апикально-десенные	端 t	透 t'	定 d		泥 n	来 l
апикально-зубные	精 ts	清 ts'	从 dz	心 s		
заднеязычные	见 k	溪 k'	匣 g		疑 η	
гортанные				晓 h		影 φ

Таблица № 3

Консонантная система среднекитайского языка

По способу образования	смычные			аффрикаты			фрикативные			НОВОСЫС	латеральный	НОВОСЫС
	глухие		звонкие	глухие		звонкие	глухие		звонкие			
	непридых.	придых.		непридых.	придых.		непридых.	придых.				
губно-губные	邦 p	滂 p'	並 b							明 m		
губно-зубные							非 f	敷 f'	奉 v	微 η		
апикально-зубные	精 ts	清 ts'	从 dz				心 s		邪 z			
апикально-десенные	端 t	透 t'	定 d							泥 n	来 l	
дорсально-фрикативные				庄 ʃ	初 ʃ'	崇 dʒ	生 ʃ					
дорсальные	知 t	彻 t'	澄 d									
дорсально-палатальные				章 tɕ	昌 tɕ'	禅 dʒ	书 ɕ		船 z			
заднеязычные задненебные	见 k	溪 k'	匣 g							疑 η		

гортанные			以 j 云 y				晓 h		匣 h		影 φ	
среднеязычно носовой												η

Таблица № 4

Консонантная система новокитайского языка

По способу образования	смычные/смычно- фрикативные		фрикативные		сонанты	
	глухие		глухие	звонкие	носовые звонкие	латераль- ный звонкий
По месту образования	непридых.	придых.				
губно-губные	邦 p	滂 p'	非 f	微 v	明 m	
апикально- десенные	端 t	透 t'			泥 n	来 l
апикально- зубные	精 ts	清 ts'	心 s			
дорсально- фрикативные	照 tʃ	昌 tʃ'	审 ʃ	日 ʒ		
заднеязычные	见 k	溪 k'		晓 x		
гортанные						影 φ

Таблица № 5

Консонантная система современного языка

По способу образования	смычные/смычно- фрикативные		фрикативные		сонанты	
	глухие		глухие	звонкие	носовые звонкие	латераль- ный звонкий
По месту образования	непридых.	придых.				
губно-губные	邦 p	滂 p'	非 f		明 m	
апикально-десенные	端 t	透 t'			泥 n	来 l
апикально-зубные	照 te	穿 te'	审 ε	日 z		
апикально- переднетвердо- небные	祖 ts	粗 tʂ'	苏 ʂ			
среднеязычно- твердонебные	见精 te	溪清 te'	晓心 ε			
заднеязычные	高 k	考 k'		好 x		
гортанные						影 φ

Процесс построения совмещённой модели мета-систематизации

Модель Сян Си	Модель Лу Сисина
<p>Древнекитайский (XVIII в. до н.э. – III в. н.э.):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. ранний (XVIII в. – XI в. до н.э.); 2. средний (XI в. – II до н.э.); 3. поздний (II до н.э. – III н.э.); <p>Среднекитайский (III в. – XII в.):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. ранний (III в. – VI в.); 2. средний (VII в. – X в.); 3. поздний (X в. – XII в.); <p>Новокитайский (XIII в. – начало XX в.):</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. ранний (XIII в. – XIV в.); 2. средний (XIV в. – начало XIX в.); 3. поздний (1840 г. – 1919 г.); <p>Современный (1919 г. – настоящий момент).</p>	<p>Древнекитайский (XVII в. до н.э. – III в. до н.э.):</p> <ol style="list-style-type: none"> ← 1. эпохи Шан-Инь, Западная Чжоу (XVII в. – VIII в. до н.э.); ← [2. эпоха Восточная Чжоу (VIII – III); ← 3. эпоха Цинь (221 – 206 гг. до н.э.); ← 1. эпоха Хань (III в. до н.э. – III в. н.э.); <p>Среднекитайский (III в. до н.э. – XIV в.):</p> <ol style="list-style-type: none"> ← 2. эпоха Шести династий (III в. – VI в.); ← эпохи Суй, Тан (VI в. – X в.); ← 3. эпоха Сун (X в. – XIII в.) ← эпоха Юань (XIII в. – XIV в.); <p>Новокитайский (XIV в. – начало XX в.):</p> <ol style="list-style-type: none"> ← 1. эпохи Мин, Цин (XIV в. – первая половина XIX в.); ← эпоха Цин (вторая половина XIX в. – начало XX в.); <p>← Современный (1919 г. – настоящий момент).</p>